Игорь Фесуненко

ПЕЛЕ, ГАРРИНЧА, ФУТБОЛ

-2

ТЕРРА-СПОРТ

Annotation

Переиздание существенно доработанной и дополненной книги о бразильском футболе известного журналиста-международника, увлекательный рассказ об игре и жизни лучших футболистов Бразилии второй половины уходящего века.

- И. С. Фесуненко
  - ОТ АВТОРА
  - ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БРАЗИЛЬСКИЙ ФУТБОЛ ЛУЧШИМ В МИРЕ?
  - ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ (вместо введения)
  - ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ «ФЛА» — «ФЛУ»
  - ГРУСТНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ ФУТБОЛА
  - ПРЕЗИДЕНТЫ НЕ ЛЮБЯТ НЕУДАЧНИКОВ
  - А СУДЬИ КТО?
  - «САНТОС» — МАШИНА, РАБОТАЮЩАЯ НА ИЗНОС
  - «САН-КРИСТОВАН», ТЫ ЕЩЕ ЖИВ?!
  - КНИГА СУДЕБ «ЗОЛОТОЙ СБОРНОЙ»
  - ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПЕЛЕ…
  - ПЕЛЕ, КОТОРОГО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ
  - ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ НАРОДА
  - 20 ЛЕТ ОТ «МАРАКАНЫ» ДО «АЦТЕКИ», ИЛИ ДОЛГАЯ ДОРОГА В МЕХИКО
  - ШЕСТЬ ШАГОВ К «ЗОЛОТОЙ БОГИНЕ»
  - НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

И. С. Фесуненко
Пеле, Гарринча, футбол-2

ОТ АВТОРА

Эта книга была написана во второй половине 60-х годов, когда сборная Бразилии готовилась к чемпионату мира-1970. На том памятном турнире раскрылся во всем своем блеске гений Пеле. Весь мир был восхищен руководимой Загало и сразу ставшей легендарной командой с именем «BRASIL» на футболках.

Видимо, именно потому книжка «Пеле, Гарринча, футбол» довольно быстро исчезла с книжных прилавков. А сегодня, тридцать лет спустя, у меня возникло желание вновь окинуть взглядом те бурные футбольные годы. И проверить (вместе с читателями) прежние впечатления, мысли и оценки, основываясь на опыте последующих лет.

Ведь все тридцать лет, прошедших с тех пор, как была написана эта книга, я продолжал следить за всем, что происходило в бразильском футболе, за жизнью героев книги, за новыми поворотами их судеб, подчас радостными, иногда (как это стало с Гарринчей) трагическими. За эти три десятилетия я неоднократно встречался с Пеле, с Загало, с Салданьей, с Диди, со многими другими людьми, упомянутыми и не упомянутыми в книге. Этот поток новых впечатлений, документы, фотографии, звукозаписи постепенно откладывались в памяти, в душе и в сердце, накапливались в досье. И теперь я решил, вернувшись к старой рукописи, дополнить ее новой информацией, свежими данными и мыслями. Получилась фактически новая книжка. Но поскольку речь в ней идет о тех же самых героях, о том же — самом славном периоде истории бразильской сборной, когда она в третий раз завоевала звание чемпионов мира, я решил не менять

название, а лишь слегка уточнить его. Поэтому на обложке появилось:

«ПЕЛЕ, ГАРРИНЧА, ФУТБОЛ-2».

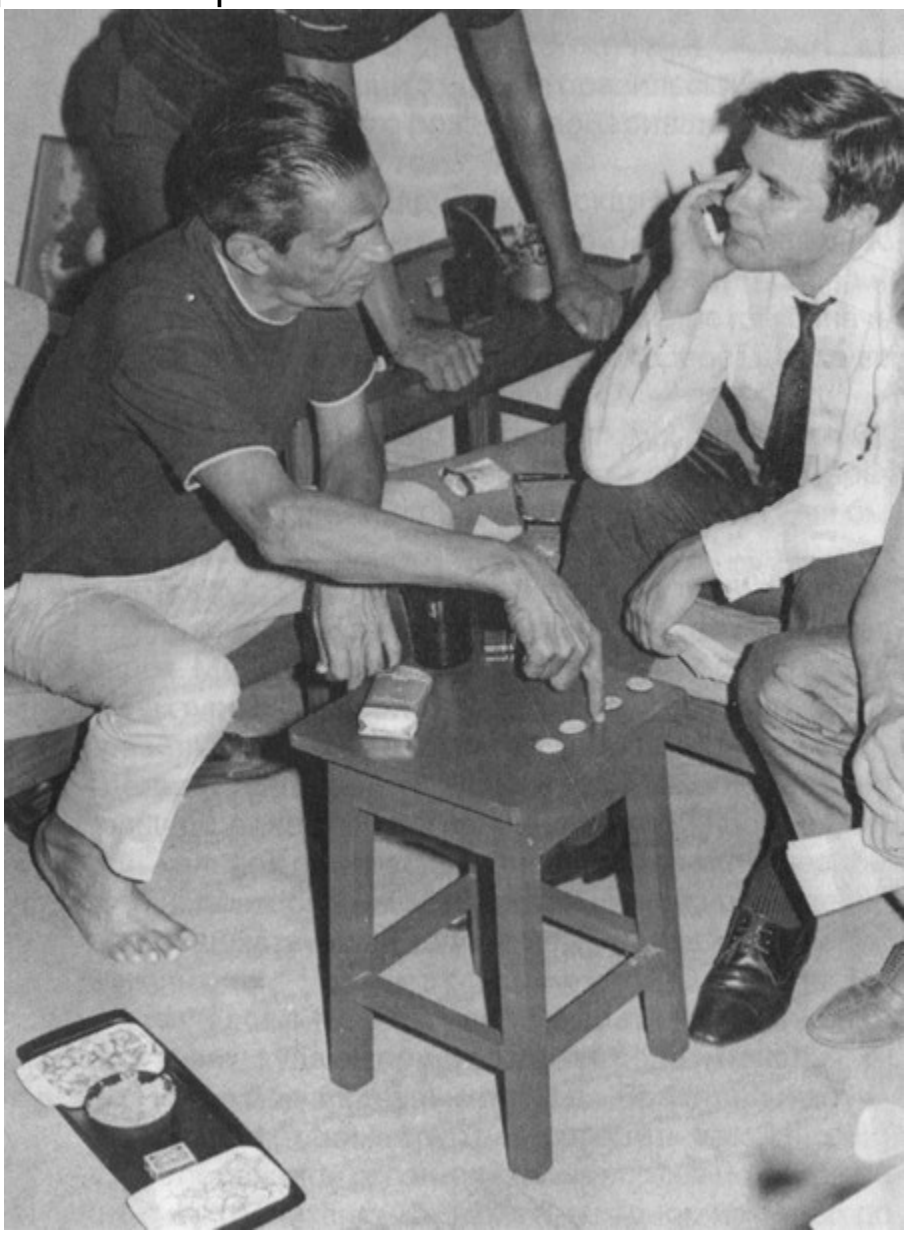
Хотелось бы надеяться, что она встретит такой же добрый интерес и благожелательное отношение читателей, как это и первый вариант «Пеле, Гарринча, футбола».

А для начала хочется сразу же предварить несколькими поясняющими фразами предисловие к этой книжке, которое написал для меня Жоан Салданья — выдающийся журналист и великой души человек. (Замечу, что в Бразилии его популярность была просто невероятной при жизни и сохраняется такой спустя полтора десятка лет после смерти. Выражаясь сегодняшним языком, он единодушно считался самым «крутым» среди бразильских футбольных обозревателей 50–80-х годов.)

…«Организовать» предисловие специалиста или просто какого-нибудь знаменитого человека всегда является одной из первейших забот молодого автора готовящейся к печати первой книги. Нередко бывает и так, что текст для знаменитости пишут заранее, после чего она, знаменитость, небрежно пробежав глазами этот заготовленный текст и переставив местами два-три слова, снисходительно ставит свой автограф. Или просто дает «добро».

В данном случае (а «Пеле, Гарринча, футбол» была моей первой книгой, и меня вполне можно было считать «молодым» автором, хотя в те дни, когда начал работать над ней, мне уже стукнуло тридцать пять) все было совсем не так. К тому времени, когда у меня созрела идея написать эту книжку, мы были знакомы с Жоаном четыре года. И уже подружились. Причем не

только на почве регулярных совместных сидений в ложе прессы «Мараканы».

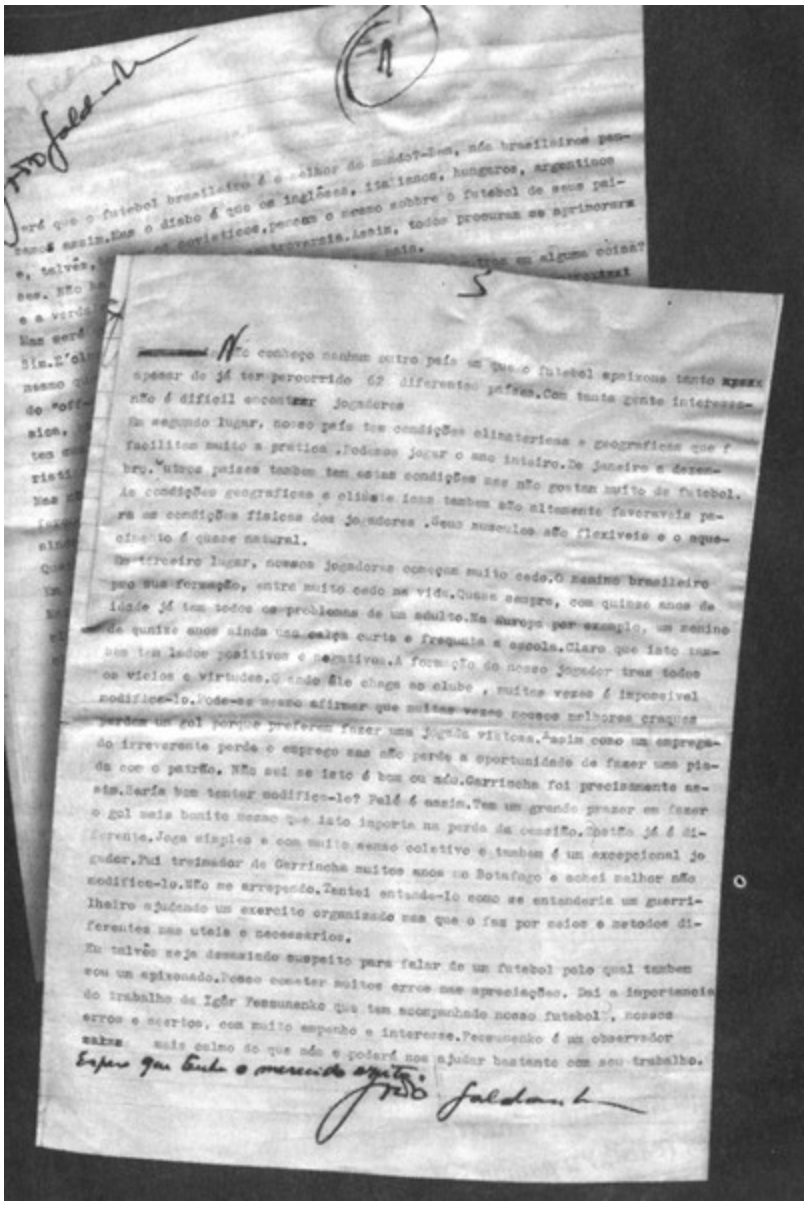


Жоан Салданья (слева) и автор книги

Жоан очень симпатизировал нашей стране, и ему, как мне кажется, было приятно, что по крайней мере один из немногих русских, работавших в те времена в Бразилии, так часто появляется на футболе. Поэтому он

с готовностью откликнулся на мою робкую просьбу: «Два-три абзаца для моей книжки, Жоан. Если можно, конечно…»

Буквально на следующий день он позвонил мне, предложил приехать к нему домой в квартал Ипанема и протянул две с половиной страницы убористого текста, натюканные им на машинке собственноручно, которые вы, уважаемый читатель, сейчас прочитаете. Он подписал не только последнюю страничку, но и заверил своей подписью начало и конец каждой страницы. Так, словно речь шла о юридическом документе. Последняя фраза этого предисловия: «Надеюсь, что она (то есть моя книга. — *И.Ф.)* будет пользоваться заслуженным успехом», — была им подписана от руки все теми же лиловыми чернилами, которыми рубриковался текст. А потом присовокупил и свою книжку со странным названием «Подполье бразильского футбола».



Não conheço nenhum outro país em que o futebol apaixone tanto
apesar de já ter percorrido 62 diferentes países. Com tanta gente interessa-
não é difícil encontrar jogadores
Em segundo lugar, nosso país tem condições climatéricas e geográficas que
facilitam muito a prática. Podemos jogar o ano inteiro. De Janeiro a Dezem-
bro. Outros países também têm essas condições mas não gostam muito de futebol.
As condições geográficas e climáticas também são altamente favoráveis pa-
ra as condições físicas dos jogadores. Seus músculos são flexíveis e o aque-
cimento é quase natural.
Em terceiro lugar, nossos jogadores começam muito cedo. O menino brasileiro
pela sua formação, entra muito cedo na vida. Quase sempre, com quinze anos de
idade já tem todos os problemas de um adulto. Na Europa por exemplo, um menino
de quinze anos ainda usa calça curta e frequenta a escola. Claro que isto tam-
bem tem lados positivos e negativos. A formação de nosso jogador traz todos
os vícios e virtudes. Quando ele chega ao clube, muitas vezes é impossível
modificá-lo. Pode-se mesmo afirmar que muitas vezes nossos melhores craques
perdem um gol porque preferem fazer uma jogada vitoriosa. Assim como um empregá-
do irreverente perde o emprego mas não perde a oportunidade de fazer uma pis-
da com o patrão. Não sei se isto é bom ou não. Garrincha foi precisamente as-
sim. Seria bom tentar modificá-lo? Pelé é assim. Tem um grande prazer em fazer
o gol mais bonito mesmo que isto importe na perda da partida. Depois já é di-
ferente. Joga simples e com muito senso coletivo e também é um excepcional jo
gador. Fui treinador de Garrincha muitos anos no Botafogo e achei melhor não
modificá-lo. Não me arrependo. Tentei entendê-lo como se entenderia um guerri-
lheiro ajudando um exército organizado mas que o faz por meios e métodos di-
ferentes mas úteis e necessários.
Eu talvêz seja demasiado suspeito para falar de um futebol pelo qual também
sou um apaixonado. Posso cometer muitos erros nas apreciações. Daí a importância
do trabalho de Igôr Yessunenko que tem acompanhado nosso futebol, nossos
erros e acertos, com muito empenho e interesse. Yessunenko é um observador
mais calmo do que não e poderá nos ajudar bastante com seu trabalho.
Espero que tenha o merecido êxito.

Жоан Салданья: «Надеюсь, что она (то есть моя книга — И.Ф.) будет пользоваться заслуженным успехом»

Впоследствии я понял, что он перефразировал название известного романа своего друга Жоржи Амаду «Подполье свободы», рассказывавший о борьбе бразильских коммунистов против диктаторского

режима, воцарившегося в стране после переворота 1937 года.

(Жоан, как и Жоржи Амаду, как и Оскар Ниемейер, как и многие другие лучшие сыны бразильской нации первых послевоенных лет, тоже был коммунистом, из песни слова не выкинешь. В те годы в Бразилии быть коммунистом означало подвергать свою жизнь постоянной опасности. Это во-первых.

А во-вторых, это означало быть другом Советского Союза, «могильщика фашизма», чей престиж во всем мире в первые после окончания Второй мировой войны годы был необычайно высок.)

Я так подробно рассказываю об этом не только потому, что мне было очень приятно получить от Жоана такой щедрый подарок. Многолетняя дружба с ним не просто обогатила меня «фактурой», массой интереснейших сведений из истории бразильского футбола, которую Жоан знал до мельчайших деталей. Нет, дело не только в этом. Общение с ним стало большой радостью и жизненно важной частью моей профессиональной биографии. Оно одарило меня незабываемыми и неповторимыми эмоциями. Такое не найдешь в книгах, не позаимствуешь у коллег, не выучишь на университетских семинарах.

Жоан скончался в 1990 году в Риме во время чемпионата мира по футболу, куда он приехал уже тяжело и неизлечимо больным. Но его бесчисленные друзья в Бразилии и других странах продолжают помнить о нем и любить его. А я храню эти его две с половиной страницы как наиболее ценную профессиональную реликвию, как память об одном из самых дорогих мне людей.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ БРАЗИЛЬСКИЙ ФУТБОЛ ЛУЧШИМ В МИРЕ?

По правде сказать, мы, бразильцы, считаем, что это именно так и есть. Увы, проблема заключается в том, что англичане, итальянцы, венгры, аргентинцы и, возможно, советские болельщики точно так же оценивают футбол в своих странах. В этом противоречии нет ничего плохого. Благодаря такому образу мыслей все стремятся совершенствоваться, а это идет только на пользу футболу.

А является ли бразильский футбол своеобразным, отличающимся от футбола иных стран? Да. Безусловно. В принципе каждая страна имеет свой особый футбол, даже в том случае, когда она пользуется общепринятыми тактическими системами. Здесь происходит то же самое, что мы видим в музыке: ноты одинаковы, инструментовка оркестра тоже одинакова, но каждая страна имеет свою собственную национальную музыку. Футбол каждой страны также имеет свои национальные особенности.

Однако отличие бразильского футбола от футбола иных стран определяется не только этим важнейшим принципом, но также и тем, что мы располагаем рядом условий, которых нет в других странах. Каковы они?

Прежде всего футбол в Бразилии — это не просто разновидность народного искусства. Это нечто гораздо большее: народная страсть. В Англии, например, очень любят футбол. Но наряду с этим любят и регби, и крикет, и другие виды спорта. В Бразилии же хотя и практикуются иные, кроме футбола, виды спорта, но их уделом являются маленькие и пустые спортивные площадки.

Именно из-за этой страсти к футболу стадион «Маракана» строился в расчете на 200 тысяч зрителей. «Морумби» в Сан-Паулу, вступивший в строй в 1970 году, вмещает 180 тысяч болельщиков. В Порту-Алегри футбольный клуб этого штата «Интернационал» выстроил стадион на 110 тысяч зрителей, «Минейрао» в штате Минас-Жерайс вмещает 130 тысяч человек.

А в Аракажу — маленьком городке на северо-востоке страны с двухсоттысячным населением, городке, изолированном от других городов и населенных пунктов, — построили стадион на 50 тысяч болельщиков, и на празднике открытия громадное количество желающих не смогло попасть на трибуны.

Но, вероятно, самый любопытный курьез, который демонстрирует, до чего дошла в Бразилии страсть к футболу, имел место в моей провинции, в Рио-Гранде-ду-Сул, в городке Эрешим, который поставил «мировой рекорд». Дело было так. В соседнем городке Пассо Фундо осмелились расширить имевшийся там стадион. Почтенные граждане Эрешима почувствовали себя возмущенными, это был вызов, черт возьми! Собрались почтенные отцы города, болельщики, игроки и организовали кампанию по сбору средств на строительство самого крупного... на севере Рио-Гранде-ду-Сул стадиона! В ходе этой кампании была даже продана вставная челюсть какой-то бабушки. Но стадион был выстроен! 45 тысяч зрителей могут с его трибун любоваться любимым футболом! Нужно только учесть, что население городка Эрешим составляет где-то около 30 тысяч жителей. И что поблизости Эрешима нет иных населенных пунктов. Самый ближайший находится примерно в шести часах езды на достаточно быстром автомобиле... Честное слово, я не знаю другой страны, где бы люди так увлекались футболом! А ведь я побывал в 62 странах... На втором месте я поставил бы климатические и географические условия нашей

страны, облегчающие занятие футболом. Мы можем играть в футбол круглый год. От января до декабря. Наши географические, климатические условия исключительно благоприятны для физического развития игроков. Их мускулы эластичны, а разогрев мышц происходит в нашем климате сам по себе…

В-третьих, я хотел бы отметить, что наши игроки начинают играть в футбол очень рано… Вообще бразильский ребенок по своему развитию, по условиям жизни взрослеет очень быстро. Наш мальчишка уже в пятнадцать лет сталкивается с заботами взрослых людей. А в Европе пятнадцатилетний мальчишка носит еще короткие штанишки и ходит в школу. Разумеется, это имеет и положительные, и отрицательные последствия.

Воспитание нашего игрока, его формирование рождает все мыслимые пороки и добродетели. Когда он приходит в клуб, часто бывает уже невозможно изменить его. Можно наверняка утверждать, что иногда наши лучшие «звезды» теряют гол потому, что предпочитают ему красивый игровой трюк. Не знаю, хорошо это или плохо, Гарринча был именно таким. Правильно ли было бы пытаться переделать его? Таков и Пеле. Он наслаждался возможностью сделать гол как можно более красивым, даже если из-за этого он иногда терял голевую ситуацию. А вот Тостао — этот уже иной. Он играет просто, обладает удивительным чувством коллективизма и тоже является выдающимся игроком. Я был тренером Гарринчи много лет в «Ботафого» и решил, что лучше всего — не пытаться перевоспитывать его. И я не раскаиваюсь в этом. Я пытался понять его, использовать его как партизана, помогающего регулярной, хорошо организованной воинской части, партизана, который действует путями и методами своими собственными, отличными от других, но тоже полезными и нужными.

Возможно, я недостаточно беспристрастен для того, чтобы объективно говорить о футболе, в который я влюблен беззаветно. Я могу совершить много ошибок в оценках. Отсюда — важность работы Игоря Фесуненко, который изучает наш футбол — наши ошибки и наши достижения — с большим интересом и увлечением. Фесуненко — наблюдатель более спокойный, чем мы, и поэтому он может нам весьма помочь своей работой. Надеюсь, что она будет пользоваться заслуженным успехом.

Жоан Салданья,
сентябрь 1969 года

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ (вместо введения)

О том, что такое бразильский футбол и какое место занимает он в жизни этой страны, хорошо сказала однажды бразильская «А Газета», прокомментировавшая выступление своих соотечественников на французском стадионе следующим образом: «Визит наших футбольных „звезд“ важен прежде всего потому, что благодаря им из 35 тысяч французов, присутствующих на матче, по крайней мере 30 тысяч узнали наконец, что где-то существует страна, называемая Бразилией. Что касается остальных пяти тысяч, то они смогли обнаружить, что набедренная повязка уже не является в Бразилии самым элегантным и модным нарядом…»

Действительно, многие знают сегодня Бразилию прежде всего как страну футбола, где царствует великий, легендарный «Король» Пеле. И следует признать, что эти представления не так уж далеки от действительности.

Вероятно, среди 90 миллионов бразильцев нет ни одного, который ни разу в жизни не ударил бы ногой по мячу. Любви, как известно, все возрасты покорны. Любви к футболу — тем более. В Порту-Алегри состоялся однажды уникальный матч ветеранов, самому младшему из которых было… 60 лет, а старшему 84! Старики вышли на поле не шутки шутить: они поработали на славу, сыграв со счетом 3:3. Согласитесь, что шесть голов не всегда увидишь и в матчах молодых мастеров! Впрочем, спортивные показатели резвых дедушек были перекрыты в другом, не менее необычном состязании, состоявшемся в том же 1969 году на противоположном конце Бразилии — в

джунглях Амазонки. В поселке Сан-Маркос команда индейцев племени шавантес разгромила сборную столичных студентов, приехавших в этот район с научной экспедицией, со счетом 15:0. А незадолго до этого бравые шавантес повергли со счетом 4:1 команду своих духовных наставников: монахов из миссии салесианцев, обращающих индейцев в католическую веру и заодно шарящих по Амазонии в поисках нефти, руд и других полезных ископаемых. Когда в штате Рио-де-Жанейро пришла пора отметить годовщину новой конституции, главной церемонией праздничных торжеств явился футбольный матч между командами, в которых играли депутаты двух соперничающих парламентских фракций. Сообщившая об этом накануне газета «Корейо да манья» не без ехидства писала: «Больше всего удовольствия от матча получат зрители, которые придут на стадион только для того, чтобы выяснить: сумеют ли почтенные депутаты на футбольном поле проявить себя еще хуже, чем в политике...»

Есть в штате Гуанабара маленький поселок Курупаити, в котором сейчас насчитывается 911 жителей. В течение долгих лет (никто из жителей уже не помнит, когда родился этот обычай) каждое воскресенье почти все его население после утренней мессы отправляется на традиционный матч между двумя командами, носящими красивые имена: «Элита» и «Генриетта». С первой до последней минуты расставленные на улицах поселка громкоговорители обстоятельно сообщают обо всех перипетиях схватки. Это делается для того, чтобы за матчем могли следить те, кто не смог и никогда не сможет прийти на стадион. А таких в Курупаити немало. Потому что все обитатели этого городка — и префект, и чистильщик ботинок, и... футболисты — неизлечимо больны: Курупаити — колония прокаженных... Да, страсть бразильцев к

футболу трудно даже сравнить с чем бы то ни было. Вероятно, только в Бразилии возможен такой случай, как тот, что произошел в провинциальном городке Итауна в штате Минас-Жерайс. Префект Итауны объявил посредине недели выходной день: закрылись конторы, лавки и колледжи, замерла жизнь, и все это — для того, чтобы население городка в полном составе смогло присутствовать на тренировке (а не на матче даже!) приехавшей из столицы штата команды «Атлетико».

Сердобольный начальник полиции Итауны предоставил по этому случаю краткосрочное увольнение всем заключенным городской тюрьмы, которые дружным строем отправились на стадион, а затем, преисполненные благодарности, возвратились в свои камеры.

Впрочем, посещение футбола арестантами явилось не только культмассовым мероприятием, но и в известной степени учебным семинаром по повышению квалификации: во многих бразильских тюрьмах существуют свои футбольные команды, участвующие в турнирах, проходящих столь же бурно, сколь и матчи на зеленых полях «Мараканы», «Пакаэмбу», «Минейрао» и других крупнейших бразильских стадионов. В крупнейшей латиноамериканской тюрьме «Карандиру» в Сан-Паулу разыгрывается даже свой собственный чемпионат между командами блоков и этажей. Говорят, что игровая дисциплина у фальшивомонетчиков и налетчиков гораздо выше, чем у профессионалов кожаного мяча. Это объясняется тем, что все игры в «Карандиру» судит убийца-рецидивист.

Его авторитет среди своих собратьев по заключению настолько высок, что ему никогда не приходилось во время судейства матчей прибегать к крайним мерам. К таким, например, какими воспользовался однажды один из арбитров, судивший матч в городке Корумба — на

границе с Боливией. Когда игроки попытались оспорить пенальти, непреклонный судья выхватил пистолет и открыл беглый огонь по своим оппонентам, покушавшимся на его авторитет. Один нарушитель футбольной дисциплины мгновенно скончался, другой получил тяжелые ранения, а сам блюститель спортивной этики, воспользовавшись замешательством очевидцев, вскочил на верного скакуна и был таков... Его так и не разыскали впоследствии, потому что ни зрители, ни футболисты не знали, кто он такой. Дело в том, что назначенный на матч судья не явился, и судьба встречи была доверена первому желающему, подвернувшемуся в этот момент под руку.

Ведь в Бразилии нет человека, который не знал бы футбольных правил!..

Любой бразилец с гордостью перечислит вам все официальные и неофициальные футбольные рекорды, принадлежащие его стране. Самым знаменитым из них является, конечно, рекорд, установленный Пеле: в 1958 году он стал самым молодым чемпионом мира в истории розыгрышей Кубка Жюля Риме, четыре года спустя — самым молодым двукратным чемпионом мира, а в 1970 году стал единственным футболистом, удостоенным звания трехкратного чемпиона мира... Бразильцам принадлежит абсолютный снайперский рекорд футбола: по количеству голов, забитых одним игроком за всю свою жизнь. Таким чемпионом является легендарный Артур Фреденрайх, игравший в командах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу 26 лет (с 1909 по 1935 год) и забивший за это время 1329 голов! В 1969 году Бразилия завоевала еще один футбольный рекорд: вратарь команды «Крузейро» (г. Белу-Оризонти) Раул сумел провести без единого гола 1027 минут игры — почти дюжину матчей! — подряд. Его рекорд, впрочем, продержался всего лишь год; в 1970 году Жорже Рейс, вратарь команды «Рио-Бранко» из города Витория,

сыграл 17 матчей без единого гола, доведя «сухой» рекорд вратарей до поистине фантастической величины — 1604 минуты.

Учитывая особую важность футбола как средства пропаганды Бразилии за рубежом, министр иностранных дел этой страны Магальяэс Пинто организовал в 1967 году грандиозный завтрак, на котором встретились сотрудники МИД и ведущие футболисты во главе с Пеле. На этом завтраке был намечен ряд мер по оказанию помощи бразильским командам, выезжающим за пределы страны. Посольства и консульства Бразилии получили специальную директиву с требованием оказывать футболистам всемерную помощь. Было решено также выдавать футболистам и тренерам во время их заграничных поездок голубые паспорта, предназначенные для лиц хотя и не обладающих статусом дипломата, но находящихся в официальной командировке. Впрочем, и до получения этих директив бразильские дипломаты весьма ревностно помогали своим футбольным собратьям в выполнении их славных, но не всегда легких миссий. Лет пятнадцать назад, например, бразильский консул в Барселоне в знак протеста против ареста игроков «Ботафого», схваченных испанской полицией после грандиозной драки во время матча с хозяевами поля, явился в тюрьму и объявил, что садится за решетку вместе с футболистами. Дипломат в тюрьме! Дело запахло нешуточным скандалом! Спустя несколько часов местные блюстители порядка вынуждены были пробить отбой и выпустить бразильских футболистов на свободу.

Но далеко не всегда футбол пользуется такой беспредельной поддержкой со стороны властей. В 1966 году, например, после поражения на чемпионате мира в Англии, расцененного в стране как национальная катастрофа, как несмываемый позор, как черное пятно

на добром имени Бразилии, в парламенте обсуждалась резолюция, предложенная, как говорится, на полном серьезе одним из депутатов, который потребовал проведения против руководителей Национальной конфедерации спорта военно-полицейского расследования.

Все эти факты, кажущиеся нам смешными или трогательными, анекдотичными или трагикомическими, никого не удивляют в Бразилии.

Потому что футбол стал в этой стране всепожирающей страстью, религией, радостью и любовью.

Торседорес — это болельщики. Это десятки тысяч страдальцев, ерзающих на трибунах, и миллионы мучеников, прильнувших к радиоприемникам и транзисторам. У каждой команды имеется своя торсида. Поэтому на каждом матче их присутствует две. Обе торсиды являются на стадион с флагами, оркестрами, петардами, ракетами, трещотками и занимают противоположные трибуны. С первой до последней минуты матча на стадионе происходит ни с чем не сравнимое вулканическое извержение страстей с грохотом петард, ревом глоток, треском ракет, громом барабанов, с развевающимися флагами, летящими вверх воздушными шарами, бенгальскими огнями и листовками.

Впрочем, для того чтобы получить более или менее полное представление о торсиде, нужно побывать на «Маракане» в день большого матча. Именно это мы и сделаем с вами в первой главе нашей книги, которая называется…

ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ «ФЛА» — «ФЛУ»

Старожилы «Мараканы» утверждают, что этот матч был единственным в своем роде. Непревзойденным. Небывалым…

«Фла» — «Флу»! Матч «Фламенго» и «Флуминенсе» — извечных соперников, более полувека оспаривающих первенство Рио-де-Жанейро. Вечный спор, никогда никем не решенный…

15 июня 1969 года. Город просыпается и начинает готовиться к матчу. Издалека — из соседних городов и рабочих предместий Рио — выезжают автобусы и грузовики с болельщиками, торопящимися занять места на архибанкаде. Радиостанция «Глобо» через каждые десять-пятнадцать минут объявляет: «Через 9 часов 47 минут начнется „матч-классико“, который будет транслировать лучшая в мире бригада спортивных репортеров, возглавляемая лучшим „радиалистом“ Валдиром Амаралом. Вы получите такое же впечатление от нашего репортажа, как если бы вы находились у кромки футбольного поля! Смотрите „Фла“ — „Флу“, слушая радио „Глобо“!!»

В окнах домов, в автобусах, на тротуарах — всюду тысячи флагов: красно-черные знамена «Фламенго» и трехцветные — красно-зелено-белые — «Флуминенсе». С каждым часом, приближающим начало матча, движение в городе все больше и больше сосредоточивается в одном направлении — «Маракана». До матча еще два часа, но репортеры «Глобо», «Насиональ», «Континенталь» и других радиостанций, захлебываясь от восторга, сообщают радиослушателям о беспрецедентной пробке, медленно, но верно вспухающей на подступах к стадиону. Напоминают о

печально знаменитых пробках во время великих матчей: 16 июля 1950 года — трагический финал первенства мира или матч «Фла» — «Флу» 1963 года, поставивший «рекорд публики»; 177 656 человек уплатили в тот день за билеты. И тысяч двадцать-тридцать прошли бесплатно... Или ноябрьский матч 1968 года, когда после трехлетнего перерыва на «Маракане» появился «воскресший» Гарринча...

Я еду на матч уже целый час, и с каждым метром машина движется все медленнее и медленнее. Сплошная многокилометровая лента автобусов, «фольксвагенов», «виллисов», мотороллеров растянулась от авениды Рио-Бранко до «Мараканы». Машины не едут и даже не ползут. Они стоят, изредка проталкиваясь на пять-семь метров вперед. Раздраженно гудят моторы, дым клубами подымается над площадью Бандейра, над которой с визгом пролетают электропоезда.

В одном из вагонов съежился на площадке Зе да Силва — каменщик из дальнего пригорода Кампо-Гранде. Он знает, что «Менго» победит, но тревога все же точит, словно червь, его сердце... Глухо стучит барабан в соседнем вагоне, переговариваются колеса. Зе едет смотреть свой «Менго», как любовно называют «Фламенго» болельщики.

Рядом с моим автомобилем целая колонна набитых до отказа «фольксвагенов» с развевающимися из окошек трехцветными стягами.

Это так называемый «Молодой Флу» — группа артистов, певцов, журналистов, поклоняющихся флагу «Флуминенсе». Они обгоняют плетущихся по тротуару мулатов со стягами «Фламенго» в руках. Раздается обоюдный свист и улюлюканье: разминка голосовых связок накануне главной, решающей битвы, которая развернется на трибуне. До ворот стадиона остается метров двести. Это значит около двадцати минут

«езды». Невозмутимые контролеры тщательно проверяют документы и пропуска.

Матч начинается через час, а команды давно в раздевалках. Репортеры радиостанций взволнованно сообщают о том, что знаменитый идол торсиды «Фламенго» аргентинец Довал прошел врачебный осмотр и допущен к игре. «Глобо» объявляет, что группа торседорес «Менго» ведет переговоры с президентом стадиона (в Бразилии почти каждый начальник или шеф именуется президентом: так оно как-то посолиднее, не правда ли?) о том, чтобы был разрешен вынос на поле главного знамени «Фламенго». В судейской комнате знаменитый Армандо Маркес — бразильский арбитр № 1 — облачается в свою изящную форму из черного шелка. Около него в почтительно-выжидающей позе стоит массажист Зезиньо. «Фла» и «Флу» в своих раздевалках заканчивают облачаться в доспехи, а массажист «Флу» Сантана, присев на корточки у края футбольного поля, сосредоточенно творит обряд «макумбы»: черный Сантана взывает к духам своих африканских предков с просьбой прийти на помощь в этот трудный для любимого «Флу» час.

Моя машина наконец-то вползает на забитую до отказа стоянку для прессы, гостей и дипломатов. Холл первого этажа — прохладный и длинный — забит вьющимися клифтам очередями. Вертятся турникеты, контролеры отрывают талоны. Лифт бесшумно скользит вверх, раздвигается дверь, и в лицо ударяет волна грохота, света, красок: дверь лифта открывается прямо на самый верхний ярус «Мараканы», и весь стадион — у ваших ног. 200 тысяч людей, спрессованных, страдающих, ревущих, размахивающих флагами, скандирующих лозунги. Где-то слева, утопая в красно-черном океане флагов «Менго», сидит, кусая губы, Зе да Силва, готовя свою ракету, которую он запустит в тот момент, когда «Менго» будет выходить на поле из

тоннеля (вторую ракету он запустит в тот момент, когда его «Менго» забьет гол, а на третью ракету — чтобы ознаменовать победный финал матча — у Зе не хватило денег). Где-то справа сидят ребята из «Молодого Флу». Обе торс иды расположились на противоположных сторонах архибанкады — гигантского кольца трибуны, опоясывающей футбольное поле: так легче избежать кровопролития в тот момент, когда страсти начнут накаляться…

Армандо Маркес закончил массаж и отходит в угол маленькой судейской комнаты. Он выполняет свой традиционный ритуал: зажигает две свечи и приступает к молитве, заткнув уши руками от нестерпимого рева торсиды. Армандо просит всевышнего помочь ему выполнить свой долг: отсудить благополучно этот матч, который будет ой каким нелегким! Всевышний, правда, далеко не всегда отвечает на эти призывы: однажды Армандо позволил себе удалить с поля Пеле. Это произошло в Сантосе, и бедному Армандо пришлось провести два часа в осажденной разъяренной торсидой раздевалке. Впрочем, не стоит сейчас вспоминать об этом! Тогда на стадионе присутствовало сколько? Тысяч двадцать зрителей? Двадцать пять от силы. А сейчас — двести…

«Маракана» ахает и разражается первой канонадой: на футбольном поле появляется знамя «Фламенго». Его несут около сорока человек, потому что площадь флага — 210, прописью: двести десять квадратных метров! Слева, там, где сидит торсида «Фламенго», взвиваются ракеты, а справа яростно скандируют: «Кло-у-на-да! Кло-у-на-да!» Это «Флу».

Нарастает нервный грохот «батарей» (так называются оркестры торсид). Если это можно назвать оркестром — скопище барабанов, тамбуринов, атабакес, сурдос и тарелок, которые издают грохот, разрывающий барабанные перепонки.

И вот наконец настал великий момент: из тоннеля показываются игроки «Фламенго»…

Нет никакой возможности описать вихрь безумия, шквал восторгов, грохот петард и барабанов, вспышки ракет, рев глоток, свирепствующий слева от трибуны прессы: там расположилась торсида «красно-черных». Где-то в этом вулкане взорвалась маленькая ракета Зе. Он чуть было не пустил сгоряча и другую, но вовремя сдержался: надо быть бережливым!

Затем выходит «Флуминенсе», и волна безумия перемещается на правую сторону архибанкады. Но «Флу» имеет свой собственный обычай, свою традицию: вместе с ракетами, листовками в воздух взлетают десятки тысяч мешочков с рисовой пудрой, которая повисает над торсидой сплошной пеленой тумана. «Пудра из риса! Пудра из риса!» — ликующе вопит торсида…

Густой туман пудры полностью окутывает всю правую половину архибанкады. А ведь полиция, пытаясь воспрепятствовать этому, отобрала у «трехцветных» семьсот килограммов пудры! (Впоследствии она была распределена между обитательницами женских тюрем города.)

Размеренный голос диктора читает составы команд, и после каждого имени — взрывы восторга. А на поле в это время происходит вавилонское столпотворение: вместе с двумя командами выбежали, во-первых, несколько детишек, одетых в форму клубов. Это нечто вроде живых амулетов, приносящих счастье, то есть победу. Во-вторых, несколько девиц, готовящихся оспаривать через две недели звание «мисс Рио-де-Жанейро». Они полагают, что фотография в газете рядом с каким-нибудь из кумиров торсиды повысит их шансы в конкурсе… В-третьих, на поле выползают фотографы, репортеры, а также десятки людей без определенных занятий, считающих себя вправе

толкаться посредине футбольного поля, мешать судье проводить жеребьевку, игрокам — разминаться, фотографам — щелкать затворами камер, а кандидаткам в «мисс» — демонстрировать свои ослепительные прелести.

В десятый раз репортеры по радио повторяют составы команд, напоминают статистику побед и поражений каждого клуба. Над архибанкадой кружится маленький самолет, сыплющий листовки с рекламой каких-то телевизоров. За стабилизатором самолета болтается призыв страховать свою жизнь в агентстве «Нитерой», которое никогда не спорит, а платит за все, что бы с вами ни стряслось.

Занимают свои места шесть мальчишек, одетых в синие тренировочные костюмы: мальчишки будут подавать мячи и еще получат за это счастье (подумать только — видеть в двух-трех шагах от себя Флавио! Довала! Самароне!) по окончании матча по шесть крузейро. Команды располагаются друг против друга, игроки занимают позиции, судья смотрит на секундомер, двести тысяч душ сжимаются на мгновение в комочек, двести тысяч сердец замирают и… звучит свисток. Судейская сирена возвещает начало восемьдесят восьмого «Фла» — «Флу»!

Первые мгновения матча идут при несмолкающем реве трибун и грохоте петард, затем шум стихает, но скрытое напряжение и волнение торсид прорывается в острые моменты. Удар «трехцветного» Флавио по воротам «Фламенго»! Рев торсиды «Флу» и суровое молчание на противоположной стороне архибанкады. Вратарь «красно-черных» Домингес взвивается, берет мяч, но неожиданно роняет его, чудом не упуская в сетку… Оглушительный свист «трехцветных». Однако в следующую секунду безумствует уже торсида «Менго»: «красно-черный» аргентинец Довал проходит по правому краю, подает в центр, и Арилсон резко бьет в

нижний угол ворот. Вратарь «Флу» и сборной страны Феликс отбивает мяч на угловой.

Постепенно выявляется преимущество «Флуминенсе». И на поле, и на трибунах. Ветеран Домингес, защищавший некогда ворота сборной Испании и мадридского «Реала», сегодня явно не в форме. Столько раз он выручал «Фламенго» в трудные минуты, вселяя своей уверенностью и хладнокровием спокойствие в сердца «красно-черных». Сейчас его не узнать: он дважды отбивает легкие мячи на ногу противников. Тяжелое молчание повисло над торсидой «Фламенго», предчувствующей недобрую развязку. А болельщики «Флу» безумствуют, скандируя нечто вроде: «Раз-два-три! Фламенгисты — слабаки!..»

На 11-й минуте матча сильно пробитый издали мяч летит прямо на Домингеса. Он наклоняется, чтобы надежно принять мяч на живот — «упаковать», как говорят бразильцы, но коварная «бола» отскакивает от его колена (или груди, отсюда, с трибуны, этого не заметишь) прямо на ногу нападающему «трехцветных» Лула. Он обводит Домингеса, делает прострел, и набежавший с правого фланга Уилтон посылает мяч в сетку ворот, умудрившись не промазать, несмотря на то что в момент удара он находился почти на лицевой линии. 1:0!

Говорят, что для того, чтобы понять душу бразильца, нужно увидеть его в момент, когда в сетку футбольных ворот влетает мяч. Правая сторона архибанкады взрывается смерчем восторга. Новые пакеты рисовой пудры взвиваются над торсидой, новые ракеты, новые петарды грохочут с такой интенсивностью, как будто их завозили на архибанкаду на многотонных грузовиках. А левая сторона стадиона безмолвствует, охваченная горем… На трибуне прессы «красно-черные» и «трехцветные» не разделены барьерами и полицейскими кордонами. Справа от меня

сидит, закрыв лицо руками, корреспондент «Жорнал до Бразил» — болельщик «Фламенго», чуть выше страдает его товарищ по несчастью драматург Диас Гомес. Слева бушует группа «трехцветных»; они размахивают флажками и поют гимн «Флуминенсе». Среди них, недовольно озираясь, строчит что-то в блокнот спортивный редактор «Ултима ора» Жасинто де Тормес; еще вчера он в одной из своих «хроник» возмущался тем, что на трибуне прессы слишком много посторонних! Действительно, здесь можно увидеть кого угодно: отставных депутатов и артисток ночных кабаков, содержанок и генеральских сынков, жокеев с ипподрома и королей подпольной лотереи, чиновников губернаторской канцелярии и героев сентиментальных теленовелл…

А матч продолжается. И какой матч! «Фламенго» не возьмешь голыми руками! «Менго» не сдается без боя. «Красно-черные» идут в атаку, и левая сторона архибаикады оживает, заглушая дружным свистом скандируемый «трехцветными» призыв: «Еще гол! Еще гол!» Сжавшись в комок, сидит Зе да Силва. Он молится истерично и требовательно: «Господи! Сделай так, чтобы Домингес успокоился, а этот проклятый Лула сломал себе ногу!.. Господи! Пусть Гальярдо промахнется, а наш Дионизио выйдет один на один с вратарем. Я знаю, Дионизио забьет, только помоги ему, господи, освободи его от этого бандита, преступника Гальярдо! Сделай так, чтобы Гальярдо оступился. Господи, ты слышишь меня? Если ты сделаешь это, я поставлю большую свечу и буду ползти на коленях от ворот „Мараканы“ до платформы поезда!..»

А в эфире безумствуют репортеры. Большинство радиостанций Рио (а их в этом городе восемнадцать) транслирует матч. Каждая станция ведет репортаж целой бригадой: три человека работают в кабине — один ведет репортаж, второй комментирует время от

времени ход игры, тактику команд, дает оценку игрокам, а третий анализирует и комментирует работу судьи и помощников. Помимо них, за воротами обеих команд имеется еще по одному репортеру, связанному прямым проводом со студией и комментирующему острые моменты у ворот. Вдоль лицевых линий расположились еще несколько «радиалистов», помогающих своим коллегам в кабине: если на поле возникнет драка, кто-то будет удален или заменен, они немедленно включаются в репортаж... Есть и специальные репортеры с портативными передатчиками, расположившиеся в иных стратегических точках стадиона: на трибунах, в подсобных помещениях, раздевалках. Поэтому в течение всего матча на радиослушателя обрушивается шквал информации не только футбольной, но и кулуарной: «В медицинский департамент только что доставлена женщина — торседора „Фламенго“ с острым приступом сердечной недостаточности...». «Финансовый департамент сообщает, что после проверки выручки, представленной десятью кассами, сумма сбора достигла шестисот тысяч крузейро. Окончательный результат будет сообщен через несколько минут — после подсчета выручки в двух остальных кассах...», «Ограждавший подступы к воротам отряд полиции вынужден был пустить в ход дубинки...», «Департамент транзита сообщает, что у автомашин, оставленных владельцами в неположенных местах, будут в качестве наказания спущены баллоны».

Такое неудержимое стремление «оживить» репортаж о матче как можно большим количеством всевозможных экзотических подробностей вызвано яростной борьбой за слушателя, которую ведут радиостанции между собой. Каждый репортер заинтересован в том, чтобы за ходом сегодняшнего матча слушатель следил именно по его репортажу. В

обстановке этой конкуренции, когда для достижения цели все средства хороши, происходят иногда курьезы, достойные пера юмориста. Например, такой случай: 29 июня 1968 года, когда сборная Бразилии играла в Варшаве, все репортажи, ведущиеся одновременно несколькими бразильскими станциями, вдруг оборвались вследствие потери связи со столицей Польши. Эфир замолк, однако персонал радио Сан-Паулу не растерялся и… продолжал репортаж. Из студии, находящейся там же, в Сан-Паулу, какой-то бойкий комментатор, обладающий яркой фантазией, продолжал рассказывать о матче, как если бы он видел его своими глазами. Эта «радиолипа» продолжалась около трех минут. Взволнованные торседорес, затаив дыхание, слушали красочное описание рывков Жаирзиньо, финтов Тостао и головокружительных бросков вратаря Феликса. В ходе этого репортажа Ривелино чуть не забил гол, завершая стремительную комбинацию бразильцев… Три минуты спустя дефект был устранен и связь с Варшавой восстановлена. Репортер-«фантаст» в Сан-Паулу вздохнул с облегчением и вытер холодный пот со лба, узнав, что за эти минуты, пока он изобретал комбинации и распинался по поводу офсайдов и штрафных ударов, ни та, ни другая команда не забила голов.

Однако вернемся на «Маракану» и продолжим рассказ о восемьдесят восьмом «Фла» — «Флу»…

На 35-й минуте первого тайма все станции, ведущие репортаж, взрываются единым протяжным, трагическим (для одних) и ликующим (для других) воплем: «Го-о-о-о-ол!!! Го-ол „красно-черных“! Гол „Менго“! Ли-ми-нья! Футболка номер во-о-семь!» После этого комментаторы уступают эфир тем самым репортерам, что сидят за воротами «Флу», в непосредственной близости от безутешного Феликса. Они начинают лихорадочно сообщать в эфир

подробности победной комбинации «Фламенго»: «Довал! Пройдя по правому краю! Неожиданно откинул мяч Дионизио! Тот выдал его Лиминье! И Лиминья! Развернувшись! Приняв мяч на грудь! Размахнувшись! Не давая мячу опуститься на землю! С правой ноги! Послал „сухим листом“! В левый от Феликса угол ворот!.. 1:1!!! Гол „Фламенго“!»

В этот момент Зе да Силва пускает свою вторую ракету. Ради этой минуты он живет долгую неделю. Ради этого мига трясется он каждое утро в электричке с кастрюлькой фасоли под мышкой, торопясь на работу. Ради этого мига счастья молча страдает Зе всю свою жизнь, слушая тяжелые вздохи вечно беременной Лурдес, терпя слезы дочери Риты, которой без пары туфель нет никакой возможности отыскать себе жениха... В этот момент Зе да Силва счастлив! Он гордится своим «Менго», он рыдает и поет вместе со ста пятьюдесятью тысячами «красно-черных» великий гимн клуба: «Один раз „Фламенго“ — на всю жизнь „Фламенго“! „Фламенго“ до самой смерти!»

Но игра еще далеко не окончена. «Флу» бросается в атаку. Герой «трехцветных» Флавио — первый бомбардир чемпионата — откидывает мяч головой набегающему Клаудио, который проскакивает мимо растерявшегося Домингеса и влетает вместе с мячом в сетку ворот. И тут происходит трагедия, повергающая «красно-черную» торсиду в состояние нервного шока: Домингес, окончательно потеряв голову, устремляется в центр поля за судьей и, угрожающе жестикулируя, кричит: «Офсайд! Вы не должны засчитывать этот гол! Вы подсуживаете „Флуминенсе“!» О, такое обвинение нельзя бросать в лицо Армандо Маркесу! Энергичным жестом правой руки он показывает Домингесу: «С поля!» Растерянные игроки «Фламенго» бросаются к судье: «За что? Почему? Он больше не будет!.. Нельзя выгонять с поля в таком матче!..» Трибуны

неистовствуют, футбольное поле наводняют репортеры, фотографы, полиция, запасные игроки. Кажется, еще мгновение — и начнется грандиозная драка. Вроде той, что вспыхнула в апреле 1969 года в матче Перу — Бразилия, когда сорок пять минут потребовалось на наведение порядка и утихомиривание страстей. Нет, все кончается благополучно. Домингеса уводят, тренер «Фламенго» заменяет левого крайнего запасным вратарем Сиднеем, матч продолжается. 2:1 в пользу «Флу». И вскоре свисток Армандо возвещает об окончании первого тайма.

Флавио и Домингес

В перерыве торсида «Флу» продолжает ликовать, а слева воцаряется гробовое молчание: там страдают торседорес «Фламенго». Над архибанкадой

«трехцветных» подымается громадный шар из легкой ткани, внутри которого установлена плошка с маслом. Плошка горит, теплый воздух наполняет баллон, который подымается в воздух и медленно летит над стадионом, сопровождаемый радостным ревом «трехцветных». Когда шар пролетает над трибуной «Фламенго», десятки ракет взвиваются, стремясь ударить, ужалить, пронзить его. Они взрываются рядом, но не поражают его. Шар подымается в небо, словно предвещая торжество «Флу». А в это время комментаторы анализируют по радио ход первого тайма и приходят к единодушному выводу, что судьба «Фламенго» решена и победа «трехцветных» должна выразиться в преимуществе примерно в два-три гола.

Начинается второй тайм. И происходит что-то невероятное: «Менго», бедное «Менго», играющее вдесятером, бросается в атаку! «Флу» прижато к воротам, мячи летят со всех сторон, Феликс демонстрирует такие чудеса, что сидящий на трибуне прессы тренер сборной Жоан Салданья обводит соседей гордым взглядом. Он оказался прав: последние два месяца почти все газеты кричали о том, что Феликс утратил форму и напрасно, мол, Салданья доверяет ему ворота сборной.

Кажется, что не «Фламенго», а «Флуминенсе» играет вдесятером. Ожившая торсида «красно-черных» скандирует: «Мен-го! Мен-го!», «трехцветные» подымают свист, гремят «батареи». «Менго» погибает, но не сдается! «Менго» идет в атаку! И кажется, всевышний внял мольбам Зе да Силвы и десятков тысяч других мулатов, негров, креолов… Кажется, что их страсть и надежда заражают футболистов. С отчаянием смертников, с безрассудной отвагой безумцев, которым нечего терять, Фио, Довал, Дионизио, Пауло, Энрике и их товарищи рвутся к воротам «Флу». «Боги футбола улыбались в этот вечер», — писал впоследствии лирик

футбола Жасинто де Тормес. Боги улыбались героям: после высокой передачи Мурило, навесившего мяч с правого фланга, взлетел над штрафной «трехцветных» Дионизио и послал ударом головы пушечный, неберущийся мяч в верхний угол ворот Феликса…

И тут настал конец света! Не будем описывать безумие восторга, охватившее торсиду «Менго», слезы радости, каскад ракет и вулканический призыв: «Еще гол! Е-ще гол!»

И над улицами города взвились ракеты, а в окнах показались красно-черные знамена, радостно засигналили автомашины… «Плачу за всех»! — вскричал фальцетом беззубый Зе Карлос — хозяин маленького бара в фавеле «Мангейра». Заплакала от счастья мулатка Элза Соарес — блистательная «звезда» телевизионных шоу и карнавальных балов. И где-то на самой последней, самой высокой улочке в карабкающейся на гору фавеле «Святая вода» выскочил из бара «Пивная кружка» бандит, за которым три года безуспешно охотится полиция Рио, и открыл на радостях огонь из своих пистолетов…

Но всему бывает конец. «Флу» переломил игру. Их все-таки было одиннадцать против десяти! И у них был Теле — спокойный тренер, которому из тоннеля был виден не только энтузиазм «красно-черных», не только их самоубийственная отвага, но и дырки в их защите, устремившейся за победой, которая, казалось, близка… Теле выпустил на поле полузащитника Самароне — опытного парня, который умеет держать мяч и хорошо видит поле. И началась агония «красно-черных». Начался медленный, но неотвратимый штурм «Флу»… Штурм, завершившийся выстрелом Флавио, поразившим ворота молодого Сиднея в нижний угол. Это был «выстрел жалости», как сказал Жасинто де Тормес. Выстрел, который покончил с бессмысленными страданиями смертельно раненного «Менго»… И Зе да

Силва понял, что не ползти ему сегодня на коленях от «Мараканы» до платформы электрички.

Оставалось еще одиннадцать минут игры. Одиннадцать минут, отделявших «Флуминенсе» от титула чемпиона. И за три минуты до конца матча, когда вечерние сумерки мягко опустились на серый бетон «Мараканы», замолкла «батарея» «Менго». Еще дрались Довал и Фио, еще рвался в атаку Родригес Нето, пытаясь застать врасплох вратаря «Флу» Феликса, еще подавались подряд два или три угловых у ворот «трехцветных», а на темной архибанкаде «Менго» вспыхнули костры. Это горели красно-черные флаги «Фла»... И искры взмывали вверх, к звездам. Искры несбывшихся надежд улетали в небо, где, как сказал Жасинто, боги футбола улыбались. Флаги горели не в знак протеста или осуждения, как это бывает иногда, — флаги горели в знак траура. И печали…

…Рассказ о восемьдесят восьмом «Фла» — «Флу», в котором, хочу подчеркнуть еще раз, нет никаких передержек и преувеличений в описаниях атмосферы и накала страстей, царящих на поле и на трибунах, хочется сейчас, в 2000 году, дополнить некоторыми размышлениями о последующей истории этих жарких дерби «Фла» — «Флу», ставших для бразильского футбола одной из самых волнующих и крепких традиций. Когда-нибудь в одной из следующих книжек я намереваюсь более подробно рассказать о вечно непримиримом противостоянии этих двух знаменитых бразильских клубов. Ну, а пока сделаю еще несколько дополнений к написанной и переиздаваемой главе.

К тому моменту, когда пишутся эти строки, сыграно уже 332 «Фла» — «Флу». Последний из них состоялся на «Маракане» 7 мая 2000 года. Со счетом 3:2 победил «Фла». Общий баланс поединков таков: «Фламенго» —

119 побед, «Флуминенсе» — 104, в 109 матчах зафиксирована ничья.

А последний «Фла» — «Флу», который мне довелось посмотреть, игрался 17 ноября 1996 года. Это был 318-й их поединок, он проходил в рамках национального чемпионата, и от него зависело очень многое в турнирной судьбе обеих команд.

Оба клуба выступали в том сезоне весьма неудачно. «Фла» осел в середине таблицы, а «Флу» отчаянно боролся за выживание в высшей лиге. И разочарованные торсиды наказали своих любимцев: на матч пришло всего семь с небольшим тысяч зрителей. Можете себе представить эту оскорбительно малую кучку на бескрайней архибанкаде «Мараканы»?

Поединок был жарким, преимущество «Фламенго» — бесспорным, победа (3:1) потешила самолюбие «красно-черных, но не помогла им выйти в финальную группу, где можно было бы бороться за первое место. А „Флу“ после этого провала окончательно пошел на дно и… вылетел из высшей лиги. Мало того: в следующем сезоне он проиграл и чемпионат второй лиги и спустился в третью! Лишь в 1999 году знаменитому клубу удалось вернуться во вторую лигу, а сейчас, когда пишутся эти строки, он борется за возвращение в элитарный высший дивизион.

Таким образом, тот ноябрьский матч 1996 года стал в какой-то мере не совсем типичным. Семь тысяч торседорес!.. Пожалуй, в истории „Фла“ — „Флу“ последних десятилетий такого не было никогда! Но вообще-то их схватки гораздо чаще проходят по сценарию „Восемьдесят восьмого „Фла“ — „Флу““.

* * *

Но не только „Маракана“ и не только „Фла“ — „Флу“ вызывают такие страсти. На всех основных стадионах Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Белу-Оризонти, Рио-Гранде-ду-Сул и других городов страны во время матчей дежурят не только усиленные наряды полиции, но и машины „Скорой помощи“. И даже медики кардиологической службы. Впрочем, иногда и они бывают бессильны!

Вот что случилось, например, на стадионе „Пакаэмбу“ в Сан-Паулу 6 марта 1958 года. В этот день „Сантос“, выиграв первый тайм у „Палмейраса“ со счетом 5:2, умудрился в начале второго пропустить в свои ворота четыре гола подряд. Счет стал 6:5 в пользу „Палмейраса“. К этому времени от инфарктов скончались трое болельщиков: двое — на трибунах и третий — где-то в городском трамвае (он слушал репортаж по транзисторному приемнику).

Через две минуты „Сантос“ забивает шестой гол, сравнивая счет, и под крик репортера: „Го-о-о-ол!“ в городе Кампинасе умирает четвертый торседор, слушавший радиорепортаж. За три минуты до конца „Сантос“ забивает последний, седьмой гол, выигрывая тем самым матч, и… на бетонных трибунах „Пакаэмбу“ от нервного потрясения погибает пятый болельщик.

Итак, за один матч пять фатальных случаев! А сколько известно самоубийств, отравлений, перестрелок на базе футбольных разочарований!

Стоит ли после этого удивляться данным официальной статистики, утверждающей, что на следующий день после победы популярнейшего клуба Сан-Паулу „Коринтианса“ производительность труда на предприятиях города увеличивается на 12,3 %! А после поражений на 15,3 % возрастает количество аварий, несчастных случаев и производственных травм…

Но торсида — это не просто толпа болельщиков, ревущих, свистящих, страдающих и погибающих на

трибунах под развевающимися стягами родного клуба. „Быть „коринтиано“, — говорят в Сан-Паулу, — это не просто болеть. Это значит обладать особым состоянием духа...“ А поклонники „Фламенго“ утверждают, что „футболка этой команды надевается не на тело, а на душу“. Издавна принадлежность к той или иной торсиде является в Бразилии определенной приметой, характеризующей в какой-то степени человека. Например, торсида „Флуминенсе“ — это мир артистов, богемы, творческой интеллигенции, чиновников. Основная масса торседорес клуба „Васко да Гама“ издавна складывалась в недрах португальской колонии Рио-де-Жанейро. Самый же популярный клуб страны — это „Фламенго“.

„Менго“, ты — самый великий!» — поется в гимне этого клуба.

«Торсида „Фламенго“ воплощает в себе лучшее качество нашего народа — умение любить», — писала газета «Ултима ора». «Болельщиком „Фламенго“ не становятся. Им — рождаются...» — так говорят о себе негры, мулаты и креолы, спускающиеся на матчи родного клуба из поселков бедняков — фавел, расположенных на горах Рио-де-Жанейро.

Для каждого из них игра «Менго» представляет собой нечто неизмеримо большее, чем представление в ночном клубе для банкира или театр для интеллигента. «Фламенго» не только позволяет какому-нибудь Зе Карлосу отвлечься на минуту от его мученического существования, окунуться с головой в мир острых эмоций — «Фламенго» дает возможность гордиться чем-то... Торжествовать победу, ощутить свою силу, «нашу» силу, силу «Фламенго», разделяя это пьянящее чувство величия и радости с тысячами таких же, как он.

А когда «Менго» проигрывает? В эти минуты горе каждого смешивается с горем торсиды, растворяется в нем. От этого становится немножко легче на сердце. От

этого быстрее приходит надежда, что уже в следующий раз «Менго» победит!

Так рождается на трибунах это чувство плеча, единства, которое не покидает людей, когда они спускаются с верхнего яруса «Мараканы» на темные улицы Рио. Когда умер от тяжелой болезни двадцатипятилетний защитник «Васко да Гама» Жоржи Луис, торсида команды организовала по всему городу сбор средств на покупку дома для его старухи матери. Игроки отчисляли часть своих премий за победы, а торседорес несли, кто сколько сможет.

Среди миллионов бразильских болельщиков есть несколько великих, чьи имена занесены в летописи клубов вместе с именами выдающихся футболистов. Например, шеф торсиды «Ботафого» Тарзан, потрясающий матчи с участием своей команды сенсационными ракетно-петардными фейерверками (название «Ботафого» означает по-португальски нечто вроде «Подбрось огня!»). Или живой символ торсиды «Коринтианса» — самой популярной команды Сан-Паулу — тихая служанка Элиза Алвес до Насименто. Сейчас ей шестьдесят лет. Из них сорок она ходит на стадион, занимая одно и то же место, не пропустив ни одного матча своего клуба за всю его историю. Она не видела ни одного гола, забитого в ворота «Коринтианса», потому что в момент атаки противника всегда закрывала глаза. И лишь по реву трибун понимала, что — увы! — вновь случилось непоправимое: вратарь «Коринтианса» пропустил мяч в свои ворота. Ей много пришлось претерпеть за сорок лет своего героического паломничества вслед за «Коринтиансом». Однажды ее избили на трибунах болельщики другой команды. В другой раз ее хотели швырнуть в канал, и только появление случайно проезжавшего мимо президента «Коринтианса» спасло Элизу. Правда, разъяренные тем, что жертва ускользает, торседорес «Португеза

сантиста» оторвали дверцу у президентской машины. Когда опасность миновала и машина мчалась по улицам Сан-Паулу, Элиза вздохнула и утешила президента. «Что поделаешь, сеньор, ради „Коринтианса“ можно и пострадать…»

Каждый «коринтиано» знает и другого знаменитого болельщика своего клуба — падре Аристидеса Пиментела, который служит мессы, прислушиваясь к футбольному репортажу.

Есть у этого клуба еще один болельщик. Его имя Бенедито Педрозодос Сантос, а для друзей — Диди. Так зовут его дома. А также в университете, где он учится на факультете журналистики. И в издательстве «Британская энциклопедия», где он работает. И в концертных залах, где он выступает с концертами: помимо всего прочего, Диди еще и пианист. Несмотря на такое обилие интересов, он не пропускает ни одного матча своего клуба. В темных очках, с крошечным транзисторным приемником в руках, сидит он среди торсиды «Коринтианса», ликуя и страдая вместе с ней, крича, смеясь и даже обсуждая с соседями по архибанкаде трудные игровые ситуации и спорные решения судей. Но почему «даже»? — спросите вы. Да потому, что Диди слеп от рождения. И, слушая транзистор, окунаясь в торжествующий или горький рев торсиды, Диди сам изобретает для себя картины этого радостного действа, именуемого футболом…

О футбол! Каждый раз в начале сезона в миллионах бразильских домов слышится такой монолог: «Сезон начинается, жена. Все! Отныне и до декабря не рассчитывай на мое участие в воскресных обедах со своей мамашей. Хочу есть раньше и что-нибудь легкое. Лишь бы обмануть желудок. Доктор говорит, что перед игрой нельзя слишком плотно обедать… Приходится слушаться доктора, жена. Война чемпионата слишком безжалостна: необходимо соблюдать режим. И не стоит

говорить, что я смешон, что я преувеличиваю. Да, я не играю, не бегаю за мячом, но ты же знаешь: торседорес приходится труднее, чем игрокам. И торседорес умирают чаще, чем те, кто борется там, внизу… Да, жена, начинается священная война, и у меня впереди много забот. Я буду свистеть и буду освистан, я буду забивать голы и пропускать их, я буду плакать и смеяться… Поэтому, жена, смирись с моим отсутствием по воскресеньям. Прежде чем отправиться с сестрой или тещей в кино, не забудь поставить бутылку пива в холодильник, а таблетку „Мельорала“ от головной боли положить на тумбочку у кровати. Пиво — на случай победы, лекарство — от поражения… Но никому не говори про таблетку, потому что друзья будут смеяться. И потому что думать о проигрыше накануне матча — плохая примета…»

* * *

— Ну, а какая из этого следует мораль? — спросит дотошный читатель. — Хорошо все это или плохо?..

Ответить на этот вопрос не так-то просто. В общем-то, нет ничего предосудительного в том, что люди умеют так самозабвенно отдаваться любимой страсти, топя в океане футбольных переживаний невзгоды и горести своей жизни, столь бедной радостями.

Плохо то, что эта великая любовь, эта беззаветная преданность Его Величеству Футболу очень часто оказывается обманутой… Я говорю сейчас не о проигранных чемпионатах и потерянных Кубках Жюля Риме… А об интригах и махинациях, плетущихся за кулисами этого ослепительного спектакля.

Но об этом — в следующей главе.

ГРУСТНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ ФУТБОЛА

Всю неделю по грошу собирает Зе да Силва пять крузейро, экономя на вонючих сигаретах, на лекарстве для одного из восьми своих детей, на фасоли, являющейся единственной пищей семьи, на туфлях для дочери, которая не может найти жениха. В воскресенье, сломив протест своей измученной нищетой «компанейры» Лурдес, Зе отправляется на «Маракану», где отдает свои пять крузейро за место на архибанкаде. Он платит эти деньги не просто ради того, чтобы посмотреть любимое «Менго»... Когда его смятые бумажки исчезают в окошечке кассы, он чувствует себя счастливым, потому что знает, что они пойдут в сейфы родного клуба, который доставляет ему столько радости и — бог его простит! — горя... Зе счастлив, помогая «Менго»... О том, что происходит с его деньгами после того, как кассир равнодушно кидает их в ящик, протягивая Зе билет, мулат не задумывается. Ему некогда думать об этом, потому что он торопится на свою архибанкаду, где уже грохочут тамбурины, вспыхивают ракеты и развеваются красно-черные флаги «Менго»...

Мы не пойдем с ним. Мы спустимся под трибуны.

«ЗВЕЗДЫ» В КРЕДИТ

На любом футбольном матче, проходящем на территории Бразилии, где-то в середине второго тайма громкоговоритель торжественно сообщает размеры сбора. Эти цифры затем повторяются всеми футбольными комментаторами и публикуются во всех отчетах о матче, поскольку важность, категория, класс

футбольного состязания в Бразилии измеряются прежде всего не количеством забитых голов, а валовой выручкой кассы. В воскресенье вечером усталый комментатор, заканчивая по телевидению обзор очередного тура, глубокомысленно прогнозирует: «Минувшая неделя была очень слабой: она дала только 400 тысяч крузейро... Следующий тур может достичь полумиллиона».

В этом внимании к финансовым проблемам футбола нет ничего удивительного, если мы вспомним, что любой профессиональный футбольный клуб — это деловое предприятие, и главное назначение его — извлекать прибыли, которые являются, как и в любом другом капиталистическом предприятии, продуктом эксплуатации трудящихся, наемных служащих, в данном случае футболистов. И подобно тому, как рабочий бразильско-западногерманского автозавода «Фольксваген» может быть без объяснения причин вышвырнут за дверь или переведен на другую, менее оплачиваемую работу, футболист может быть выгнан из команды или посажен на скамейку запасных, что тоже приводит к ощутимому падению его заработка.

Впрочем, положение футболиста еще хуже, чем заводского рабочего или банковского служащего. Любой рабочий или служащий может потребовать, когда ему вздумается, расчет, а профессионал мяча лишен даже этой возможности: до окончания срока контракта он является собственностью клуба. Такою же, как стол в кабинете президента «Фламенго» или скрипящий арифмометр в бухгалтерии «Ботафого». Когда эксплуатируемый «Коринтиансом» Гарринча, легендарный «би-кампеон» (двукратный чемпион мира), попытался «хлопнуть дверью», возмущенный тем, что его заставляли выступать с травмой ноги да еще упрекали по этому поводу, «Трибунал спортивной юстиции» дисквалифицировал его на два года,

запретив ему играть в течение этого срока в любых официальных матчах.

В то же время хозяева клуба (в Бразилии они называются «картолы») могут распоряжаться игроком по своему усмотрению: продавать, обменивать, сдавать в аренду или уступать взаймы, не опасаясь никаких конфликтов с профсоюзом. Потому что профсоюза у футболистов нет. В полном соответствии с законами вольного рынка, основанного на хитрых взаимоотношениях спроса и предложения, «звезда» может быть обменена на двух-трех менее знаменитых игроков. Если какой-нибудь кумир торсиды стоит слишком дорого, отчаиваться не следует: он может быть куплен в кредит. На тех же условиях, что и холодильник в баре президента или стиральная машина для приведения в порядок футболок и трусов. Круглый год бразильская пресса со смаком обсуждает всевозможные операции на никогда не успокаивающейся футбольной бирже.

Извещения о них публикуются в газетах под громадными «шапками» и имеют такой вид: «„Ботафого“ просит за вратаря Мангу 600 тысяч крузейро», «Правый край „Жувентуса“ Антониньо передан в аренду в „Васко да Гама“ до конца сезона за 10 тысяч крузейро в месяц», «Быстроногий Мурило получен „Фламенго“ у „Оларии“ в качестве придачи к купленному Нельсону», «„Фламенго“ ищет покупателя на Алмира. „Бонсуссесо“ соглашается купить его, но требует в придачу Жилбера, ссылаясь на то, что Алмир уже слишком стар».

Одним из самых страшных, на мой взгляд, зол этой чудовищной, никогда не останавливающейся ярмарки живого футбольного товара является освященное законом правило, по которому сам игрок после сделки получает единовременное вознаграждение в размере 15 % суммы, за которую он был куплен. Этот порядок,

кажущийся на первый взгляд глубоко «прогрессивным», то бишь ограждающим интересы футболистов, приводит к тому, что игрок не только перестает ощущать какую-то унизительность подобной сделки, но, наоборот, стремится быть проданным как можно большее количество раз. Это убивает в футболисте такие «старомодные» мысли и чувства, как «традиции родного клуба», «честь футболки» и тому подобные «сентиментальные глупости».

Подобное случилось, например, с лучшим полузащитником Бразилии Жерсоном, который в сезоне 1969 года начал ожесточенную войну с директоратом своего клуба «Ботафого», стремясь во что бы то ни стало быть проданным в «Сан-Паулу». Дело дошло до того, что пресса стала обвинять Жерсона в недвусмысленном стремлении играть «вполноги». В конце концов Жерсон добился своего — 24 июня 1969 года он был продан директоратом «Ботафого» клубу «Сан-Паулу». Это была одна из самых дорогих коммерческих сделок в истории бразильского профессионального футбола. По ее условиям «Ботафого» получил 900 тысяч крузейро (около 225 тысяч долларов).

Когда же в дело включаются более богатые европейские (или американские) клубы, особенно активно начавшие скупать бразильских футболистов после победы на чемпионате мира в Швеции в 1958 году, ситуация еще более усложняется. Потому что сами бразильцы, даже, казалось бы, всемогущий «Сантос», не могут предложить своим игрокам таких сказочных заработков, коими их манят Италия, ФРГ или Испания.

Когда «Сантос» в 1969 году вернулся из Италии после матча с «Интернационале», кто-то из игроков привез с собой слух о том, что «Ювентус» предлагает Жаирзиньо, правому крайнему бразильской сборной и

лучшему игроку «Ботафого», около 150 тысяч долларов единовременного пособия, не считая астрономической зарплаты, если он согласится перейти в этот клуб. Футболист, который в это время готовился к отборочным играм сборной страны за право выступать на мексиканском чемпионате мира, чуть не сошел с ума. «О боже, сделай так, чтобы это оказалось правдой, — прошептал он, потрясенный. — Если мне официально подтвердят это приглашение, я брошу все и убегу туда…»

Комментируя возникшую в связи с этим ситуацию, спортивный обозреватель «Жорнал до Бразил» Сержио Норонья писал: «В тот момент, когда наши парни больше всего нуждаются в спокойствии, вновь начинают прибывать волнующие предложения из-за океана… Честно говоря, если бы я получил одно из таких предложений, я перестал бы не только бегать, не только ходить по улице, но старался бы вообще не подыматься с постели, опасаясь подвернуть нечаянно ногу при обувании домашних шлепанцев и потерять, таким образом, эти фантастические деньги… Так представьте же себе этого бедного Жаирзиньо, профессионала, который, зная о своей славе, об этих предложениях, вынужден продолжать играть, встречая открытой грудью самые грубые приемы противника. Подобные посулы сыплются на Пеле, на Тостао, Эду и многих других игроков сборной. Я не представляю себе, как тренеры могут работать сейчас с этими игроками, чьи головы одурманены сногсшибательными суммами…» В общем, были бы у клуба деньги, а футболисты найдутся! Ну, а деньги берутся, так сказать, на трибунах. У сотен тысяч Жоанов и Зе. Поэтому доходы клуба зависят как от количества зрителей, так и от количества матчей, вследствие чего одна неделя без игр воспринимается футбольными бухгалтерами с беспокойством, две недели — с ужасом,

три недели «простоя» являются ЧП, после которого президент клуба в течение трех месяцев будет твердить на каждом углу о невосполнимых потерях, о катастрофическом финансовом положении команды. И будет выжимать из футболистов все. До последней капли пота.

В среднем бразильская команда играет два раза в неделю. Если в режиме игр выдается, скажем, десятидневное окно, импресарио клуба организует полет куда-нибудь в провинцию на два-три товарищеских матча. Двухнедельный же перерыв немедленно используется для прогулки в Европу или в соседние страны.

Вследствие этого тренер лишен возможности вести плановую тренировочную работу, поиски каких-то тактических вариантов, наигрыш новых схем и линий… Главная забота тренера сводится обычно к установлению игрового задания на очередной матч и «затыканию дыр», вызванных постоянными, непрекращающимися травмами игроков…

И это не преувеличение! Подавляющее большинство тренеров, медиков и самих футболистов жалуются на изнуряющий ритм состязаний. По мнению Жоана Салданьи, известного футбольного специалиста, игроки ведущих клубов Бразилии являются жертвами потогонной системы, варварской организации турниров и «гастрольных» поездок. Жоан Салданья утверждает, что они не успевают восстанавливать свои силы между матчами, что приводит к нервному и физическому истощению футболиста.

Доктор Илтон Гослинг, работавший врачом сборной Бразилии на чемпионатах мира в Швеции, Чили и Англии (в последние годы он заведовал медицинским департаментом клуба «Васко да Гама»), заявил: «Бразильский профессионал — эта „машина, работающая на износ“, — находится в таком состоянии,

что уже в середине сезона участие в матчах становится возможным только благодаря постоянному вливанию глюкозы...»

По словам Гослинга, являющегося, безусловно, выдающимся авторитетом спортивной медицины, в настоящее время в бразильских командах не ведется никакого сколько-нибудь серьезного контроля за физическим состоянием футболистов. Медики (которые, кстати сказать, имеются только в нескольких крупнейших клубах) считают своей главной задачей подготовку игрока к завтрашнему матчу. Что будет с ним через неделю, через год, через пять лет — никого это не интересует...

Как же вознаграждается этот изнурительный труд?

ТЕНЬ МАНЕКО,

ИЛИ НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЕЗЫ...

Оклад футболиста-профессионала оговаривается в контракте и зависит от уровня его мастерства, степени популярности и, разумеется, в первую очередь от «доброй воли» хозяев клуба, которые, как любой торговец в любой сделке, стремятся заполучить искомый товар как можно дешевле. Помимо твердой ежемесячной зарплаты, футболисты за каждый выигранный матч получают специальное вознаграждение — «бишьо», размер которого зависит от важности данной победы, от класса поверженного соперника и опять-таки от настроения хозяев клуба. Иногда бишьо достигает впечатляющих размеров: каждый игрок «Ботафого» за победу в финальном матче 1968 года на кубок Рио-де-Жанейро получил по тысяче крузейро (около 270 долларов). Укажем для сравнения,

что среднемесячная зарплата рабочего в Рио-де-Жанейро не превышала в то время 150 крузейро.

Правый крайний «Коринтианса» Пауло Боржес зарабатывает ежемесячно около 9 тысяч крузейро. Говорят, его оклад уступает только заработку Пеле, которому «Сантос» выплачивает 63 тысячи крузейро, не считая бишьо и других вознаграждений. Репортеры спортивной «светской хроники», пуская слюни умиления, сообщают с завистливым восторгом о заботах футбольных «миллионариос»: о том, как Пеле покупает акции, обзаводится фабрикой санитарно-технического оборудования (которая, кстати сказать, не только не принесла ему доходов, но и причинила громадные убытки) и как потом продает ее, вкладывая выручку в покупку земельных участков. О том, как Жаирзиньо копит деньги на покупку бензозаправочной колонки. Такой же, какой уже обладает Тостао. Впрочем, Тостао обзавелся, помимо бензоколонки, магазином спортивных товаров и поступил на экономический факультет университета. Бьянчини, некогда неприметный форвард скромного клуба «Бангу», сумел быть весьма удачно проданным сначала в «Ботафого», затем в «Васко да Гама», что позволило ему стать владельцем крупной пекарни и здания в три этажа, которое он сдает в аренду. Фонтана, купленный командой «Крузейро» у «Васко да Гама», обзавелся фазендой (поместьем) с солидным стадом крупного рогатого скота, которое, пока Фонтана играет, поручено заботам его брата. Впрочем, перечень имен этих счастливчиков краток, как список обладателей выигрышей рождественской лотереи. Футбольные «миллионеры» не составляют и десятой доли процента от всей многотысячной армии профессионалов бразильского футбола.

Рядовые этой армии, отбывающие свою нелегкую повинность в так называемых «малых» клубах столиц и

в периферийных командах, влачат незавидное пролетарское существование: микроскопическая зарплата, крохотное бишьо, постоянный страх перед возможной травмой, которая приведет к простою, а затем к расторжению контракта.

Но даже если все идет хорошо, если тренеры довольны, если — слава богу! — удается играть без травм, если контракт обеспечивает щедрый заработок и президент клуба поощрительно похлопывает по плечу: «Молодец, парень!» — все равно футболист-профессионал не чувствует себя спокойным. С каждым годом его все больше и больше беспокоит проклятый вопрос: «Что будет потом?» Это зловещее «потом» с приближением рокового тридцати-тридцатипятилетнего рубежа беспокоит всех — мастеров «Фламенго» и скромных тружеников какого-нибудь «Атлетико» в Бауру. Потому что нет среди них такого, кто не знал бы о жалкой судьбе двукратного чемпиона мира Гарринчи, не помнил бы трагическую историю Манеко из рио-де-жанейрской «Америки» или Ипожукана из «Васко да Гама».

Манеко был волшебником мяча. До сих пор старые торседорес вспоминают «шоу», которое он устроил ошеломленным англичанам из «Арсенала», и его виртуозные проходы по краю в матчах со сборной Уругвая. Когда Манеко вынужден был по возрасту расстаться с мячом, начались тяжелые времена. Однажды он пришел к президенту клуба Жулите Коутиньо:

— Сеньор, займите мне деньги! Клянусь, возвращу через пару месяцев.

— Сейчас у меня нет, зайди через пару дней.

Манеко не мог ждать двух дней: когда он вернулся домой, дома у него уже не было. Нехитрый скарб валялся на тротуаре, полиция опечатывала скрипящую дверь. На узлах сидели старики — его отец и мать,

которым он подарил этот дом, купив его в рассрочку. И этот подарок всю жизнь был его гордостью.

Парень жалко улыбнулся и сказал:

— Отец, я что-нибудь придумаю… — И ушел, стараясь не глядеть на слезы, текущие по морщинистой щеке старика.

Он ничего не сумел придумать, потому что бывший владелец дома отказался отсрочить очередной платеж. Закон есть закон! И парень отравился.

На следующее утро газеты, которые давно забыли о его существовании, хотя было время, когда фотографии Манеко украшали их первые полосы, напечатали записку, найденную в кармане Манеко: «Отец, прости. Я больше не могу этого вынести! Я страдаю от мысли, что мать и сестры будут тяжело переживать мою смерть, но другого выхода у меня нет. Поцелуйте племянников. Постарайтесь не падать духом. Прощайте, я очень сильно плачу над этим письмом. Ваш Манеко».

А Ипожукан, знаменитый форвард одного из богатейших футбольных клубов «Васко да Гама»? Говорят, что он сумел обогнать время: десять лет назад он играл так, как играют сейчас. И вот сегодня, когда форварды пользуются найденными им открытиями, сам Ипожукан лежит в своей крохотной комнатушке в убогом районе Сан-Паулу, умирая от острой формы сердечной недостаточности. Его мучает мысль о жене и детях, которые голодают вместе с ним. Голодают! В самом буквальном смысле этого слова. Ипожукан знает, что скоро умрет, потому что у него нет денег ни на врачей, ни на лекарства. Как-то раз Ипожукан сказал репортеру, заглянувшему узнать, не умер ли уже он: «У меня есть деньги, которых хватит на три дня. Что будет потом — не знаю…»

Под трибунами «Мараканазиньо», Дворца спорта на территории «Мараканы», в небольшой комнатке разместилась канцелярия скромного учреждения,

зашифрованного таинственным названием ФУГАП. Эта аббревиатура в переводе на русский язык означает нечто вроде «Гарантийный фонд помощи профессиональным спортсменам». В его обязанности входит оказание содействия престарелым футболистам. Таким, как Ипожукан, Манеко и тысячи других. Маленькая группа самоотверженных Дон-Кихотов пытается что-то сделать. Кого-то устроить на работу, кому-то выдать небольшое единовременное пособие.

Что могут изменить, чем могут помочь эти жалкие крохи, эти микроскопические капли милосердия, падающие в иссушенную нуждой и горем почву? Вот что сказала об этом «Жорнал дос спорте», ведущая спортивная газета страны, устами одного из своих лучших репортеров Лусио Лакомба, пишущего о благородных, но бесплодных стараниях сотрудников ФУГАП: «Разве можно помочь всем, кто нуждается в помощи?.. Что делать с людьми, которые вчера познали богатство и славу, а сегодня не имеют профессии и возможности работать где бы то ни было? Что делать с этими людьми, униженными необходимостью протягивать руку после того, как им аплодировали миллионы?.. Нищета, нужда, болезни, вплоть до проказы, безысходное горе бесконечных просителей. Что делать с ними? Вот трагическая драма ФУГАП».

К сказанному остается только добавить сухую статистическую справку: если ранее эта организация получала в свое распоряжение десять процентов от кассовой выручки с футбольных матчей, то недавно эта квота ФУГАП была уменьшена до двух процентов. Сделано это было по настоянию все тех же картол — руководителей клубов, которые отнюдь не заинтересованы в том, чтобы содержать этих бывших знаменитостей и вчерашних чернорабочих футбола. Картолы лихорадочно ищут деньги для миллионных сделок по купле-продаже сегодняшних «звезд»,

которые пока что сверкают. А завтра пополнят печальные списки ФУГАП.

...Тридцать лет спустя если что и изменилось в «грустной бухгалтерии бразильского футбола», то только масштабы рассматриваемых проблем.

Во-первых, на несколько порядков возросли трансферные суммы, выплачиваемые клубами-продавцами и получаемые клубами-покупателями за приобретаемых игроков. По подсчетам бразильских специалистов, ни Пеле, ни Гарринче, ни каким-либо иным самым выдающимся звездам середины века не мог и присниться размах банковских операций, которые свершаются в связи с продажей, к примеру, Роналдиньо, Ривалдо или Денильсона в Испанию, Голландию или Италию.

Во-вторых, наряду с астрономическим ростом цен на международных футбольных рынках неизмеримо возросло за последние десятилетия количество игроков, ежегодно выбрасываемых на эти торжища. Футбол стал все больше и больше интернационализироваться. И к концу века число футболистов, экспортируемых Бразилией в другие страны, стало исчисляться сотнями за год! Даже в скромных по своим финансовым возможностям и непритязательным по международным футбольным рейтингам российских клубах начали появляться бразильские игроки, хотя и более скромные по сравнению с Роналдиньо, Ривалдо, Роберто Карлосом или Элбером, выступающими за европейские клубы. Торговля футболистами превратилась в один из самых прибыльных видов бизнеса и способствовала превращению крупнейших футбольных клубов в самые настоящие бизнес-центры.

При этом права футболистов зачастую не учитывались в должной мере, и потому сначала Зико,

назначенный после ухода из футбола в 1990 году на пост государственного секретаря по делам спорта, а затем и Пеле, приглашенный во второй половине 90-х на пост министра по делам спорта, попытались упорядочить правила трансфера футболистов, имея в виду максимально защитить права игроков. Предполагалось сначала ослабить, а затем и вообще ликвидировать закрепощенность футбольных профессионалов за клубами, предоставив игрокам возможность участвовать в торгах и получать от этого более выгодный «навар». А после достижения определенного возраста обрести даже право на свободный переход в любые другие клубы. Впрочем, как говорит мудрая пословица, «гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

И потому процесс этот зашел в тупик. Сначала, правда, кое-какие подвижки были достигнуты, но после ухода Пеле с министерского поста в 1998 году под нервным и настойчивым воздействием картол, не желавших терять контроль над куплей-продажей игроков, бразильский конгресс начал бесконечное обсуждение и внесение поправок в «Закон Пеле». И раскрепощение бразильских профессионалов от диктата околофутбольных «бизнесменов» сильно затормозилось.

Таким образом, все то, что было сказано в предыдущей главе, не потеряло своего значения и сегодня, тридцать лет спустя.

ПРЕЗИДЕНТЫ НЕ ЛЮБЯТ НЕУДАЧНИКОВ

Будем справедливы! Не все «идолы», не все погасшие «звезды» бразильского футбола заканчивают свой путь меланхолическим актом регистрации своей фамилии в списках ФУГАП. Некоторые из них не прощаются с футболом, они пытаются законтрактоваться тренерами в какой-либо из двадцати трех тысяч футбольных клубов Бразилии. О них и пойдет речь в этой главе.

* * *

В конце сезона 1957 года накануне ответственного турне по странам Америки и Европы взбунтовался тренер «Ботафого» Жениньо. Подобные конфликты являются обычным делом, периодически вспыхивают они то в одном, то в другом клубе Бразилии. И в этом нет ничего удивительного, ибо в самой структуре руководства клубами заложено неразрешимое, неустранимое противоречие между тренером, являющимся наемным тружеником клуба, и его хозяевами — картолами: президентом, директором департамента футбола, членами президентского совета. История не сохранила причин спора Жениньо со своими хозяевами: то ли он добивался более выгодного контракта для себя лично, то ли протестовал против продажи каких-либо игроков «Ботафого»... Да это и неважно. Важно то, что после того, как разъяренный Жениньо хлопнул дверью кабинета своего хозяина, в «Ботафого» родился новый тренер. Возможно, самый

выдающийся. И уж наверняка самый компетентный из бразильских тренеров. Речь идет о Жоане Салданье.

Разумеется, хозяева «Ботафого» при иных обстоятельствах никогда не позволили бы себе эту авантюру: пригласить скромного чиновника клуба, каковым был в то время Жоан, на весьма почетный и важный пост старшего тренера первой команды. Просто-напросто они оказались в безвыходном положении: «горела» очень выгодная «экскурсия», сулившая клубу прибыль, нужно было кого-то срочно посылать с командой. Первым, кто подвернулся под руку, оказался Салданья. Он не имел блистательного футбольного прошлого: играл в детстве на пляжах Копакабаны и Ипанемы, потом стал тренером одной из «диких» команд, потом пристал к «Ботафого», где играло много его земляков из штата Рио-Гранде-ду-Сул.

Тут, в «Ботафого», Жоан помогал тренерам, работал переводчиком при нескольких европейских тренерах, приглашенных в Бразилию, потом стал исполнять обязанности администратора команды.

Когда его «бросили» в турне вместе с клубом, Салданья не растерялся. Он хорошо знал игроков, отчетливо представлял себе, что может и чего не может каждый из них.

Он решил, что у него нет времени для изобретения каких-то гениальных тактических схем и внедрения хитроумных новаций.

Жоан собрал игроков и сказал им:

— Вы видите, парни, эту правую полосу поля — от нашей штрафной площадки до ворот противника? Сюда, на правый фланг, никому из вас я не разрешаю совать нос. Это — коридор Манэ Гарринчи. Все остальные должны играть в центре и слева. К Манэ и близко подходить не смейте. Пусть делает здесь что захочет, а ваше дело — ждать от него пас и бить по воротам…

Так после этой счастливой встречи дальновидного тренера и гениального футболиста начался сенсационный взлет знаменитого Гарринчи и не менее сенсационные победы «Ботафого» на чужих и своих полях. Жоан раскрепостил игроков, предложил каждому «играть свою игру». И даже если он давал какие-то строгие установки на тот или иной матч, он добавлял:

— Если вы в ходе матча почувствуете, что моя установка не дает результатов, меняйте игру, не оглядываясь на меня…

Это было неслыханно. Вероятно, никогда еще в истории бразильского футбола тренер не разговаривал с футболистами таким языком. И привыкшие к окрику, к железным оковам незыблемых тактических схем, малограмотные виртуозы мяча вдруг почувствовали веру в свои собственные силы. В свой, если хотите, футбольный интеллект. Мулаты, негры и белые, составляющие разноцветный «коктейль» «Ботафого», заиграли, как никогда не играли до этого. Зарубежное турне превратилось в победоносное шествие «Ботафого» по стадионам двух континентов. А вернувшись на родину, «Ботафого» в упорной борьбе с «Фламенго» впервые за много лет завоевал звание чемпиона.

А затем, спустя несколько месяцев, история повторилась: снова хлопнула громко дверь в кабинете президента клуба. На сей раз уходил сам Салданья, протестуя против продажи нескольких футболистов…

Так было, так есть и так будет до тех пор, пока сохраняется нынешняя организационная структура профессионального футбола, о которой сам Салданья блестяще писал в своей книге «Подземелья бразильского футбола»: «Бразильский футбол живет в атмосфере политиканства, куда более мелочного, чем распри политических партий… Архаичная, устаревшая

организация мешает ему развиваться, футбол популярен, он приносит известность и славу клубным дельцам, дает им имя. И они яростно дерутся за место под солнцем. Когда один какой-нибудь футбольный босс только начинает постепенно понимать что-то в футболе, осваивает первые азы законов этого вида искусства, этого босса свергает какой-нибудь иной… Он ведет себя, словно является наследником Ротшильда. И все начинается сначала до тех пор, пока этот болтун начнет постепенно осваивать то, что другие уже давно освоили бы на его месте…»

В такой обстановке работают бразильские тренеры. Впрочем, слово «работают» является в данном случае литературным украшательством: тренеры в Бразилии не работают. Во всяком случае, они не имеют никаких возможностей для работы. Тот же Салданья пишет в упомянутой книге: «В Бразилии не существует тренировочной работы в футболе. Говоря так, мы имеем в виду не подготовку команды накануне какого-то конкретного матча, которая-то и является именно „подготовкой“, не более… Наши клубы только и делают, что ведут эту „подготовку“. Ведь мы не имеем футбольного сезона. В футбол играют у нас практически все время. Одна игра следует за другой, и то, что вообще-то называется тренировочной работой, в Бразилии сводится к торопливой подготовке к матчу, проводящейся в кратком, четырехдневном, интервале между двумя играми…»

Может быть, Салданья слегка сгустил краски: мне доводилось видеть серьезные, интенсивные занятия самого Салданьи с футболистами сборной страны, наблюдать вдумчивую работу Загало в «Ботафого», Дюка в «Бонсуссесо», Тима во «Фламенго». Но эти примеры — исключение. А в принципе Салданья все-таки прав. Бразильский тренер не имеет возможности работать с командой. У него на это нет времени, а у

игроков нет сил. В лихорадке календарных и товарищеских матчей лишь кое-когда удается провести тренировочку или разминку. Тысячи проблем обрушиваются на тренера: воспаленные миндалины вратаря, которые являются очагом заражения, способным ухудшить любую травму, должны ожидать до января. Так же, как «верминоз» на почве истощения у другого игрока, недавно прибывшего с северо-востока и принесшего в своем организме все, что можно только себе представить: от аскарид до эскистосомоза. Их будут лечить слабительным. Для облегчения колик… Ну, а сифилис третьего — который не нуждается для подтверждения диагноза в анализе крови, достаточно только поглядеть на него — будет тоже лечиться мимоходом, по мере возможностей, столь ограниченных в этой суматохе. И когда кто-то пожалуется, что нуждается все-таки в небольшом перерыве, в отдыхе для лечения, существует одно легкое средство, дающее грандиозные результаты: «Послушай, бишьо против „Фламенго“ в воскресенье обещают в восемьдесят тысяч… Понял? Даже сенатор не зарабатывает столько за девяносто минут…»

Лекарство действует безотказно. Боль проходит, лечение может быть отложено. Позднее, разумеется, веревка лопнет. Но ведь это будет позднее!.. А пока будем решать наши сегодняшние проблемы!

Стоит ли обвинять во всем этом тренеров? Ведь над ними, словно дамоклов меч, висит день и ночь карающая рука картол: как только команда начинает проигрывать, и без того шаткое положение тренера становится катастрофическим. Контракт заключается на год. И по окончании контракта президент клуба даже и разговаривать не станет, даже руки не протянет тренеру, который, по мнению вельможи, считающего себя, разумеется, знатоком футбола, провел сезон не очень удачно…

И тренер вынужден отправляться по безбрежному футбольному морю Бразилии в поисках новой пристани... А море это действительно безбрежное: как было уже упомянуто, в Бразилии имеется свыше двадцати трех тысяч футбольных клубов. А дипломированных специалистов — тренеров со специальным образованием — приходится на них... 60, повторим для верности прописью: шестьдесят человек.

Правда, приступая к рассказу о тренерах, сразу же спотыкаюсь об один любопытный факт: тренеры, добившиеся в последние два-три года наиболее интересных результатов в ведущих бразильских клубах и сборной, не являются — как это ни парадоксально! — дипломированными специалистами. Нет диплома даже у Загало — тренера «Ботафого» и сборной страны, победившей на чемпионате мира в Мексике. Нет дипломов у Теле — тренера «Атлетико», команды, ставшей в 1971 году первой победительницей первого национального чемпионата, у Антониньо — тренера «Сантоса», команды, которая не нуждается в рекомендациях. Нет диплома и у самого Салданьи...

Но, я думаю, они не обидятся на автора книги, если он начнет рассказ о бразильских тренерах не с них, а с их дипломированного коллеги. С Висенте Феолы — тренера «золотой сборной», одержавшей блистательную сенсационную победу на чемпионате мира 1958 года в Швеции. Злые языки утверждают, правда, что Феола, несмотря на свой диплом Высшей школы физического воспитания, не был в общем-то идеальным тренером. Тем более тренером сборной. Во всяком случае, Феолу называют «раздатчиком футболок», не более того. Мне приходилось даже слышать утверждения, что-де великой сборной 1958 года вообще не нужен был тренер: Пеле! Вава! Диди!.. Они и сами выиграли бы Кубок Жюля Риме! Разумеется, это не так, однако не следует забывать, что Феола

противился включению в команду Гарринчи, держал в запасе Нилтона Сантоса и Пеле. Этого ему до сих пор не забывает ни один из торседорес Бразилии. В то же время страна забыла, что, помимо победы на чемпионате мира 1958 года, сборная Бразилии под руководством Феолы одержала победы в шести крупных международных турнирах (в том числе в «Атлантическом кубке»), что из 96 игр, проведенных сборной Бразилии под руководством Феолы, было выиграно 66! Слишком хорошие результаты для скромного «раздатчика футболок»!

Конечно же, кроме расстановки игроков на поле, Феола умел вселить в них чувство уверенности в своих силах, чувство спокойствия. Умел настроить их на победу. Умел заставить их не бояться, а уважать противника. Не следует забывать и того, что в руках Феолы было в 1958 году грозное оружие, повергнувшее в панику тренеров и футбольных специалистов всего мира: знаменитая схема 4+2+4. О ней речь пойдет в соответствующей главе, а пока отметим лишь, что выиграла шведский чемпионат все же не эта схема, а двенадцать человек; одиннадцать на поле и один — Висенте Феола — за его пределами…

Преемником Феолы на посту тренера сборной страны стал накануне чемпионата мира 1962 года Айморе Морейра. Рассудочный, спокойный человек. Один из выдающихся знатоков и теоретиков футбола. Именно он привел сборную команду к победе на чилийском чемпионате мира 1962 года, и именно ему было вновь поручено руководство сборной после поражения Феолы в 1966 году в Англии. Айморе стал одним из первых глашатаев «универсализации» в бразильском футболе. Мне кажется, что его сдержанность, его осторожность и осмотрительность отразились и на манере игры возглавляемой им команды. Особенно это было заметно на сборной

образца 1968 года. Эта команда имела в основном тех же игроков, что команда Салданьи, проведшая в блестящем атакующем стиле отборочные матчи первенства мира в 1969 году, однако у Айморе футболисты играли, я бы сказал, слишком спокойно, чрезмерно осмотрительно. Они атаковали, беспрестанно оглядываясь назад. Они не столько взламывали оборону противника, сколько трудились над созданием своих оборонительных рубежей.

Впрочем, главной бедой Айморе была его полная зависимость от «сильных мира сего». От футбольных чиновников и президентов клубов, диктовавших Айморе свои требования тоном, не терпящим возражений. Блистательной противоположностью ему стал новый тренер сборной — Салданья, сказавший в тот день, когда его пригласили на этот пост: «В Бразилии живет 90 миллионов человек, которые могут предложить мне 90 миллионов вариантов сборной команды… Но на поле выйдет моя команда. Та, которую я предложу». Об этой команде мы еще будем говорить, а сейчас хочется подчеркнуть, что подобное поведение тренера в Бразилии является, пожалуй, беспрецедентным фактом. И это понравилось бразильцам, утомленным бесчисленными вариациями, модификациями и новациями в составе сборной, практиковавшимися Айморе. Салданья пришел и сказал: «Наша бразильская сборная должна быть для нас как любимая самба: каждый бразилец должен знать припев…» И через две недели после прихода Салданьи каждый мальчишка этой страны назубок знал состав своей сборной.

Жоан Салданья

Не будем забегать вперед и говорить о творческих концепциях Салданьи, чему посвящена специальная глава книги. Отметим иное: принципы товарищеского отношения к игроку, уважения человеческого достоинства и права футболиста на творчество, продемонстрированные Жоаном в том памятном 1957 году, когда он пришел в «Ботафого», остались святыми для него и по сей день. А это не так уж часто встречается в профессиональном футболе! Жоан умеет уважать в футболисте человека. Возможно, его научил этому дикий случай, о котором он рассказал в своей книге:

«Случилось это в сорок шестом или сорок седьмом году. „Ботафого“ тогда находился на сборах накануне матчей в стареньком доме на окраине Рио в городском парке. „Концентрация“ (так они называют сбор. — Примечание мое. — *И. Ф.)* была, что называется, „из

тех“ — на целую неделю. В тот раз дело было перед встречей с одним из „великих“ клубов.

Жена игрока Авилы лежала в больнице Святого Себастьяна с тяжелой хронической болезнью. Жизнь ее долгое время висела на ниточке.

Игра начиналась в субботу во второй половине дня, а где-то около одиннадцати утра на тренировочной базе зазвонил телефон. Игрокам было запрещено подходить к телефону. Тем более накануне матчей. А звонили из больницы, срочно вызывая Авилу. Тот, кто снял трубку — один из администраторов клуба, — ответил, что Авила не сможет сегодня поехать в больницу. Тогда к телефону подошла сама старшая медсестра — монашка, работавшая в госпитале, и стала настаивать, требуя, чтобы игрок срочно приехал. Администратор положил трубку и отправился к тренеру: „Монашка-сестра утверждает, что жене Авилы стало хуже и что она зовет его…“ Руководство команды обсудило ситуацию и решило, что накануне матча футболисту не стоит ехать в госпиталь Святого Себастьяна. Матч предстоит весьма важный… Администратор вернулся к телефону и сообщил сестре, что Авилу вызвать нельзя.

После матча Авиле сказали, что ему нужно съездить в госпиталь, потому что с ним хочет говорить жена. Он взял такси и отправился в „Святой Себастьян“. Когда Авила вошел, сестра бросилась к нему навстречу и крикнула:

— У сеньора нет сердца? Сеньору не жалко свою жену? Я звонила вам с утра, а вы только сейчас появились?!

Ничего не понимая, растерявшись от неожиданности, парень спросил:

— Но в чем, собственно говоря, дело? У меня был матч. И мне только сейчас сказали, что она меня зовет… Вот я и примчался. Я торопился, взял такси…

— Теперь уже поздно, — сказала сестра. — Ваша жена умерла в три часа дня. Вы можете увидеть ее тело в часовне. — И, зарыдав, монашка добавила: — Бедняжка все время звала вас, сеньор!..

Авила потерял сознание. Он пришел в себя только поздно вечером. Даже ночью… Он снова взял такси и отправился на „концентрацию“, где ожидал найти всех: и игроков, и картол. Но на базе никого уже не было. Только ночной сторож и его жена. Авила схватил железный лом и разбил все, что смог разбить. Не осталось ни одного окна, двери, ни одного предмета из меблировки, который бы он не разнес в щепки. Он разгромил даже кухню и уборную. А потом взял такси и отправился на поиски тех, чьи адреса были ему известны. Никого не нашел. Никого не было дома…

На следующий день были похороны. Авила, упав на гроб, рыдал, повторяя одно и то же:

— Мне не позволили поцеловать тебя в последний раз, но теперь ты отмщена. Те, кто это сделал, никогда больше не будут иметь спокойствия…»

Одним из самых молодых, но весьма авторитетным, несмотря на этот «недостаток», тренером является сменивший Салданью на посту тренера сборной Загало — левый крайний «золотой сборной» 1958–1962 годов. Он руководил своим собственным клубом «Ботафого», откуда в 1958 году пришел в сборную как игрок, а в 1969 году — как тренер. Загало старался прививать молодежи свои собственные навыки и приемы. Левый край «Ботафого» Пауло Сезар играл в той же манере и, пожалуй, не менее блистательно, чем некогда играл сам Загало. Молодой тренер многого добился. Под его руководством клуб завоевал несколько весьма почетных титулов и кубков. Однако Загало проявил некоторый консерватизм, пытаясь третий год подряд играть в одной и той же манере, которая в общем-то стала хорошо знакомой соперникам «Ботафого».

Поэтому в 1969 и 1970 годах команда потерпела неудачи, слабо выступив и в первенстве, и в кубковых матчах штата Гуана-бара, то есть Рио-де-Жанейро. К тому же, как уже было упомянуто в предыдущей главе, картолы «Ботафого» продали Жерсона, являвшегося костяком, нервным центром, дирижером команды. Разумеется, как это всегда бывает, мнением тренера во время оформления этой сделки никто не поинтересовался.

Такая же участь постигла и тренера «Фламенго» Тима. Он пришел в команду в начале 1969 года, когда она переживала жестокий кризис, провалившись во всех ответственных турнирах 1968 года. Тим за два месяца сумел вдохнуть в своих парней веру в победу. Маневрируя на мерном столе своими знаменитыми пуговицами, заменявшими ему фигурки футболистов, он развивал свои концепции и идеи, основанные на максимальном использовании талантливого, техничного нападающего Луиса Карлоса. Когда подготовительная работа была закончена, когда нужно было начинать матчи чемпионата, Луис Карлос был продан в «Васко да Гама». Говорят, что сам Тим узнал об этом из газет…

Впрочем, Лиса, как зовут Тима в Бразилии, не сдался. Он отправился к президенту «Фламенго» и потребовал равноценной замены. Президент, разводя руками, объяснял, что Луис Карлос был продан для того, чтобы клуб смог выплатить хотя бы некоторые, самые неотложные из фантастических долгов, накопившихся у него. Дело кончилось тем, что на деньги, вырученные от продажи Луиса Карлоса, был куплен в Аргентине стремительный и техничный нападающий Довал. «О Бразил бразилейро!» — говорят в таких случаях, разводя руками, граждане этой страны: «О моя бразильская Бразилия!»

В противоположность Айморе и Загало Тим отрицает строгие тактические схемы и формулы. Он

считает, что все эти 4+2+4, 4+3+3 сыграли свою положительную роль в нескончаемом футбольном спектакле, а теперь на смену им приходит новое… «Они связывают, эти схемы, тренера. Они мешают развертыванию свободной игры, в которой главная задача тренера и команды — удивить противника и при этом самому не оказаться удивленным, самому не дать захватить себя врасплох…»

Тим любит играть широко, стремительно захватывая пустоты, на половине поля противника, как это делают баскетболисты. Он требует от защитников овладения длинным пасом, адресованным выдвинутому вперед нападающему. Он считает, что лучше ошибиться в таком пасе, обостряющем игру, чем дать точный, но поперечный и мелкий пас на своей половине поля. Тим скептически отнесся к современной моде играть с «чистильщиком», полагая, что этот лишний защитник является не чем иным, как потерянным, утраченным для атаки игроком… И, кроме того, утверждает он, у любой команды всегда имеется верное средство против «чистильщиков» — атака через фланги.

Тим позволяет себе теоретизировать, свысока поглядывая на своих коллег, потому что его дела идут не так-то уж и плохо, «Фламенго» перебралось на второе место в турнирной таблице чемпионата Рио-де-Жанейро и уверенно выступает в розыгрыше «Серебряного кубка» Бразилии. А самое главное: до конца контракта у Тима есть еще довольно много времени. И любую неудачу пока что еще можно успеть исправить. А вот когда контракт будет подходить к концу, тут Лисе придется держать ухо востро. Тогда любая оплошность, любое поражение будет грозить крупными неприятностями. И может статься, что когда-нибудь, развернув утром газету, Тим узнает, что он уже не тренер «Фламенго». И что ему нужно подыскивать себе другой клуб. А это в условиях Бразилии является

не такой-то уж простой задачей. Здесь двадцать три тысячи клубов, но их президенты очень не любят неудачников…

* * *

Нельзя не сказать о том, что, несмотря на все вышеперечисленные трудности, кое в чем бразильские тренеры имеют преимущества — и немалые — по сравнению со своими коллегами из иных стран. Они, в частности, располагают куда более богатым «материалом» для работы, чем, скажем, английские или французские тренеры: ведь Бразилия является подлинной сокровищницей футбольных талантов! А почему? Почему именно Бразилия, а не Англия — родина футбола? Почему не Уругвай или Аргентина, которые являются, конечно, ведущими «футбольными державами», но которым все-таки далеко до Бразилии по обилию «сверхзвезд» футбола?..

Попробуем в этом разобраться. Прежде всего следует учесть, что Бразилия обладает совокупностью ряда условий, способствовавших и продолжающих способствовать появлению футбольных талантов в больших количествах. Об этом пишет в предисловии к нашей книге Жоан Салданья. Позволю себе повторить его.

Во-первых, колоссальная популярность футбола, ставшего не просто любимым видом спорта, а главным развлечением, времяпрепровождением, единственной — не побоимся этого слова — страстью миллионов жителей этой страны. Во-вторых, благодаря благоприятным климатическим условиям футбол в Бразилии может практиковаться круглогодично. В-третьих, бразильские дети вследствие суровых условий жизни рано созревают, рано формируются духовно и

физически, что является, в известной степени, их преимуществом по сравнению с детьми народов, проживающих о более развитых странах, где детвора не обязана, как это часто бывает в бразильской провинции, с 7–8 лет заботиться о заработке, пропитании и тому подобных «взрослых» вещах. И поскольку футбол — это спорт молодых, юный бразилец встречает его во всеоружии своего житейского опыта. А иногда он рассматривает футбол как единственно доступное средство выбиться в люди, как одно из немногих средств, обеспечивающих ему возможность прокормиться…

И все же главным из этих условий, на мой взгляд, является первое — широчайшее распространение футбола в народе. В футбол в Бразилии играют все, играют всюду, играют с того возраста, когда начинают ходить. Не могу в связи с этим отказать себе в удовольствии привести еще один отрывок из книжки Жоана Салданьи:

«Английский, итальянский или французский ребенок приходит в футбольный клуб и очень воспитанно обращается к тренеру: „Я хотел бы научиться играть в футбол“.

Тренер глядит на мальчишку, чтобы выяснить, не обладает ли он каким-либо физическим дефектом (Гарринча никогда не смог бы играть ни в одном из английских клубов), измеряет его вес, рост и намечает день и час первого урока. Этот урок начинается демонстрацией серии фотографий и схем, которые обучают, как надо бить по мячу: „схема № 1“ — удар внутренней стороной стопы (и на снимке игрок, считающийся одним из лучших, производит такой удар). Затем тренер показывает „схему № *2“,* где демонстрируется другой элемент… Увы, вдруг в футболе появляется некий Диди, который посылает мяч по кривой, вратарь прыгает в один угол, мяч влетает в

другой, и возникает вопрос: „Правильно или неправильно?“ Ведь в диаграммах и учебниках этого нет!..

А бразильский мальчишка является в клуб первой группы и уже умеет делать с мячом что угодно. То, что имеется и чего нет в английской книжке. Его первый контакт с тренером протекает иначе: „Кроме вратаря, могу играть на любом месте. В команде своей улицы предпочитаю играть полузащитником…“

Поэтому задача тренера в Бразилии — не обучать футболу, а подбирать игроков. Любой мальчишка, появляющийся в профессиональной команде, способен пробежать вокруг поля, ни разу не дав мячу упасть на землю… Но он не знает ни одного параграфа правил. Знает только одно: рукой разрешается играть лишь вратарю. Все остальное приходит по интуиции, благодаря природной сметке, опыту, полученному в суровой жизненной борьбе…

…Футбол — это искусство, а в искусстве прежде всего важен талант. Талант может быть развит тренером, но никогда не сможет родиться из чтения книжек. В книжке можно найти схематизированный опыт или теорию, нуждающуюся в развитии. Но только талант способен в искусстве к свершениям…»

«Футбол — это искусство, а в искусстве прежде всего важен талант», — поэтому очень трудно заставить бразильца совершенствовать какой-то технический прием, отрабатывать финт или шлифовать удар. Бразильский игрок полагается на свою интуицию, на свой действительно великолепный дар импровизации. (Хотя, конечно, бывают и исключения: некоторые тренеры, уже упомянутый Тим, например, терпеливо и настойчиво заставляют по многу раз повторять какую-то комбинацию, что рассматривается игроками как весьма неприятная обязанность… Они не любят зубрежку. Самый приятный элемент тренировки

для них — это «дойс токес», игра, когда каждый из них имеет право только дважды коснуться мяча, обрабатывая его после получения паса от партнера. Два касания — и мяч должен быть передан другому игроку или пробит по воротам.)

«Футбол — это искусство». Правильно! Но тот же Пеле смог подняться до головокружительной высоты своего мастерства не только благодаря таланту, но и в такой же степени благодаря титаническому трудолюбию, удивительной способности по многу часов подряд работать с мячом. Вероятно, так работал со скрипкой Паганини. Вероятно, столько же времени посвящала своему станку Галина Уланова.

К сожалению, пример Пеле не заражает его соотечественников. Если бы они заставили себя работать с мячом столько времени, сколько обычно уделял ему Пеле, возможно, «королю» пришлось бы потесниться на своем троне, разделив его с двумя, тремя, десятью или десятками не менее одаренных, но, увы, куда менее трудолюбивых «волшебников мяча».

…А тут я вынужден слегка поправить смысл написанного тридцать лет назад. Во-первых, в последние десятилетия стала заметно стираться грань между «силовой» европейской и «артистической» южноамериканской футбольными школами. В итальянском, испанском и даже немецком футболе появились виртуозы, которые не уступают в мастерстве южноамериканским звездам. В то же время физическая подготовка, скорость бега, выносливость, к примеру, Роберто Карлоса или Ривалдо заставят позавидовать любую британскую или немецкую футбольную звезду. И во многом это объясняется возросшим уровнем тренерской работы. Сегодня бразильские тренеры в массе своей уже не полагаются только на природные данные пришедших к ним новичков, а стараются

совершенствовать их. В ведущих клубах повсеместно появились тренеры по физической подготовке, педагоги, работающие с детьми и молодежью.

Но что совершенно не изменилось с тех пор, как была написана эта книга, так это — бесправие и беспомощность тренеров на фоне вечного и ничем не ограниченного всесилия картол. Тренерская чехарда — обычная картина в любом бразильском футбольном клубе, если он перестает завоевывать почетные титулы и начинает ползти вниз по турнирной таблице. Пожалуй, единственным примером профессионального долголетия на одном посту может служить судьба наставника «Сантоса» Луиса Алонсо (футбольное имя: «Лула»), который руководил этой командой пятнадцать самых славных в ее истории лет. С 1954-го по 1969-й. Сменил его Антониньо, о котором речь пойдет в главе «„Сантос“ — машина, работающая на износ».

В подавляющем же большинстве случаев в Бразилии, как, впрочем, и в других больших и малых футбольных державах, включая Россию, тренеры обычно не задерживаются на своем посту больше двух-трех лет.

Когда клуб начинает спотыкаться, сдавать позиции, картолы впадают в панику, начинается истерика, жертвой которой становятся, конечно же, тренеры. В юбилейном для «Фламенго» 1995 году (клуб отмечал тогда свое столетие) сменилось подряд четыре главных наставника. Известны случаи, когда тренеры удерживались лишь по две-три недели и после трех-четырех проигранных матчей безжалостно выкидывались клубными картолами на улицу.

Любопытный пример, рожденный атмосферой тренерской чехарды: в сезоне 1987 года в чемпионате штата Сан-Паулу тренер Силиньо умудрился за полгода поработать последовательно с двумя командами. Одна из них — «Сан-Паулу» стала чемпионом штата, другая —

«Понте Прета» заняла последнее место и опустилась во вторую лигу.

А «рекорд быстротечности» был поставлен несчастливцем по имени Маран, которого где-то в шестидесятых, кажется, годах прямо посредине чемпионата пригласили руководить не слишком успешно выступавшей командой «Ботафого» из города Рибейран Прето.

Спешивший на матч своих новых подопечных Маран попал в грандиозную автомобильную пробку и прибыл на стадион, когда игра уже началась. Директор клуба попросил его обождать до перерыва. В перерыве прямо в раздевалке Маран был представлен футболистам и приступил к исполнению своих обязанностей, когда команды вышли на поле, чтобы начать второй тайм. Обуреваемый честолюбивыми планами, он уселся на скамейке запасных, чтобы руководить игрой «Ботафого». Увы, этот премьерный для него матч оказался несчастливым, и когда он закончился со счетом 1:5 в пользу соперников, Маран был отправлен в отставку. Таким образом, он пробыл тренером клуба ровно сорок пять минут. Хотите верьте, хотите нет…

Весьма красноречиво и точно о судьбе наставников бразильских команд сказал известный футбольный обозреватель Армандо Ногейра: «Тренер в Бразилии — это субъект, которого либо только что выгнали из очередного клуба, либо он будет изгнан через несколько дней».

Так было, так есть и так, видимо, будет всегда. В бразильском и не только бразильском футболе.

А СУДЬИ КТО?

В 1956 году «Сантос» встречался с командой города Таубате. В случае выигрыша он становился двукратным чемпионом штата Сан-Паулу. За несколько минут до начала матча руководители клуба получили сообщение, пришедшее «по агентурным каналам», о том, что судья взял от хозяев поля 100 тысяч «старых» крузейро в качестве «подмазки». Для «Сантоса» нет трудных ситуаций! В течение нескольких минут среди игроков и футбольного руководства был организован молниеносный сбор доброхотных даяний, и представитель команды ворвался в судейскую комнату уже в тот момент, когда арбитр взвешивал мячи.

— Вот 150 тысяч. Вместе с теми, что сеньор только что получил, это составляет 250, не так ли? Это достаточная сумма за то, что сеньор будет судить правильно!

Судья взял деньги, матч прошел нормально, «Сантос» выиграл со счетом 2:1.

Самое интересное в этой истории то, что ни судья, ни руководители «Сантоса» не возмущались, не кричали, не брызгали слюной, не тратили энергию на взаимные попреки и самоопровержения. Деловая встреча деловых людей — и только! Однако не всегда удается проделывать такие операции в абсолютной тишине. «Грязное белье футбола!», «Коррупция!», «Пора наконец судьбу матчей решать на футбольных полях, а не за кулисами!» — периодически такие заголовки появляются на страницах газет. Иногда, впрочем, обвинения бывают и посерьезней: по окончании чемпионата штата Гуанабара 1967 года газеты писали о подкупе Манга, вратаря чемпиона — команды «Ботафого». Выяснение отношений зашло так

далеко, что один из обвинителей, Жоан Салданья, аргументировал свои доводы револьверным огнем, обратив несчастного Манга в бегство.

В следующем, 1968 году разгорелся грандиозный скандал в штате Сан-Паулу. В печать попали документы, свидетельские показания и интервью, обличающие в подкупе, в «организации» результатов матчей целую группу судей футбольной федерации штата. Судья Жозе Астолфи обвинил в покрывательстве этих преступников самого президента федерации Мендонса Фзлкао. Журнал «Крузейро» опубликовал рассказ бывшего президента провинциального клуба из городка Пирасикаба, подробно рассказавшего о грязных махинациях федерации и откровенном взяточничестве судей.

Результаты этой кампании оказались более чем скромными: были отстранены от судейства несколько арбитров с подозрительной репутацией, а заодно «выжиты» из штата Жозе Астолфи и еще несколько судей, посмевших «вынести сор из избы».

Журнал «Крузейро» заявил однажды, что в Бразилии есть только один судья — Армандо Маркес, которого, по единодушному мнению всех бразильцев, невозможно подкупить. Он так сильно дорожит своей репутацией, что в перерыве между первым и вторым таймом никогда не покидает футбольное поле. Пока команды отдыхают в раздевалках, Армандо одиноко маячит в центральном круге. И это затем, чтобы, как он сам сказал, стадион видел, что никто к нему не приближался для того, чтобы просить о чем-то или… предлагать что-либо. Армандо, повторяем, неподкупен.

А остальные? Остальные не пользуются доверием торсиды, игроков и тренеров.

Конечно, это не означает, что перед каждым матчем каждый судья получает деньги или чек бразильского национального банка за «организацию» результата

встречи. Основная причина недоверия к судьям кроется в их беспомощном положении по отношению к владельцам клубов, хозяевам команд, которые при желании могут в два счета «закрыть» карьеру судьи.

Дело в том, что в Бразилии нет независимой коллегии судей или какого-то иного органа, защищающего их интересы, поэтому арбитры назначаются непосредственно футбольными федерациями, руководители которых всецело зависят от боссов «Фламенго», «Ботафого» и т. п. Поэтому были, например, изгнаны из рядов арбитров Клаудио Магальяэс, чем-то не угодивший президенту «Фламенго», и Карлос Флориано Видал, вызвавший гнев президента «Ботафого».

Однако, пожалуй, самый потрясающий пример самоуправства клубных дельцов и полнейшей беззащитности судей продемонстрировали картолы клуба «Васко да Гама». После того, как судья Марио Вианна удалил однажды в одном из матчей трех игроков команды, заправилы «Васко» обвинили арбитра в том, что он… психически ненормален! И не только обвинили, но и потребовали медицинскую экспертизу! В результате Марио Вианна три последующих матча провел под наблюдением специальной комиссии психиатров, назначенной для «обследования психических способностей» арбитра. Судья судил матч, а психиатры судили судью. Справедливость, правда, на сей раз восторжествовала, и ученые мужи вынуждены были признать Марио Вианну психически нормальным человеком.

Эти печальные факты учат арбитров проявлять осторожность при судействе матчей с участием «больших» клубов, а это приводит к тому, что, почувствовав нерешительность судьи, игроки начинают на поле откровенную войну. В последние годы бразильский футбол переживает настоящую

«эскалацию насилия». Одна из встреч «Васко да Гама» и «Флуминенсе» превратилась в грандиозную драку, когда судья, укрывшись в раздевалке под охраной полиции, принял решение об удалении с поля всех игроков обеих команд. Всех, кто до этого не был унесен санитарами на носилках…

Финальный матч первенства Рио-де-Жанейро 1966 года вообще не был доигран из-за драки, вспыхнувшей за 20 минут до конца игры между всеми игроками «Фламенго» и «Бангу». В драке перевес был на стороне «Фламенго», однако первое место в чемпионате досталось «Бангу».

А в одном из провинциальных городков Сан-Паулу полиция не сумела спасти судью, который имел неосторожность не обратить внимания на предупреждение, сделанное ему накануне матча представителем «хозяев поля»: «Если мы не победим, сеньор не выберется живым из города…» Арбитр Карлос Афонсо Лопес в середине второго тайма был вынесен с поля и пришел в себя только в госпитале.

Это случилось, как было сказано, в маленьком провинциальном городке. Однако и в крупных «столицах» безопасность арбитра никогда не является гарантированной; когда судья Арналдо Сезар Коэльо на втором по величине в Бразилии стадионе «Минейрао» в Белу-Оризонти осмелился аннулировать забитый из офсайда гол команды «Палмейрас» (Сан-Паулу), взбешенные футболисты избили его. Адемир да Гийа ударил его ногой, Тупазиньо разорвал ему рубашку, остальные толкали судью в грудь и оскорбляли его самыми грязными словами.

Впоследствии все это было отражено в протоколе матча, составляющемся в трех экземплярах, один из которых остается у местной федерации футбола, а два направляются в Бразильскую конфедерацию спорта.

Я так подробно рассказываю о канцелярской стороне дела, чтобы читатели поняли более чем странный поворот событий, развернувшихся впоследствии. Все три экземпляра протокола матча, которые должны были служить основой для разбирательства и наказания виновных, исчезли! Началась долгая волокита, запросы, переписка.

В результате хулиганы, совершившие нападение на судью, отделались легким испугом и мизерным штрафом. И спортивный обозреватель журнала «Фатос и фотос» Ней Бьянчи философски поучал затем молодого арбитра: «Этот парень, которому всего лишь 26 лет, уже начинает понимать, что судья может рассчитывать только на самого себя. Никто не придет ему на помощь, никто не возьмет его под защиту. Особенно, если он вступает в конфликт с „большим“ клубом. Судья одинок, и он либо склоняется, позволяя „сеньорам“ футбола командовать собой, либо теряет работу. Таков бразильский футбол…» А журнал «Маншете», комментируя дисквалификацию одного из судей после грандиозной драки, вспыхнувшей на поле, писал: «Нет ничего проще, чем обвинить судью в инцидентах и драках. Но правда заключается в том, что этот человек в черном имеет в руках всего лишь свисток. А не пулемет…»

Конечно же, не все бразильские судьи покорно соглашаются с ролью ягнят, выпущенных в стадо волков. Некоторые из них демонстрируют в самых критических обстоятельствах весьма твердый нрав. Однажды в Белу-Оризонти судья Жоакин Гонсалес во время матча был настигнут выскочившим на поле разъяренным тренером одной из команд. Поскольку игроки не стали их разнимать, а полиция решила, что взаимоотношения судей и тренеров ее не касаются, судья вынужден был самостоятельно решать проблемы самозащиты без оружия. Он не только избил тренера,

но и удалил его с поля, запретив ему присутствовать на матче на скамье с запасными игроками, а после этого как ни в чем не бывало продолжил встречу.

И все же вышеизложенный случай является, мягко выражаясь, нетипичным. Ибо давно уже канула в Лету эпоха, когда футбольные судьи в Бразилии рассматривались чуть ли не как наместники бога на земле. В те добрые времена мог произойти такой, например, случай: когда на решающем матче чемпионата Рио-де-Жанейро 1927 года возник старый, как мир, конфликт из-за назначенного арбитром пенальти и игра остановилась для выяснения отношений, присутствовавший на трибуне президент страны Вашингтон Луис, недовольный задержкой, направил на поле своего офицера для поручений. «Его Высокопревосходительство сеньор президент республики требует продолжить игру!» — скомандовал офицер судье. Тот обернулся, поглядел пренебрежительно в сторону трибуны почета и сказал сияющему аксельбантами и сознанием собственного величия порученцу: «Передайте сеньору президенту, что он командует там, за пределами поля. А здесь командую я…»

Сегодня, увы, бразильский судья не командует на поле. А что касается «за его пределами»… Об этом хорошо знает на собственном горьком опыте Армандо Маркес. Или, если уж быть точным, сеньор Армандо Нунес Роза да Кастанейра Маркес. В 1961 году он осмелился выгнать с поля Пеле. Великого Пеле! «Король» футбола был удален Армандо Маркесом на «Вила Бельмиро» — родном стадионе «Сантоса» — в присутствии двадцатитысячной торсиды. После матча, когда взбешенные поклонники «короля», жаждавшие крови Армандо, собрались у служебного выхода со стадиона, полиция придумала гениальный выход: сеньор Армандо Нунес Роза да Кастанейра Маркес был

вывезен с «Вила Бельмиро» в полицейской машине, предназначенной для преступников и дебоширов. Чтобы обеспечить успех операции, чемоданчик и плащ арбитра были вручены одному из его друзей, который был принят болельщиками за Армандо и при выходе со стадиона получил несколько раз по затылку…

Впоследствии подобная операция по извлечению судей со стадионов неоднократно применялась полицией штата Сан-Паулу. Правда, со временем, когда она утратила прелесть новизны и торсида раскусила этот трюк, пришлось придумывать кое-какие усовершенствования. Например, пускать две машины. Первую, с небьющимися стеклами — для отвода глаз — пустую, а во второй уже ехал судья. Развитие творческой мысли привело к тому, что иногда несчастных арбитров стали бинтовать с головы до ног и вывозить в каретах «Скорой помощи» под видом больных. И не удивительно поэтому, что первый вопрос, с которым обратился к Армандо Маркесу интервьюировавший его репортер журнала «Крузейро», был сформулирован следующим образом: «В чем заключается удовольствие рисковать своей жизнью, судя футбольные матчи?» Армандо отвечал долго и обстоятельно, рассуждая о футболе как источнике радости и творческого вдохновения. Закончил же он ответ на этот вопрос следующим образом: «Каждый матч — это своеобразный вызов, это — перчатка в лицо… И каждая игра, из которой я выхожу живым, это — победа!»

Армандо — хороший судья. Кстати, он является единственным футбольным арбитром Бразилии, церемонно величающим каждого футболиста на «вы» с прибавкой обращения «сеньор». При этом Армандо называет игроков по имени, не пользуясь популярными кличками: Пеле, Диди, Гарринча… Пеле для него — это «сеньор Эдсон», Гарринча — «сеньор Маноэл».

Армандо Маркес

Раз уж речь зашла об Армандо Маркесе, стоит, вероятно, процитировать несколько его советов молодым судьям:

> «Стремитесь „почувствовать“ и взять в свои руки матч в первые же пять минут. Если в эти пять минут вам не удастся овладеть

инициативой, остальные 85 минут вы будете безуспешно дергать за вожжи. Мой знакомый жокей говаривал:

„Лошадь чувствует жокея по тому, как он берет повод“.

...Только в самых чрезвычайных случаях можно решиться на отмену принятого решения. А вообще-то нужно следовать правилу; дал свисток — отступать нельзя!

...Никогда нельзя колебаться в наказании замеченной ошибки или нарушения.

... Не пытайтесь перелагать ответственность за то или иное решение на своих помощников на линии. Не делите с ними авторитет арбитра.

... Будучи корректным с игроком, обращаясь к нему на „вы“ со словом „сеньор“, вы должны одновременно требовать от него вежливости не только по отношению к вам — судье, но и по отношению к противникам и товарищам по команде. Я не разрешаю оскорблять друг друга даже игрокам одной и той же команды. Когда я слышу „крутое“ словечко, я говорю футболистам: „Разве сеньоры не умеют уважать меня, торсиду, своих коллег? Разве футбольное поле не является продолжением вашего дома? И разве вы позволите себе бранное слово в своем доме?“

...Никогда не следует выслушивать оправдания игрока, совершившего проступок. И тем более нельзя позволить уговорить вас.

...Помните, что судья — хозяин на поле! Никогда не забывайте пользоваться всеми правами, предоставленными вам правилами футбола».

Этот маленький кодекс Армандо хорош для самого Армандо. А большинство бразильских судей предпочитают работать с оглядкой на трибуну почета, где сидят представители федерации, на поле, где бегают футболисты, на архибанкаду, где неистовствуют торседорес.

В этой жизни, полной опасностей и разочарований, кое-кто из судей демонстрирует незаурядные дипломатические способности. В самом прямом смысле этого слова. Как-то раз в присутствии огромной торсиды, расположившейся вдоль пляжа Копакабана, две любительские команды вели ожесточенную борьбу за звание чемпиона Рио-де-Жанейро по футболу на пляже (в Рио есть федерация «пляжного футбола», организующая первенство штата и турниры с участием команд из других городов страны). Счет был 0:0. Игра шла к концу, когда у ворот создалось острое положение: мяч летел в ворота, кто-то кого-то схватил за ноги, судья — некий Матаразо — свистнул, мяч влетел в сетку через секунду после свистка, никто ничего не понял. Игроки зашумели: «Гол?! Офсайд?! Засчитывать? Не засчитывать?!» Торсида бросилась на поле, сотни людей окружили судью.

Почувствовав, что дело пахнет нешуточной головомойкой, он, словно пилот вошедшего в штопор самолета, вдруг обрел ясность мысли и способность принимать решения в сотые доли секунды.

— Я объявлю результат только после того, как торсида очистит поле! — крикнул Матаразо. И с удовлетворением отметил, что толпа, скаля и показывая клыки, поползла к боковым линиям, словно голодные тигры, загоняемые дрессировщиком в клетку.

Второе решение судьи было столь же счастливым:

— Я буду разговаривать только с двумя капитанами…

Команда расступилась, и два капитана подошли к судье, набычившись, готовые к спору. Судья достал блокнотик, карандаш и строго произнес:

— Дайте мне номера ваших домашних телефонов!

Недоумевающие капитаны продиктовали номера телефонов. Бравый арбитр записал их, повернулся к капитанам и сказал:

— Сегодня вечером я позвоню вам обоим и сообщу результат встречи.

Матаразо трудно назвать героем. Но все же он проявил больше гражданского мужества, чем его коллега Жозе Клеменю, судивший в городке Рибейрао Прето матч между местным «Коммерсиалом» и приезжей «Португезой». По окончании матча торсида, игроки и тренеры обеих команд уехали со стадиона, полагая, что матч закончился со счетом 0:0. Каково же было их изумление, когда на следующий день выяснилось, что на самом деле итог матча был 1:0 в пользу гостей. Как пояснил сам судья, произошло следующее: гол, забитый гостями в ходе матча и аннулированный им якобы из-за офсайда, был забит по всем правилам и засчитан после матча. А аннулировал его судья в ходе игры только потому, что опасался реакции местной торсиды.

Трибуны, торсида, пресса, но в первую очередь, разумеется, все те же картолы все больше и больше превращают бразильских судей в заводных кукол, послушных своей воле. Особенно ярко проявляется это во время международных матчей, когда против «чужаков» восстает вся страна, и судья, если он патриот, если он «100 %-ный бразилец», не может не учитывать этого! Иначе потом ему придется плохо... Именно поэтому в двух матчах советской сборной, выступавшей весной 1969 года в Рио-де-Жанейро против «Васко да Гама» (1:0) и в Белу-Оризонти против «Атлетико» (1:2), судьи, считающиеся в Бразилии

одними из лучших, из кожи лезли, стремясь порадовать трибуны своей «работой». Арналдо Сезар Коэльо умудрился не засчитать, например, гол, забитый в ворота «Васко да Гама», мотивируя это офсайдом, хотя советский нападающий добивал мяч, отскочивший от вратаря. На следующий день абсурдность этого решения отметили почти все газеты. Еще хуже выглядел Жозе Ассиз Арагао, судивший матч нашей команды с «Атлетико». Вот что писала на следующий день газета «О Жорнал»: «Весь матч, всегда, когда это было возможно, Жозе Ассиз Арагао старался помочь „Атлетико“. Он выглядел глупо, стремясь казаться строгим и ежеминутно записывая номера советских игроков, когда они, как ему казалось, были недовольны его решениями... Стремясь быть патриотом, он только ухудшил качество футбольного спектакля». Впрочем, президент «Атлетико» придерживался иного мнения.

На пресс-конференции после матча он заявил, что, по его мнению, Жозе Ассиз Арагао является одним из лучших судей Бразилии. Сказав это, президент ухмыльнулся и заговорщически подмигнул снисходительно посмеивающимся репортерам. Он знал, что они поймут. Ведь они тоже были бразильцами.

* * *

...Итак, хозяева клубов являются хозяевами бразильского футбола. Они покупают и продают игроков, командуют руководителями футбольных федераций, распоряжаются по своему усмотрению судьями. Без их согласия игрок не может быть взят в сборную, без их визы не может быть составлен календарь чемпионата или организован международный турнир. Естественно, что интересы своего клуба для них — превыше всего.

Как же они защищают эти интересы? И как понимают их?

«САНТОС» — МАШИНА, РАБОТАЮЩАЯ НА ИЗНОС

Среди сотен бразильских футбольных клубов самым знаменитым за рубежом является «Сантос». Это лидирующее положение определяется следующими «производственными показателями»: «Сантос» дважды завоевывал звание чемпиона мира среди клубных команд, был двукратным чемпионом Южной Америки, пять раз подряд выигрывал Кубок Бразилии, 12 раз становился чемпионом штата Сан-Паулу; он дал пять игроков в сборную страны, трижды завоевавшую звание чемпиона мира. Один из этих пяти — Пеле... Из 307 международных матчей, проведенных за последние 15 лет, «Сантос» выиграл 209, а проиграл только 56.

Статистика говорит о том, что эта отлично смазанная и отлаженная машина выигрывает в среднем девять из десяти матчей, причем поражение рассматривается тренерами с улыбкой — как «необходимый урок скромности».

«Сантос» — самая популярная команда Бразилии (1965 г.)

Сегодня ни в Бразилии, ни в других странах мира нет другой команды, которая могла бы себе позволить запрашивать за любой международный матч по 20–40 тысяч долларов. Неважно где: в США или Конго, в Скандинавии или странах Карибского моря. Крупнейшие бразильские банки с уважением относятся к «Сантосу» как к одному из своих наиболее солидных клиентов. Когда клуб нуждается в займе для покупки очередной «звезды», банки, не колеблясь, дают эти деньги. Они знают — за «Сантосом» не пропадет. Они знают, что «Сантос» никогда не обанкротится, несмотря на то что его игроки по сравнению с другими

футболистами Бразилии получают самые высокие оклады.

В последнее время, однако, над «Сантосом» начинают сгущаться тучи. Вот уже несколько лет подряд команда не выигрывает турниров. И зловещее слово «кризис» все чаще и чаще появляется в газетных материалах, посвященных этой самой популярной команде страны.

В НАЧАЛЕ СЕЗОНА

Административный директор клуба Сиро Коста не без гордости говорил об этих окладах. Он щеголял цифрами, крутил ручку арифмометра, листал громадные таблицы, сверялся с толстыми конторскими книгами и доказал в конце концов, что за последний год среднемесячный заработок футболиста в «Сантосе» составил около пяти тысяч крузейро — больше, чем зарабатывает министр в Бразилии.

Мы беседовали с Сиро Коста в его кабинете на «Вила Бельмиро» — так называется спортивная база клуба в городке Сантос, расположенном в семидесяти километрах от Сан-Паулу. «Вила Бельмиро» представляет собой уютный стадион на 30 тысяч зрителей, под трибунами которого размещаются администрация, медицинские службы, спортивные залы, склады и знаменитый музей, наполненный кубками, призами и подарками, завоеванными «Сантосом» в его бесконечных скитаниях по всем футбольным городам нашей планеты.

Через каждые тридцать секунд на столе Сиро Коста звонили разноцветные телефоны, вбегали служащие, вваливались толпами именитые торседорес, требующие пропуска и билеты на завтрашний матч с «Коринтиансом».

Худой человек с тонкими усиками, узнав, что я из Москвы, с чисто бразильской галантностью обронил несколько комплиментов о Кремле и Ленинских горах. Говорил он, правда, по-испански, а не по-португальски. Это был сеньор Ратинов — международный импресарио «Сантоса», заскочивший на «Вила Бельмиро» по дороге из Амстердама в Монтевидео.

Вся жизнь Ратинова проходит в самолетах: организуя вояжи клуба, он посетил уже все «футбольные» страны мира.

В тот апрельский день Ратинов сиял: его лицо озаряла гордая улыбка человека, сознающего, что он, черт побери, не даром ест свой хлеб. «Сантос» только что блистательно сыграл на международном турнире в Чили, а Ратинов имел уже в кармане заявки на весь начинающийся сезон: грандиозное турне по Европе, несколько гастрольных вылетов в США, матчи в соседних латиноамериканских странах…

Да, год начинался успешно, и Сиро Коста с Ратиновым оценивали его перспективы где-то на уровне трех миллионов крузейро валовой выручки. Если вдобавок к этому удастся прихватить пару кубков или титулов — это тоже будет неплохо…

После десятка «кафезиньо», выпитых в буфете клуба, мы дождались наконец Зито, который должен был отвезти нас на тренировочный сбор, где находилась команда накануне предстоящего матча. Двукратный чемпион мира, работающий в «Сантосе» одним из тренеров, в мгновение ока преодолел тридцать километров по отличной автостраде Аншиетта, затем свернул на проселок и километров десять петлял по извилистым холмам и лесам, пока не добрался до уютной дачи, расположившейся на берегу вполне швейцарского озера. Рядом, на склоне холма, было сооружено миниатюрное футбольное поле, где тренировался «Сантос».

Это была даже не тренировка, а легкая разминка. Баловство с мячом, доставлявшее эстетическое наслаждение и самим игрокам, и немногочисленным зрителям, пробравшимся сюда, чтобы глянуть хоть одним глазом на «Короля» Пеле…

Тренер Антониньо? не обременяет себя в общем-то заботами о повышении технического мастерства игроков. Об этом заботятся они сами задолго до того, как попадают в «Сантос» или в другой клуб. Пятнадцатилетние мальчишки, гоняющие мяч на песке Копакабаны или в пыли какой-нибудь провинциальной Итаперуны, почти не уступают, как правило, профессионалам в умении обращаться с мячом. Поэтому любой бразильский тренер, получающий в команду готового виртуоза, может целиком посвятить себя проблемам футбольной стратегии и тактики.

Но от чего по-настоящему болит голова бразильских тренеров, так это от их героических попыток решить проблему физической подготовки. Жулио Мазей, тренер «Сантоса» по физподготовке, сказал так: «В Европе задача тренера заключается в том, чтобы превратить атлета в игрока. Мы же стремимся превратить игрока в атлета».

Главным препятствием на этом пути является, по мнению Илтона Гослинга, бывшего врача бразильской сборной, во-первых, крайняя истощенность бразильцев на почве постоянного недоедания, а во-вторых, фантастические перегрузки, вызываемые интенсивнейшим игровым режимом.

Впрочем, в тот апрельский день все эти печали бразильского футбола казались неприложимыми к «Сантосу» — с таким упоением, с таким удовольствием и задором носились по тренировочной площадке Эду, Тониньо, Карлос Альберто и их друзья. А «король» стоял в воротах.

И как стоял! Он «вытащил» из углов пару таких мячей, что даже «би-кампеон» Жилмар с восхищением покачал головой…

Потом все дружно повалили в столовую, прыгая по пути под душ, вытираясь, дурачась, размахивая полотенцами. Чей-то транзистор наигрывал томные аргентинские танго; Канека, обвязав голову полотенцем, изображал арабского шейха. Рамос Делгадо гоготал над собственными анекдотами, шутки и хохмы сыпались фейерверком, и только на веранде царила тишина. Антониньо и Зито, склонившись над шахматным столиком, обсуждали вполголоса план игры на завтра.

А Пеле, пощипывая струны гитары, напевал одну из своих песенок, которые он сочинял на этих нескончаемых сборах:

— Играйте, ребята, резвитесь, ребята…
Но когда вы подрастете, вам придется потрудиться:
В ваши руки перейдут судьбы
Нашей великой Бразилии…

Когда спустя несколько часов я возвращался в Сан-Паулу, нагруженный интервью, автографами и пленками, у меня было такое чувство, будто я побывал в веселой компании друзей, собравшихся на товарищеский пикник. Или на студенческую вечеринку.

Так начинался марафонский сезон «Сантоса» — команды, которая ежегодно проводит больше матчей, чем любая другая команда мира.

В РАЗГАРЕ СЕЗОНА

Тотчас же вслед за финальным матчем чемпионата штата Сан-Паулу «Сантос» отправился в долгое и очень успешное, с точки зрения возглавляемой Сиро Коста бухгалтерии, турне по Европе. Затем началась серия матчей в США, в стране, которая, как известно, не отмечена на футбольных картах мира даже маленьким кружком, но которая платит долларами! Потом — небольшая прогулка по Латинской Америке: встречи со всеми командами, которые подвернулись под руку, то бишь под ногу. Потом — международный турнир в Буэнос-Айресе, завершившийся приобретением еще одного кубка для музея «Вила Бельмиро».

Да, сеньор Ратинов честно отрабатывал свои командировочные!

Затем начался так называемый «турнир Роберто Гомес Педроза», являющийся неофициальным первенством Бразилии, поскольку в нем участвуют все ведущие команды страны. И тут произошло то, что давно уже ожидали и предвидели все футбольные специалисты Бразилии:

«Сантос» начал сдавать! Команда, повергавшая лучшие клубные и сборные команды Европы и Америки, вдруг проиграла в городке Куритиба местной команде «Атлетико» со счетом 1:3. Потом была бесцветная ничья с «Бангу». И еще более бесцветная победа над «Фламенго».

В этом матче «Сантос» был неузнаваем. Измотанная беспрерывными играми, команда «ходила пешком», «Король» трусил по полю легкой рысцой, лениво переругиваясь с партнерами. Все это напоминало замедленные кадры немого кино. Немого, потому что торсида, огорченная проигрышем «Фламенго», молчала на трибунах «Мараканы».

Пеле в матче «Сантос» — «Фламенго» (1969 г.)

Через неделю «Сантос» снова приехал в Рио-де-Жанейро — на матч с «Васко да Гама». За день до игры я пришел в гостиницу «Мараканы», чтобы побеседовать с Антониньо и взять у Пеле автограф для журнала «Кругозор».

Нет, на сей раз атмосфера в команде уже не напоминала товарищеский пикник или веселую вечеринку друзей, футболисты обедали, как говорится, «тщательно пережевывая пищу».

Не было шуток, не было смеха, и поздравительная песенка «Пара-бенс пра восе», спетая хором по случаю дня рождения врача команды, прозвучала как молитва о поминовении усопшего.

После обеда усталые, апатичные парни слонялись из угла в угол, зевали, не зная, куда себя девать.

— Никто из нас уже не может смотреть на мяч без отвращения, — сказал Рилдо.

— За прошедшие три месяца мы в общей сложности провели с семьями только пять дней, — вздохнул Антониньо. — Но завтра мы будем бороться до последнего! Я брошу в бой лучший состав, и ребята докажут, что «Сантос» — это «Сантос»! В конце концов, зрителю, который платит деньги за билет, нет никакого дела до наших больных ног, не так ли? Зритель хочет видеть футбол, и он прав, черт возьми! Завтра «Сантос» покажет кариокам «шоу».

— А почему вы продолжаете настаивать на схеме 4+2+4, которую отвергли уже не только в Европе, но и в Бразилии? — поинтересовался я.

— А зачем нам подделываться под европейцев? Раз мы выигрываем, значит, играем правильно, — ответил Антониньо.

На следующий день «Сантос» вышел на поле в боевом составе. Однако уже на 20-й минуте счет стал 2:0 в пользу «Васко да Гама». И был бы большим, если бы не мастерство вратаря «сантистов» Клаудио, взявшего несколько безнадежных мячей. Черные футболки «тасканнос» хозяйничали в штрафной площадке противника, прижав к воротам Рилдо, Карлоса Алберта и Рамоса Делгадо. Даже «король» вынужден был оттянуться в защиту. Центром поля овладело дружное трио полузащитников «Васко», а бомбардир «Сантоса» Тониньо беспомощно топтался в центральном круге, ожидая паса.

Впрочем, решив, что грозный противник сломлен, «васкаинос» утратили бдительность, и вскоре два ювелирных паса «короля» позволили Тониньо сравнять счет. Страсти накалились, игра стала нервной и резкой.

В начале второго тайма Пеле был выгнан с поля за удар по ногам противника. Напуганный собственной смелостью, судья удалил для очистки совести и защитника «Васко», лежащего на земле после бурной атаки «Короля».

Короче говоря, «Сантос» проиграл со счетом 2:3. И, словно нанося последний мазок на жалкую картину матча, «шоу», которое обещал устроить Антониньо, состоялось, но не на поле, а в раздевалке, где разругались «Король» и Тониньо, разругались как дети. Обидевшись на упреки своего напарника, Пеле сказал, что ему надоело работать на других, что Тониньо неблагодарен, что он — бездельник, потому что привык забивать голы с подач Пеле, а сам не любит трудиться и так далее…

ЦЕНА ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

С каждым днем, с каждым матчем все холоднее встречает торсида игроков в белых футболках «Сантоса». Если два года назад неудачный финт Пеле или Эду сопровождался аплодисментами понимания, одобрения и поддержки, то сейчас команду Пеле начали освистывать.

Все язвительнее становятся комментарии спортивных обозревателей, критикующих Антониньо за консерватизм, за упрямую приверженность схеме 4+2+4. Все чаще раздаются упреки в адрес боссов, заседающих в тихих кабинетах «Вила Бельмиро», за бесконечные цыганские вояжи, набивающие сейфы клуба и изматывающие его игроков.

«С той же быстротой, с какой увеличиваются долларовые прибыли „Сантоса“, растет дефицит в его взаимоотношениях с бразильской торсидой. А ведь именно ее уважение всегда было основой престижа „Сантоса“», — пишет комментатор журнала «Фатос и фотос». А его коллега сообщает в «О глобо» о том, что однажды при выходе «сантистов» со стадиона после матча один из болельщиков крикнул Пеле: «Вы все превратились в бесстыжих наемников! Вы играете

хорошо только тогда, когда видите перед собой доллары!»

И это бросают в лицо «королю»! И так говорят о «Сантосе»!

«Ну и что? — слышится мне невозмутимый голос толстяка Антониньо), который никогда не теряет присутствия духа. — Подумаешь, проиграли пару-тройку игр! С кем такого не бывает?»

Он знает свое дело, он уверен в себе, он хладнокровно оценивает перспективы: Пеле надо дать отдохнуть, трех-четырех стариков (в том числе Орландо) нужно скорее продать, а на вырученные деньги купить пару быстроногих ребят в помощь Пеле (Антониньо уже подал эти предложения президенту клуба — депутату Атье Жорже Кури). В молодежной команде припасено «секретное оружие»: семнадцатилетний полузащитник Рито и его ровесник Гаспар — на левом краю, этот паренек уже сейчас играет не хуже Эду! Рядом с ними старики вынуждены будут бегать быстрее, не так ли! И вообще, к чему вся эта паника?

Ничто еще не потеряно: приглашения на матчи сыплются по-прежнему со всех континентов, Ратинов шлет телеграммы, извещая о предложениях, которых не было даже в прошлом, столь прибыльном, году: 45 тысяч долларов за матч!

В Европе намечается турнир с участием команд, завоевавших звание чемпионов мира: «Рэсинг», «Манчестер Юнайтед», «Пеньярол», «Реал», «Милан». Достойная компания для «Сантоса»!

Нет, что там ни говорите, а «Сантос» еще покажет себя, черт возьми!

Возможно, Антониньо прав. Вероятно, «Сантос» оправится и вновь начнет сокрушать своих противников с прежней легкостью и изяществом. Но как из песни не выкинешь слова, так и из биографии «Сантоса» не

вычеркнешь горькие слова журналиста Фернандо Орасио, сказанные им на страницах газеты «Ултима ора». Сказанные, кстати говоря, в рецензии на матч, выигранный «Сантосом»:

«Это был не тот „Сантос“, который мы хотели увидеть… Безусловно, команда имеет сейчас сильнейший состав за все время своей пятнадцатилетней гегемонии в бразильском футболе… Но как далека она от той, прежней, которая умела в любую минуту воспламенить трибуны, привести их в восторг своим творчеством, которая умела забивать голы с той же непринужденностью, с какой ее противники выбрасывают мяч из-за боковой линии…

Увы, тот, прежний, „Сантос“ больше не существует! Мы видим больших мастеров, но не чувствуем у них наслаждения игрой, любви к мячу, вдохновенного диалога между собой… Они холодны, безразличны, они избалованны победами, славой, деньгами…

Они говорят, что по-другому играть не могут, потому что нет в мире другой команды, которая играла бы сейчас столько же, сколько играет „Сантос“, — свыше ста матчей в год! Но если все это является ценой, которую „Сантос“ вынужден платить за свой профессионализм, значит, цена эта слишком высока! Потому что нет ничего на свете такого, что могло бы возместить и оправдать потерю уважения тех, кто заполняет трибуны стадионов.

Никакой ценой нельзя искупить разочарование торсиды, которая привыкла аплодировать „Сантосу“ даже тогда, когда он выигрывает у любимой команды этой торсиды…

Вчера для болельщиков „Фламенго“ победа „Сантоса“ явилась более печальным зрелищем, чем поражение „Фламенго“».

* * *

С тех пор, как были написаны эти строки, прошло шесть лет. За это время положение «гордого и непобедимого» клуба, как привыкли писать о «Сантосе» репортеры, не только не улучшилось, но, наоборот, стало еще более тяжелым. Впервые с 1955 года он в течение трех лет подряд (1970–1972) проигрывает чемпионат штата Сан-Паулу. В двух последних национальных чемпионатах он даже не попадает в финальную пульку! В пышном дворце «Парке Бальнеарио», где находится знаменитый музей призов и кубков, завоеванных легендарной командой, вот уже несколько лет не прибавляется ни одного сколько-нибудь важного экспоната.

Постоянные провалы на футбольных полях привели к «дворцовым переворотам» за кулисами клуба: был изгнан державший более двадцати лет в своих руках бразды правления президент «Сантос-футбол-клуба» и депутат парламента Атье Жорже Кури.

Новое руководство клуба первым делом выгнало Антониньо). А поскольку «толстяк», как любовно звали его футболисты, был меньше всех виноват в бесконечных провалах «Сантоса», дела с приходом нового тренера — Мауро отнюдь не поправились. Да иначе и быть не могло: ветераны команды уходили один за другим. Денег на покупку новых «звезд» у клуба не оказалось: все средства клуба вот уже несколько лет идут на оплату купленного в рассрочку фешенебельного «Парке Бальнеарио». А молодая смена оказалась еще не подготовленной к серьезным боям и к поистине нечеловеческим нагрузкам, которым подвергаются футболисты «Сантоса».

Даже Пеле не может спасти дряхлеющий «Сантос». Даже этот величайший в истории футболист вынужден

идти ко дну вместе со своим терпящим бедствие кораблем, демонстрируя печальную непреложность древней, как мир, истины, утверждающей, что один в поле не воин. Даже если этот «один» — Пеле…

Означает ли сказанное, что «Сантос» погиб? Что этот самый популярный в мире клуб никогда не оправится, не вернет себе былой славы? Думаю, что это не так. Думаю, что молодое поколение этой выдающейся команды еще сможет удивить мир не менее яркими победами, чем те, что были одержаны в 60-х годах легендарными «рыцарями»: Пеле и Коутиньо, Дорвалом и Зито, Пеле и Тониньо.

Но и тогда, когда придет черед подрастающей сегодня молодежи когда вновь засияет спортивная звезда «Сантоса» и мир восхитится новыми сенсационными победами этого клуба, суровый урок нынешних лет не будет забыт. Суровый урок, говорящий о том, сколь велики потери, наносимые бразильскому футболу самоуправством невежественных картол.

…Увы, только что прочитанные вами, читатель, строки надежды на то, что когда-то «вновь засияет спортивная звезда „Сантоса“ и мир восхитится новыми сенсационными победами этого клуба»… так и остались пока лишь зыбким выражением надежды. Не более того.

После тех «сенсационных побед» конца пятидесятых — начала шестидесятых годов «Сантос» так и не поднялся пока до вершин, которые он некогда завоевывал. И мир так и не получил возможности насладиться искусством наследников Короля футбола, которое было бы сопоставимо с артистизмом мастеров легендарного «Сантоса эпохи Пеле».

Единственным международным титулом, который был завоеван «Сантосом» после 1969 года, стал кубок

«Конмебол», выигранный в финале у аргентинского «Росарио» 22 октября 1998 года.

Мало того: «Сантос» *ни разу* не смог выиграть национальный чемпионат, проводящийся с 1971 года. Хотя дважды — в 1983 и 1995 годах — занимал вторые места. А в рейтинговом листе всех бразильских клубов, участвовавших в национальном чемпионате за первые четверть века (1971–1996), «Сантос» занял всего лишь скромное 10-е место, пропустив вперед всех троих своих главных соперников: «Сан-Паулу», «Коринтианс» и «Палмейрас».

Что касается чемпионата штата Сан-Паулу, где Сантос царил безраздельно в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов, то начиная с 1970 года этот клуб лишь трижды — в 1973, 1978 и 1984 годах — завоевывал заветный кубок.

«САН-КРИСТОВАН», ТЫ ЕЩЕ ЖИВ?!

Мало кто из бразильцев помнит сейчас о том, что один из двенадцати клубов, оспаривающих ежегодно первенство Рио-де-Жанейро, является побратимом «Сантоса». Они были созданы в одно и то же время одним и тем же человеком: предприимчивым Урбано Калдейра, который хотел иметь две классные команды. Одну — в Сан-Паулу, другую — в Рио. До сих пор «Сантос» и его побратим играют в одинаковой белоснежной форме с одинаковой черно-белой эмблемой на груди. До сих пор остается в силе давняя традиция, предусматривающая право обеих команд предоставлять друг другу игроков взаймы в случае необходимости. Уже много лет, однако, они не пользуются этим правом. «Сантос» — потому, что у него и своих-то игроков некуда девать. А его побратим — по совсем иным причинам…

Устав бегать, прыгать, получать удары по ногам, падать, вставать и снова бегать, молодой мулат Мансур, полузащитник «Сан-Кристована», спускается в раздевалку по окончании матча. Он быстро раздевается, тяжело дыша и обливаясь потом, моется под душем, затем натягивает свою старенькую рубашку и потертые джинсы с маркой «Топека». Прежде чем подняться наверх, к автобусу, он вопросительно смотрит на прячущего глаза президента клуба. Тот шлепает парня по спине, а потом суетливо сует ему в руку рваную бумажку:

— На, перебейся как-нибудь. Пять крузейро хватит тебе на обед…

— Но, послушайте, сеньор… Ведь три месяца уже…

— Ладно, ладно! Что поделаешь, такие времена. Если нам удастся выйти в финальную группу, то дела улучшатся, и тогда можно будет рассчитаться со всеми…

Темнокожий парнишка уходит, опустив голову. Он не скандалист, потому что знает, что Бенилтон дал ему эти деньги из собственного кармана. Он знает, что им не выйти в финальную пульку. Знает об этом и президент. Но ведь надо же что-то говорить этим славным ребятам, которые вот уже три месяца не получают зарплату. И никто не знает, смогут ли они когда-нибудь ее получить.

Доходов «Сан-Кристован» не имеет. Какие могут быть доходы у клуба, если он из одиннадцати игр чемпионата проиграл восемь, свел вничью три и занял последнее место по итогам первого круга! Второй круг вряд ли принесет перемены, потому что могущественные соперники — «Фламенго», «Ботафого», «Флуминенсе» — да и все остальные с каждым туром все больше и больше наигрывают составы, укрепляют оборону, усиливают мощь нападающих, в то время как «Сан-Кристован» теряет последние силы.

Никто не понимает, почему эта команда не умирает, почему она продолжает существовать, несмотря на то что каждый месяц дефицит клуба увеличивается на 10 тысяч крузейро — сумма, смехотворно маленькая для погрязших в куда более солидных долгах «Фламенго» или «Сантоса», но смертельная для крошечного «Сан-Кристована».

Многие считают, что клуб умудряется продлить свое существование только благодаря щедрой душе трех-четырех человек, старых болельщиков, которые помнят славные времена двадцать шестого года, когда «Сан-Кристован» был чемпионом Рио-де-Жанейро, или тридцать седьмого, когда четверо игроков команды были взяты в сборную Бразилии. Тогда вокруг стадиона

клуба высилась стена с гордой надписью: «Сан-Кристован» — это «Сантос» в Рио-де-Жанейро, а «Сантос» — это «Сан-Кристован» в Сан-Паулу! Сегодня этой стены уже нет. Несколько лет назад она рухнула…

Через день после матча тренер Десио назначает новую тренировку. На маленьком поле, зажатом между фабричными корпусами, в районе, который, по мнению специалистов, конкурирует по степени загрязненности воздуха с Чикаго, два десятка мулатов и креолов в рваных футболках неторопливо гоняют мяч. Долговязый Батиста, вратарь «Сан-Кристована», тренируется у стенки: бьет мяч и ловит его после отскока. Ему двадцать четыре года, и он не может простить себе роковую ошибку: два года назад он завербовался в Венесуэлу. Но там, как оказалось, тренером команды был ее вратарь. И Батиста сидел на скамейке запасных до тех пор, пока не скопил деньжат, чтобы сбежать и вернуться в Рио. Здесь его имя было забыто, и «Сан-Кристован» сейчас остается последним шансом. Батиста надеется, что его заметит с трибун какой-нибудь картола и пригласит в клуб посолидней… Но с каждым матчем остается все меньше и меньше надежд: кто возьмет вратаря, который в одиннадцати играх пропустил 26 голов!

Тренировка кончается через пятьдесят минут после разминки: тренер Десио знает, что большинство парней не обедали сегодня. И вряд ли имеют возможность поужинать. И он опасается, что кто-нибудь из них грохнется в обморок прямо здесь, на поле. Тем более что после тренировки почти всем им надо ехать очень далеко: они живут в пролетарской северной зоне Рио-де-Жанейро, и некоторым приходится добираться от стадиона до дома на двух-трех автобусах с пересадками, тратя на это по полтора-два часа…

Парни уходят в душевую, и старый Зе, смотритель поля, выпускает на него пятерых овец. Овцы в «Сан-

Кристоване» являются единственно доступным орудием стрижки газона. Раньше вместе с ними работало еще несколько коз, но они были постепенно съедены, несмотря на бурные протесты Анжелы, прачки команды.

— Последним зажарили моего любимца — козла «5:0». Его прозвали так, потому что в тот день, когда он появился у нас в клубе, мы проиграли с этим счетом «Флуминенсе». Хороший был козлик, понятливый: он плакал, когда его повели на забой… — со вздохом вспоминает Анжела.

За долгие десятилетия стирки футболок «Сан-Кристована» ее руки сморщились, кожу разъела хлорка, добавляемая в стиральные порошки. Директор клуба Бенилтон вздыхает, глядя на эти руки. Однажды он даже запросил в Сан-Паулу цену стиральной машины, но ответ пришел ошеломляющий: 15 тысяч крузейро! И Анжела продолжает стирать старенькие футболки, в которых скоро нельзя уже будет появиться на поле.

Пять овец бродят по газону, пощипывая травку. Два десятка парней переодеваются, получив по бутылке фруктовой воды. Конечно, было бы лучше дать им свежие фрукты, но на это средств у «Сан-Кристована» уже не хватает. Единственное, что может позволить себе клуб, — это бесплатный завтрак для команды в день матча. Тем более что эти завтраки для многих игроков являются единственной возможностью поесть досыта… Они тоже оплачиваются из собственного кармана Бенилтона, который не помнит даже всех имен игроков нынешнего состава команды, но без запинки перечислит имена всех великих «сан-кристованцев» 1926 года! Бенилтон содержит маленькую авторемонтную мастерскую близ стадиона. Иногда тренер Десио прибегает к нему и просит: «Те два креола, что так понравились сеньору на прошлой игре, не смогли сегодня приехать на тренировку, потому что у них не было денег на автобус».

Бенилтон вздыхает, лезет в карман и достает несколько крузейро. Только вчера он купил для команды лекарств и бинтов на целых сто «контос». Вместе с другим неизлечимым болельщиком «Сан-Кристована», владельцем бакалейной лавки Зезе, Бенилтон собирается купить и преподнести клубу новый комплект футболок.

«Что будет с „Сан-Кристованом“, когда мы с Зезе помрем?» — сокрушается он. Больше всего на свете Бенилтон любит мечтать. И всегда об одном и том же: он выигрывает в лотерею 10 тысяч. И на эти деньги берет на пару месяцев взаймы пару-тройку ребят из запаса «Сантоса». Одного «голеадора» — в центр атаки, одного «чистильщика» — в защиту и выносливого парня — в полузащиту. Все. За эти два месяца «Сан-Кристован» среди «малых» клубов стал бы первым…

Но пока об этом и думать не приходится: хотя «Сантос» мог бы одолжить этих игроков задаром, но ведь им-то пришлось бы платить зарплату! Такую же, какую им платит «Сантос», а в «Сантосе» даже запасной игрок получает больше, чем месячная сумма всех членских взносов, собираемых среди торсиды и членов «Сан-Кристован-футбол-клуба».

Приходит суббота — день очередного матча. На сей раз противником «Сан-Кристована» будет «Португеза», осевшая на предпоследнем месте в таблице. Это означает, что появляется маленький шанс выиграть хотя бы одну встречу.

С утра Бенилтон разрывается на части, названивая во все концы города: старенький автобус клуба, напоминающий ожившие карикатуры «Газеты автомобилиста» 1911 года, заглох. Заглох бесповоротно, и нужно придумать способ доставить ребят на стадион. Бенилтон звонит друзьям:

— Сильвио, как поживаешь? Как супруга? В порядке? Очень хорошо… Ты приедешь сегодня на

игру? Спасибо, что не забываешь нас. Да, да, постараемся на сей раз выиграть. Сделаем все, что в наших силах. И даже больше… Одна просьба: ты не мог бы заскочить к нам в клуб по дороге на «Маракану» и захватить в свою машину двух-трех парней?.. Автобус, понимаешь, в ремонте… Спасибо, спасибо большое! Жду к часу дня.

Постепенно в раздевалке «Мараканы» собирается вся команда. Одних привезли на машинах друзья, другие добрались на автобусах. Бенилтон ходит с загадочной улыбкой, похлопывая всех по плечу:

— Ну, ну, ребята, сегодня мы выиграем. Я чувствую это. Анжела разложила карты: выпали три туза. В прошлом году, когда у нее выпали три туза, мы сыграли вничью с «Ботафого», помните?

Полузащитник Мансур рассеянно кивает головой и бежит к доктору за таблеткой «Алка-зелтцер»: он перестарался, поглощая оплаченный Бенилтоном бифштекс, и его мучает изжога. Старик Зе, хитровато поглядывая на Бенилтона, раскрывает мешок с футболками. Раздается восхищенный возглас всех присутствующих:

— О! Новая форма! Ну, сегодня выиграем! Это — точно!

Бенилтон сияет. Он счастлив. И его даже не смущает кислая физиономия Батисты, который протестует:

— Нет, это плохая примета: менять форму посреди чемпионата нельзя. Верный проигрыш!

Вернувшийся Мансур хлопает его по плечу:

— Э, Батиста, нам никакие приметы уже не страшны. Мы столько напроигрывали и в новых, и в старых футболках, что можем смеяться над судьбой…

Зе распределяет футболки с видом благодетеля. Словно за них платил не Бенилтон, а он сам. Мальчишка

Паулада, найденный тренером Десио в одной из пляжных футбольных команд, протестует:

— У меня должен быть десятый номер! Почему, Зезе, ты даешь мне «девятку»?!

— Какая тебе разница? — ворчит Зезе.

Тогда Паулада бежит к Десио, хватает его за рукав и кричит:

— Сеньор, разве у меня не десятый номер? Я хочу «десятку»!

Он получает в конце концов свою футболку с десятым номером на спине и отходит счастливый: ведь это — номер Пеле! И форма та же, что у «Сантоса».

Потом следует краткое наставление Десио:

— Нужно первыми забить гол, затем играть спокойней, осмотреться… Защита ни в коем случае не должна играть в линию. Третий номер — Пауло — всегда должен быть за спинами остальных трех. Будем стараться в обороне всегда иметь на одного больше, чем нападающие «Португезы»…

Десио повторяет эту фразу несколько раз. Он знает, что именно это говорил тренер сборной Салданья о тактике своей команды в отборочных играх против Колумбии, Венесуэлы и Парагвая.

Потом ребят массажируют, кто-то волнуется, не зная, куда деть на время игры кошелек с деньгами. Мансур рассказывает анекдот про португальца и мулатку, но никто не смеется. Из угла раздевалки слышны жалобные причитания Батисты:

— Нет, сегодня я плох! Совсем плох! Нужно было больше бегать в среду! Теперь у меня лишний вес!

Правый крайний Маркос выходит из тоннеля, соединяющего раздевалку с полем: он хочет досмотреть последние минуты матча, играющегося перед встречей «Португезы» с «Сан-Кристованом». С трибуны слышатся знакомые ребячьи голоса:

— Дядя Маркос! Дядя Маркос! Вы сегодня играете?

Это племянники, два черномазых мальчишки. Свесившись через барьер, они кричат:

— Дядя Маркос! Выиграйте сегодня, ладно?!

Спустя еще пять минут первый матч заканчивается, и из тоннелей выходят играющие во второй паре «Португеза» и «Сан-Кристован». Жиденькая торсида нехотя аплодирует, посвистывает, где-то даже хлопает петарда. Как всегда, на поле выскакивают репортеры с микрофонами. Гоняясь за разминающимися игроками, они задают все те же вопросы, повторяющиеся из матча в матч, из года в год:

— А теперь перед слушателями «Континенталя» — самой популярной радиостанции Рио — выступит титулар полузащиты «Сан-Кристована» Маркос, который скажет, что он ожидает от предстоящего матча.

— Добрый день, радиослушатели «Континенталя»! Постараемся сделать все возможное, чтобы доставить зрителям удовольствие и показать хороший футбол…

Те же слова, те же обещания из года в год, из матча в матч. Те же слова, которые произносит Пеле, выходя на матч с «Интером» в Неаполе или со сборной ФИФА на «Маракане».

Какой-то фотограф кричит капитану «Сан-Кристована», чтобы выстроил ребят. Десио, выглядывая из тоннеля, улыбается, щурясь удовлетворенно:

— Ишь ты, наконец-то и «Сан-Кристован» фотографируют!

Судья раздраженно кричит фотографам и репортерам, чтобы очистили поле, зовет капитанов и швыряет монету. Первое везение «Сан-Кристована»: ему выбирать удар или поле. Батиста кричит, чтобы выбирали против солнца. Потому что пока оно стоит еще высоко, а во втором тайме опустится и будет светить вратарю «Португезы» в глаза…

«Португеза» начинает. Они отыгрывают мяч полузащитникам, затем пас идет правому краю, тот проходит до лицевой линии «Сан-Кристована», подает, мяч проскакивает между защитниками, и с отметки пенальти кто-то из игроков «Португезы» бьет по воротам. Батиста падает, но поздно: мяч проскальзывает под его долговязым телом и замирает в сетке. Двадцатая секунда игры. 1:0 в пользу «Португезы». Опустив головы, игроки «Сан-Кристована» начинают с центра. Настроение пропало. Никто уже не сомневается в том, что и на сей раз придется проигрывать. Десио сидит у выхода из тоннеля на скамейке запасных, стараясь не глядеть на Бенилтона: каждый гол, влетающий в ворота «Сан-Кристована», Бенилтон воспринимает как личную трагедию, у него даже слезы катятся из глаз…

Игра идет монотонная и скучная. «Сан-Кристован» ни разу еще не пробился к штрафной площадке «Португезы». Большинство пасов не попадает по назначению, ребятам явно не хватает скорости. Мяч болтается где-то в районе центрального круга.

А комментатор «Континенталя» — парнишка-стажер, надеющийся быть зачисленным в штат радиостанции (разве на игру «Сан-Кристована» пошлют какого-нибудь аса репортажа?), — старается вовсю: вибрирующим голосом он расцвечивает унылую игру. Если верить его репортажу, на поле идет драматический поединок титанов…

За десять минут до перерыва «Португеза» получает право на штрафной удар метрах в двадцати прямо против ворот. Нападающие и полузащита «Сан-Кристована» выстраивают стенку, повинуясь умоляющим воплям Батисты. Полузащитник «Португезы» разбегается и бьет сильно и точно. В угол ворот! Батиста ничего не может поделать. 2:0.

В перерыве раздевалка «Сан-Кристована» тиха и спокойна. Все уже смирились с поражением. Так было, так есть, так будет… Только Батиста безутешен;

— Я же говорил, что я не в форме. Я совсем плох сегодня! Сеу Десио, замените меня… Я не хочу портить ребятам игру!

— Но-но, Батиста, я знаю, что делаю, не надо мне указывать.

— Но я же, я виноват во всем!..

Десио собирает команду вокруг себя и дает установку на второй тайм:

— Играем плохо, но еще не все потеряно. «Португеза» уверена в победе, и в этом наш шанс. Сразу же, с первых минут, все идем в атаку: либо проигрываем 0:10, либо сквитаем счет. Краям не зарываться. Обыграл своего защитника — и немедленно пас в центр! Лучше низом: у «Португезы» высокие «беки». Марио и Мансур работают в средней зоне с отбиваемыми защитой «Португезы» мячами и питают атаку пасами… Все ясно? Пошли!

Зажигательная речь Десио хотя и не влила новые силы в его войско, но по крайней мере заставила его бегать быстрее. Застигнутая врасплох натиском «Сан-Кристована», защита «Португезы» кое-как отбивается, несколько раз ее вратарь вынужден даже совершить броски, квалифицируемые захлебывающимся комментатором «Континенталя» как «сенсационные». Но постепенно «Португеза» вновь овладевает инициативой. Приходит черед Батисты взять два действительно трудных мяча. И все же он продолжает изредка жаловаться, обернувшись к скамейке запасных:

— Нет, я не в форме сегодня, сеу Десио, замените меня!

Когда до конца остается десять минут и «Португеза», уверенная в победе, начинает катать мяч, стремясь сохранить счет, Десио убирает Батисту с поля.

Со скамейки запасных нехотя подымается второй вратарь — Манга. Натягивая перчатки, он бурчит:

— Вот так всегда! Выхожу только для отвода глаз…

А Батиста бежит в раздевалку, не желая даже видеть конец игры. Когда он, выйдя из душевой, вытирается полотенцем, вваливается вся команда. Ребята бухаются на скамейки, тяжело дыша. Никто не смотрит друг на друга. Падают со стуком грязные бутсы. Кто-то ворчит:

— Батиста был прав: нельзя менять футболки посреди чемпионата!

В раздевалке бродят усталые не меньше футболистов репортеры.

Им давно надоел этот жалкий «Сан-Кристован», но после матча полагается брать традиционные интервью. Сунув под нос Десио полдюжины микрофонов, репортеры равнодушно слушают, как он бубнит что-то об ошибках «чистильщика» и неуверенной игре Батисты.

— Правда, что руководство клуба уже ищет тебе замену? — спрашивает в упор кто-то из журналистов.

Десио смущенно пожимает плечами, мнется. Он не знает, что ответить. За него отвечает фоторепортер «Жорнал дос спортс», сидящий в кресле нога на ногу:

— Десио давно уже выгнали бы, но где им найти другого чудака, который согласится работать за столь ничтожные деньги с этим убогим клубом?

Раздевалка постепенно пустеет. Футболисты одеваются и уходят в туннель, ведущий к выходу с «Мараканы». Автобуса нет, и разъезжаться приходится городским транспортом. Большинство едет электричкой, слава богу, станция находится совсем рядом со стадионом. Кто-то кричит, что тренировка состоится послезавтра в три часа дня. Кто-то не может найти брелок с ключами.

Натянув старенькую рубаху из бонлона и потертые джинсы, Мансур вопросительно смотрит на Бенилтона, шепчущегося в углу с Десио. Моргая влажными покрасневшими глазами, Бенилтон сует мулату в руку смятую бумажку:

— Перебейся как-нибудь, Мансур! Тут тебе хватит на обед. А завтра что-нибудь придумаем…

Как это ни парадоксально, но агония «Сан-Кристована» продолжалась еще довольно долго. До середины 90-х годов маленький нищий клуб все еще продолжал участвовать в чемпионатах Рио-де-Жанейро. (К национальному чемпионату таких неудачников, конечно же, не подпускали.)

В региональных турнирах рио-де-жанейрский побратим «Сантоса» с упорством, достойным лучшего применения, занимал последние и предпоследние места. Последний раз в чемпионате Рио он участвовал в 1995 году. Затем исчез из таблиц, статистических сводок и информационных спортивных выпусков. Видно, кончилось терпение у спонсоров, вкладывавших в неудачников свои деньги.

Но, впрочем, зная «подтрибунные нравы» бразильского футбола, не удивлюсь, если когда-нибудь имя «Сан-Кристован» снова появится в турнирных таблицах и парни в белых майках вновь выбегут на газон зеленого поля. Скорее всего, это может случиться, если у кого-нибудь из так называемых «бишейрос» — подпольных миллионеров, наживающих несметные суммы на подпольной лотерее «Жого до бишьо», возникнет необходимость отмыть свои капиталы. Тогда-то и воскреснет «Сан-Кристован» — побратим «Сантоса», который, кстати сказать, в 1999 году мог бы отпраздновать свое столетие.

КНИГА СУДЕБ «ЗОЛОТОЙ СБОРНОЙ»

Вечером 6 ноября 1968 года жизнь в Бразилии остановилась. Замерло сумасшедшее уличное движение на улицах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Опустели магазины. Закрылись раньше срока булочные и аптеки... К экранам телевизоров и транзисторным приемникам прильнули 90 миллионов бразильцев. Все, за исключением 150 тысяч счастливцев, которым удалось, уплатив бешеные деньги за билет, попасть на «Маракану», где сборная Бразилии со счетом 2:1 обыграла сборную мира в матче, посвященном 50-летию национального футбола и 10-летию победы знаменитой «золотой» бразильской сборной на чемпионате мира 1958 года...

Итак, с тех пор как поверженная в финальном матче шведская команда первой поздравила своих обезумевших от счастья соперников, прошло уже более десяти лет!.. Много воды утекло за это время: были отправлены корабли на Луну и открыты новые стратегические футбольные варианты, выражающиеся в магических формулах 4+3+3, 4+4+2. Врачи начали пересаживать человеческие сердца, а крайние защитники — участвовать в атаках. Инженеры сконструировали системы глобального телевидения, а футбольные юристы пришли к выводу о необходимости разрешить в ходе игры замену двух полевых игроков... Сборная Бразилии стала в Чили двукратным чемпионом мира, а в Англии потерпела поражение, воспринятое экспансивными соотечественниками как национальное бедствие.

Ну, а что же стало за эти годы с «золотой сборной»? Где они теперь — одиннадцать легендарных рыцарей,

разгромивших в финальном матче 1958 года со счетом 5:2 грозную шведскую сборную на глазах шведского короля? Вратарь Жилмар, защитники Джалма Сантос, Белини, Орландо, Нилтон Сантос, полузащитники Зито и Диди, нападающие Загало, Вава, Пеле и Гарринча…

Бразильцы с королем Швеции (1958 г.)

Сразу же заметим, что только один из них — самый старший, левый защитник Нилтон Сантос — «Энциклопедия футбола», как его прозвали торсида и пресса, — окончательно расстался с футболом. Он купил небольшую аптеку и обзавелся магазином спортивных товаров в бойком и шумном квартале «Ботафого»[1]. Правда, иногда его можно увидеть в парке «Фламенго», где он гоняет по субботам и воскресеньям мяч вместе со счастливыми мальчишками, оспаривающими чемпионаты кварталов и улиц Рио-де-Жанейро. Эти чемпионаты, кстати, разыгрываются по всем правилам: со зрителями, бурями восторга и потоками слез…

Судьба остальных десяти ветеранов пока что все еще связана с футболом, но у каждого из них она

сложилась по-своему…

* * *

Вратарь Жилмар дос Сантос Невес до 1970 года числился в штатных ведомостях «Сантоса». Но возраст постепенно брал свое, и ветеран все реже и реже подымался со скамейки запасных. В начале 1969 года, впрочем, произошел курьезный эпизод, который возможен, пожалуй, только в бразильском футболе. В погоне за сборами дирекция клуба докомбинировалась до того, что на один и тот же день у «Сантоса» оказались назначенными две игры. Одна — в Аргентине, другая — в крохотном городишке Маринга в штате Сан-Паулу (кстати, этот городок является, вероятно, единственным населенным пунктом мира, получившим свое имя по названию популярной песни — «Маринга»).

В Аргентину, как нетрудно предположить, отправился основной состав, а в Марингу выехали запасные игроки с Жилмаром. Ветеран сыграл в этом матче с таким вдохновением, что в печати появились статьи с требованием вернуть его в ворота сборной страны, где оба вратаря — Феликс и Клаудио — показывали в то время весьма слабую игру. Жилмар отказался от этой чести, хотя и согласился выступить в матче против сборной Англии 12 июня 1969 года, сыграв в этот день в сотый раз за сборную страны. «Мне пора на покой, — сказал он репортерам. — Пора дать дорогу молодым». Жилмар постарался обеспечить себе спокойную старость: у него есть небольшая юридическая фирма и несколько выгодных приглашений от крупных компаний, которые хотели бы видеть «би-кампеона» в качестве своего директора «внешних сношений и пропаганды».

Орландо долгое время играл в «Сантосе», но в 1969 году ему удалось перейти в клуб своей юности — «Васко да Гама» в Рио-де-Жанейро, где в свои 33 года он стал ведущим игроком, капитаном, надежным «чистильщиком» оборонительной линии.

Другой питомец «Сантоса» — Зито, которого многие считают самым выдающимся полузащитником в истории бразильского футбола, остался в родном клубе в должности «супервизора». Это что-то вроде генерального инспектора. Зито рассказывал, что особое внимание он уделяет работе с молодежной командой, мечтая добиться того, чтобы «Сантос» когда-нибудь смог перейти на «самообслуживание», перестав покупать игроков в других клубах.

13 июня 1968 года в последний раз вышел на поле в составе национальной сборной 39-летний негр Джалма Сантос — правый защитник, шестнадцать лет восхищавший болельщиков всех континентов своим удивительным хладнокровием, с которым он обезоруживал самых стремительных и хитрых форвардов, имевших несчастье выйти против Бразилии на левом фланге атаки. Кстати, москвичи, присутствовавшие в 1965 году в Лужниках на матче сборных СССР и Бразилии, имели счастливую возможность убедиться, что восторженные эпитеты, которыми награждала мировая пресса этого виртуоза, отнюдь не лишены оснований.

Итак, Джалма Сантос прощался со сборной… На десятой минуте матч с уругвайцами был прерван. Стадион встал, приветствуя Джалму, который в последний раз шел по зеленому ковру «Мараканы», осыпаемый цветами. По его щекам катились слезы.

И на трибунах тоже плакали, вспоминая великую славу 58-го года и трагедию 66-го… Плакали, провожая еще одного из «могикан».

Джалма Сантос всю жизнь мечтал открыть небольшую обувную мастерскую: в детстве, до того как обуть бутсы, он работал «мальчиком» в какой-то убогой сапожной мастерской и поклялся «выбиться в люди». Кажется, мечта его близка к осуществлению, но осталось еще подкопить малость. И поэтому Джалма упросил свой клуб «Палмейрас» продать себя в провинциальную команду «Атлетико» из города Куритибы, где «бикампеону» была предложена весьма солидная сумма. «Палмейрас» уважил Джалму на старости лет, продал его, и теперь он играет рядом со своим старым коллегой и ратным товарищем 58-го года Белини, который тоже упросил свой клуб «Сан-Паулу» отпустить его на этот отхожий промысел. Старые кони борозды не портят: вскоре после их переезда в Куритибу футбольный мир Бразилии был потрясен сенсационной победой «Атлетико» над «Сантосом» (3:2). Болельщики из Куритибы, мечтавшие о достойном проигрыше с не очень разгромным счетом, были изумлены не меньше, чем избалованные славой «звезды» из «Сантоса». Карнавал в городке длился всю ночь. Джалму Сантоса и Белини носили на руках... Прошло немногим более недели, и «Атлетико» поверг очередного фаворита — «Флуминенсе» из Рио-де-Жанейро.

«Старики» Беллини и Сантос честно отрабатывали свой хлеб.

Два других ветерана 58-го года — Вава и Диди — подались в поисках футбольного счастья за границу. Вава — один из бомбардиров «золотой сборной» — сначала продался в мадридский «Атлетико», затем сменил много клубов и городов. На его футболках красовались самые неожиданные эмблемы. В 1968 году он играл в Мехико и в США. Соединенные Штаты, как известно, еще не занесены в футбольные лоции мира, но платят там долларами, которые, видно, устраивают

Вава больше, чем задыхающееся в тисках инфляции тощее бразильское крузейро. Загало — друг и однокашник Вава — послал ему письмо: «Старик, бросай людей смешить и гоняться за миллионами… Возвращайся, пока не забыл дорогу…»

В начале 1969 года Вава наконец вернулся. Он погрузнел, потяжелел, постарел. И поэтому никто из больших клубов не заинтересовался Львом кубков. Его пригласила к себе скромная «Португеза».

Вава привез с собой горькое разочарование. Хотя в американских командах ему платили 1200 долларов в месяц, привезти в Бразилию удалось совсем немного: несколько сотен долларов. Причиной тому — свирепые налоги в США, жаловался Вава, и безумная дороговизна.

Диди — Черный принц, знаменитый изобретатель «сухого листа» — тренировал сборную Перу, готовя ее к финальным играм чемпионата мира в Мехико. Питомцы «би-кампеона» добились блестящего успеха в отборочных играх, обыграв не только скромную команду Боливии, но и фаворитов группы — аргентинцев, которые остались за бортом. После этого Диди был объявлен в стране национальным героем, а правительство выделило ему щедрую премию. Это тем более справедливо, что в ходе подготовки национальной команды Диди отказался от высокого гонорара, стремясь доказать, что работает, так сказать, не за страх, а за совесть.

В финальных матчах Диди и его питомцы доказали, что этот успех не был случаен: они завоевали симпатии зрителей и сумели пробиться в четвертьфинал, выбыв из состязаний только после проигрыша сильнейшей команде мира — сборной Бразилии.

Кончил играть, но не ушел из большого футбола левый край «золотой сборной» 58-го года Загало. Почти все эти годы он играл в «Ботафого», оспаривающем у «Сантоса» право считаться лучшим клубом Бразилии. И

два года назад Загало превратился из игрока в тренера, после чего обоснованность претензий «Ботафого» заметно возросла. Во всяком случае, под руководством Загало за два года (1967–1968) команда из всех чемпионатов и турниров дома и за рубежом, в которых принимала участие, проиграла только один.

Интервьюируя Загало, я попросил его рассказать, в чем он видит основное отличие футбола 58-го года от футбола наших дней. По его мнению, наиболее характерной тенденцией в развитии тактики игры является постепенное и необратимое исчезновение игровой специализации.

— Когда я пытался оттягиваться на помощь защитникам, — сказал Загало, — тренеры кричали на меня. Когда Нилтон Сантос на свой страх и риск рвался вперед, пытаясь помочь форвардам, создать численный перевес на подступах к штрафной площадке противника, ему угрожали скамейкой запасных. А сегодня защитники забивают голы, крайние нападающие участвуют в обороне, и никто не видит в этом ничего преступного. Сегодня каждый игрок должен уметь делать все. И в сложных ситуациях, когда все нападают, все защищаются, когда в опасной зоне близ ворот скапливается большое количество игроков, решающую роль играет индивидуальное мастерство футболистов. В этом у нас, бразильцев, всегда будет небольшое преимущество перед нашими соперниками.

В начале 1970 года Загало был приглашен занять пост старшего тренера сборной страны. Нет нужды напоминать о том, как он справился с этими обязанностями…

К сказанному тогда о судьбе ветеранов «золотой сборной» можно добавить несколько слов и сегодня — тридцать лет спустя. Конечно, сейчас никто из них уже

не играет в футбол. А некоторые вообще ушли от нас по дороге, по которой рано или поздно уходят все.

Более или менее успешно сложилась судьба Жилмара: он занялся бизнесом и долгое время работал в фирме, продающей автомашины. В июне 2000 года в возрасте 70 лет перенес тяжелую ишемическую болезнь сердца. В тот момент, когда пишутся эти строки, он еще находится в больнице Сан-Паулу. За сборную он сыграл 103 матча, пропустил 104 гола.

Запасной вратарь «золотой сборной» Кастильо (за сборную он сыграл 29 раз, пропустил 28 голов) помимо главной команды страны играл за «Флуминенсе». Причем с завидным постоянством: с 1946 по 1955 год, когда окончательно ушел из футбола. Жизнь у него дальше не сложилась, и в 1987 году в возрасте 59 лет он покончил с собой.

Джалма Сантос, сыгравший за сборную 113 раз и забивший три гола, вплоть до конца девяностых годов руководил детской футбольной школой в поселке Убераба. Недавно скончался.

Нильтону Сантосу сейчас уже 75 лет, и к своему юбилею он выпустил книгу воспоминаний, ставшую бестселлером. Вплоть до последнего времени эта «Энциклопедия футбола», как его прозвала бразильская пресса, опекала несколько детских футбольных школ в столице страны Бразилиа. За сборную он провел 85 матчей, забил три гола. И тоже, как это редко бывает, отличался верностью характера: с 1948 по 1965 год играл за «Ботафого».

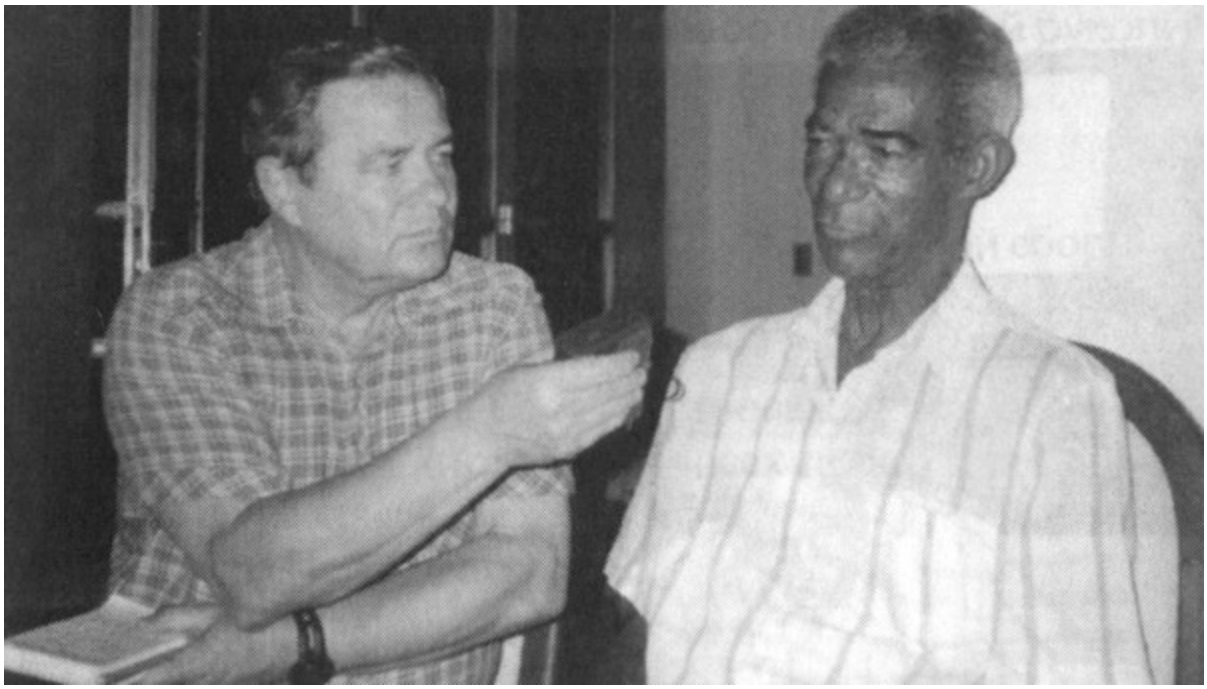
Центральный защитник и капитан «Золотой сборной» (57 матчей) Беллини дожил сейчас уже до 70 лет. Руководит несколькими футбольными детскими школами в Сан-Паулу.

Повезло Зито: он сумел разбогатеть, обзавелся скотоводческой фазендой в районе Пиндамоньянгаба (Сан-Паулу), но живет по-прежнему в Сантосе. Он стал

партнером Пеле и удачливым соучастником его многочисленных и весьма прибыльных проектов и свершений (об этом речь впереди). Зито сыграл 68 матчей за сборную, а оставил футбол в 1968 году.

Вава (25 матчей за сборную, 15 голов) закончил свою футбольную карьеру в 1969 году в США. Вплоть до последнего времени жил в Рио, занимаясь бизнесом в сфере недвижимости: продавал и перепродавал квартиры.

Диди, как я уже сказал, стал тренером. Но тренерская судьба его сложилась куда менее счастливо, чем судьба игрока. Пожалуй, самым радостным, я бы даже сказал, звездным мгновением в ней стало весьма удачное выступление руководимой им сборной Перу на чемпионате мира 1970 года в Мексике. Об этом вы прочитаете чуть позже: в главе «Шесть шагов к „Золотой богине“».



Диди дает интервью автору книги (1995 г.)

С этим интереснейшим человеком я встречался дважды. Первый раз — вскоре после того чемпионата. Второй раз — четверть века спустя: в 1995 году в Рио. Мы долго беседовали «за жизнь», он рассказал мне о своей тренерской работе в разных странах и в различных клубах. И меня поразило, что этот выдающийся футболист и умнейший человек оказался после завершения игровой карьеры практически невостребованным в своей родной стране.

А у левого крайнего нападающего «Золотой сборной» Марио Жорже Лобо Загало одинаково успешно сложились и игровая (34 матча за сборную, 6 голов), и тренерская главы его биографии.

«Подвесив бутсы», он долго работал в лучших клубах страны, а затем стал тренером сборной и выиграл с ней чемпионат 1970 года. Из сборной ушел после провала на следующем чемпионате мира. Работал в клубах, несколько лет провел на Ближнем Востоке (это, кстати сказать, довольно обычная судьба многих ветеранов бразильского футбола). Потом снова был приглашен в главную команду и в конце концов стал тренером сборной, имеющим наибольший стаж работы на этом посту: 122 раза выводил он на поле главную команду страны. В этих поединках одержано 86 побед, 26 ничьих, 10 поражений.

В 1994 году в качестве советника Карлоса Альберто Паррейры он стал единственным в истории мирового футбола «тетра-кампеоном»: то есть человеком, прямо причастным (дважды как игрок и дважды в роли наставника) к завоеванию четырех чемпионских званий.

Возможно, что этот рекорд не сумеет повторить никто и никогда.

Загало (1997 г.)

А пятое чемпионское звание от Загало уплыло, когда он был от него всего в одном шаге. Мы все помним провальное выступление его команды на чемпионате мира 1998 года на стадионе «Стад де Франс» в Париже.

С Загало я встречался довольно часто. Несколько раз в семидесятых годах. Потом — уже в недавнее время: в 1995 году взял у него большое интервью в Рио-

де-Жанейро. А последний раз побеседовал с ним в 1997 здесь, в Москве, когда «Старый Волк», как его называют иногда соотечественники, привез свою команду к нам на товарищеский матч. Он был преисполнен оптимизма и не сомневался в победе на французском мировом чемпионате.

С 1999 года Загало тренировал команду «Португеза» в штате Сан-Паулу, но в связи с тем, что его подопечные выступали очень слабо, в июне 2000 года он был уволен из этого клуба, и к моменту завершения работы над этой рукописью его дальнейшая судьба пока не определилась.

* * *

Итак, мы рассказали обо всех героях «золотой сборной», за исключением двоих. Судьбы этих последних, этих двух самых знаменитых форвардов Бразилии, двух футбольных гениев, находятся на противоположных полюсах. Между этими полюсами пролегли извилистые пути всех профессионалов бразильского футбола…

Речь идет о Пеле и Гарринче.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: ПЕЛЕ…

Чтобы нейтрализовать Пеле, любая футбольная команда должна располагать как минимум тремя защитниками: один пытается отобрать мяч, другой подстраховывает первого, а третий отправляется доставать мяч из сетки ворот.

Бразильский юморист Арапуа

Его называют «Королем» футбола. Вероятно, за всю историю всех известных человечеству монархий — от египетских фараонов до уцелевших к XX веку последних могикан голубых кровей — не было короля, более любимого и почитаемого. В его жизни бывали дни радости и печали, его творчеству не были чужды как моменты высшего вдохновения, так и мучительные периоды серой рутины. А самым трагическим днем в его жизни был, вероятно, тот несчастный июльский день 1966 года, когда, предательски искалеченный португальскими защитниками в последнем матче бразильской сборной на первенстве мира, «Король», беспомощно ковыляя где-то на краю поля, с отчаянием присутствовал при разгроме своей армии, снискавшей гордую славу непобедимой…

В те дни, когда Бразилия тяжело переживала это горькое поражение, когда громы и молнии падали на головы тренеров и футболистов, когда раздавались истерические крики о несмываемом позоре и окончательной гибели бразильского футбола, в газете «Жорнал до Бразил» было напечатано письмо советского болельщика Е. Ф. Бурзева, проживающего в

Харькове (газета сообщала его точный адрес) по проспекту Ленина, дом 19/9, кв. 52. В его письме, в частности, говорилось:

«Пеле и его товарищи по команде: Гарринча, Зито, Жилмар, Белини, Орландо, Жаирзиньо и другие — не должны терять веру в свои силы. Они должны помнить, что, несмотря на поражение в Англии, они продолжают оставаться в глазах тех, кто любит и ценит настоящий футбол, единственными и неподражаемыми чемпионами мира... Подлинные спортсмены должны держать головы высоко поднятыми и не забывать древней мудрости: „Сквозь тернии — к звездам!“

Мы, советские болельщики, называем Вас, Пеле, Паганини кожаного мяча. И можете поверить, мы понимаем красоту футбола, любим его и не станем расточать похвалы попусту...»

В тот день, когда это письмо было опубликовано, бразильская команда еще находилась в Англии: нужно было выждать время, чтобы страсти остыли и встреча побежденных не получилась бы слишком бурной... А когда команда вернулась на родину, Пеле сразу же направился в Сантос, и никто не передал ему письмо советского болельщика. Спустя полтора года, отправляясь в командировку в штат Сан-Паулу, я вспомнил об этом и решил рассказать Пеле о письме.

Захватив пожелтевшую вырезку из газеты и заправив «аэровиллис» бензином для дальней дороги, я отправился в Сантос, где вскоре с сожалением убедился, что и в редкие дни, свободные от тренировок и матчей, найти Пеле практически невозможно.

Два дня я ловил его по всему городу. На стадионе «Сантоса» — «Вила Бельмиро» — заявили, что он уехал домой. Дома жена Пеле, Розе-Мери, повязанная передником, сказала, пряча руки, покрытые мукой, что супруг ее будет только вечером, а сейчас он, возможно, заехал на свою фабрику санитарного оборудования на

улице Жоан Пессоа. Фабрика сия оказалась небольшой мастерской, монтирующей умывальники, унитазы, водопроводные краны. При ней был маленький магазинчик, в котором мне сочувственно сообщили, что патрон уже уехал, но не сказал куда…

Короче говоря, у меня был один выход: ждать до завтра, когда должен был начаться предыгровой сбор «Сантоса» накануне очередного матча с «Коринтиансом». Нетрудно было предположить, что на сборе и на предыгровой тренировке Пеле будет лишен этой потрясающей «мобильности». Так оно и получилось. И когда на следующий день благодаря помощи Зито я добрался до дачи-базы «Сантоса», затерянной среди холмов и озер между Сан-Паулу и Сантосом, мне осталось только набраться терпения и дождаться конца тренировки…

Впоследствии мне довелось много раз убеждаться, что лучшим местом для интервью с любым футболистом, а тем более с Пеле, является эта самая «концентрация», как ее называют в Бразилии, или «сбор», как это называется у нас. Никто никуда не спешит, все заботы и хлопоты остались за оградой «концентрации». Там, за этой оградой, могут меняться судьбы мира, болеть дети, страдать возлюбленные, изменять жены, гореть дома и прогорать торговые сделки… Все это — «там». А здесь, внутри священной ограды, за которую «вход посторонним воспрещен!», всегда будет царить тишина: ничто не должно смущать покой футболиста накануне завтрашнего матча. Потому что завтрашний матч всегда — самый важный, а завтрашний противник всегда — самый сильный.

Пеле улыбался, слушая взволнованное письмо из Харькова, а потом сказал:

— Передайте ему, что мы стараемся не думать о прошлом, а с надеждой смотреть в будущее, где нас, как я верю, ожидают еще немалые победы… Это очень

трогательное письмо. И я хотел бы обнять этого человека и поблагодарить его за теплые слова…

Потом я долго расспрашивал Пеле о его жизни, о футболе. О самых памятных матчах. О «Сантосе» и о сборной. О семье и дочке. О внефутбольных деловых заботах «Короля» и о песнях, которые он сочиняет в редкие свободные от футбола минуты. Потом были новые встречи и новые беседы.

Однажды я рассказал одному из своих друзей — директору Музея изображения и звука в Рио-де-Жанейро Рикардо Краво Албину о том, что собираюсь написать о Пеле. Рикардо загадочно улыбнулся и потащил меня в свой музей. Усадив за стол, за которым стоял громоздкий магнитофон, он исчез, попросив подождать минутку. За окном серого особняка шумела площадь маршала Анкора. Пахло свежей рыбой и плесенью: совсем рядом искрилась солнцем волнистая бухта Гуанабара.

Гудели автобусы, пыхтели буксиры, истерично визжали свистки полицейских, а в прохладной комнатке музея было тихо и уютно.

Спустя несколько минут Рикардо вернулся, торжественно потрясая коробками с магнитной пленкой. На каждой из них было выведено: «Эдсон Арантес до Насименто — Пеле». Это была запись воспоминаний Пеле о себе самом, сделанная музеем для потомков.

Я прослушал, а затем и скопировал ее. В этой пленке нет никаких сенсационных сообщений или ошеломляющих открытий. Кроме некоторых курьезных фактов и подробностей, в ней нет ничего, что не было бы в той или иной степени уже известно многочисленным биографам Пеле, посвятившим ему нескончаемые газетные очерки и тома воспоминаний.

И все же эта звукозапись показалась мне необычайно интересной. Не только для будущего

историка мирового футбола или какого-нибудь болельщика-дилетанта, фанатичного поклонника выдающегося таланта Пеле. Записанный на пленку рассказ Пеле о себе самом оказался портретом не столько Пеле, сколько Эдсона — простого бразильского парня, прошедшего все ступеньки своей необычной жизни: от босоногого мальчишки — чистильщика ботинок до лучшего футболиста мира и самого популярного бразильца, сохранившего при этом все свои лучшие человеческие качества — скромность, трудолюбие, сердечность, необычайную душевную щедрость и доброту…

Поэтому рассказ о Пеле мне хочется начать с нескольких отрывков, взятых из этой пленки. Пусть Пеле сам рассказывает о себе. А там, где он по скромности или забывчивости будет что-либо упускать или умалчивать, можно будет дополнить его рассказ сведениями, почерпнутыми у его друзей. И не только друзей, но и у тех, кто его видел лишь с трибун стадионов, но все равно считает его своим близким человеком. Потому что для каждого бразильца Пеле — это что-то свое, бесконечно дорогое. Это символ родины, воплощение лучших качеств своего народа.

Итак, предоставим слово Пеле:

> «Я родился в маленьком селении „Трес корасоэс“ — „Три сердца“ в штате Минас-Жерайс 23 октября 1940 года. Отец мой — его зовут Дондиньо — был в молодости профессиональным футболистом. Мать никогда не работала. Детство мое было такое же бесхитростное и хорошее, как у всех детей в простых бедных семьях: мы играли во всевозможные игры, но больше всего, конечно же, гоняли футбольный мяч. Правда, его трудно было назвать футбольным, тот мяч, которым я

играл в детстве! Это был мяч из бумаги или из тряпок, из соломы или еще из чего-нибудь. А иногда мячом служил простой мандарин…

Впервые начал играть в команде, которая имела название, в семь лет. Это была команда „7 сентября“ в городке Бауру, куда мы переехали всей семьей. К сожалению, в той же команде я испытал и первое жестокое разочарование в своей жизни. Меня пригласили участвовать в настоящем турнире, но я не смог: у меня не было бутсов, а мои родители не имели денег, чтобы их купить… Так я и не участвовал в том первом турнире…

Когда я поступил в колледж, пришлось сократить часы, отведенные футболу: с двух до пяти дня я должен был сидеть за партой. Но остальное время почти все — с утра до полудня и с полшестого до восьми — продолжал гонять мяч.

Там же, в Бауру, родилась моя кличка, ставшая моим вторым именем, — Пеле. Ее происхождения никто не знает. Говорят, что в команде отца был вратарь Биле и я вроде бы пытался ему подражать. Но это все догадки…

Мне всегда нравилось играть в футбол, но, по правде говоря, я отнюдь не стремился стать звездой футбола. Я мечтал выучиться пилотировать самолеты: у нас, в Бауру, неподалеку от дома, был аэродром, и мы бешено завидовали летчикам…

Еще в детстве я любил плавать, хотя никогда не занимался плаванием профессионально: речушка в Бауру была не из полноводных. Метр шириной, полметра глубиной…»

Там, в Бауру, прошли детство и юность Пеле. Там он начал играть в дворовых командах, там стал тренироваться в детской команде местного футбольного клуба, где он с 13 до 15 лет был постоянным «артиллейро» — лучшим форвардом, забивавшим наибольшее количество голов. Отец не мог нарадоваться на своего сына. А мать горестно качала головой. Особенно обострились споры, когда один из приятелей отца предложил отвезти мальчишку в Сантос и показать тамошним тренерам. Несмотря на протесты матери, отец принял решение отправить сына на поиски футбольного счастья… Эдсон приехал в город Сантос, приятель отца привел его на «Вила Бельмиро», стадион легендарного «Сантоса» — лучшей футбольной команды Бразилии…

> «Я жил в Сантосе в одной комнате с игроком Васконселосом. Почти не выходил на улицу. Плакал, тосковал, хотел вернуться домой. Однажды даже сбежал ночью, но меня поймал и привел обратно один из служителей клуба… После первой же тренировки со мной заключили контракт. Первый контракт в моей жизни. Мне было тогда 16 лет, и я стал получать пять тысяч „старых“ крузейро в месяц. Большие деньги по тем временам… Половину стал отсылать матери, две тысячи платил за пансион, в котором жил, а пятьсот оставались на карманные расходы… Матери деньги я посылал с особым удовольствием: когда я там, в Бауру, бил мячом стекла, она, помню, ругалась, кричала на меня, и я успокаивал ее такими словами: „Не сердись, мама! Когда я подрасту, стану зарабатывать деньги, куплю тебе дом…“ „Как же! Дождешься! — сердилась мать. — Вон посмотри на отца: тоже обещал мне и дом, и

много чего еще. И вот, пожалуйста, полюбуйся: сидим нищие…“»

Так началась ослепительная футбольная карьера Пеле, приведшая его на пьедесталы почета на чемпионатах мира в Швеции, Чили и Мексике. Там, в «Сантосе», Пеле забил первый из тысячи голов, забитых им за полтора десятилетия профессионального футбола.

Армандо Ногейра, спортивный редактор «Жорнал до Бразил», попросил однажды Пеле рассказать о том, что по его мнению, является самым главным из его детского опыта. Чему он научился в детстве? Каким образом смог он достичь без серьезной помощи тренеров такого уровня мастерства, что оказался, будучи еще мальчишкой, принятым в профессиональный клуб, один из лучших в стране?

Вот что ответил Пеле на этот вопрос: «Главное, чему я научился в детстве, — это дриблинг на ходу, на скорости. Водиться и обыгрывать друг друга любят и умеют все ребята. Но при этом часто забывают, что главное — не просто обвести противника, а сделать это на скорости, выигрывая пространство, наступая. С детства я инстинктивно почувствовал, что нужно стремиться добиваться исполнения всех финтов, любых самых сложных технических приемов в самое короткое время… Пожалуй, именно это я считаю главным, основным в обучении детей футболу…»

Когда он уехал в свой первый отпуск в Бауру, чтобы навестить мать, отца и сестер, он был уже признанным мастером футбола, хотя со дня его отъезда в Сантос прошло около полутора лет. Там же, в Бауру, по радио он услышал о том, что его зачислили в состав сборной страны, отправляющейся на чемпионат мира в Швецию.

Первую игру на чемпионате мира он просидел на скамейке запасных. Вторую — тоже. Лишь на третью

игру под давлением журналистов, врача и ряда игроков тренер Феола согласился выпустить на поле запасных игроков: Гарринчу и Пеле… Это была игра с командой Советского Союза. Что он чувствовал тогда, в тот день, впервые выходя защищать спортивную честь своей страны в матче первенства мира?

«До сих пор, когда я выхожу на поле в составе „Сантоса“ или сборной в международном матче и слышу, как исполняется гимн моей страны, меня охватывает дрожь. А представьте себе 17-летнего парня, впервые вышедшего на поле в столь ответственном матче… Скажу одно… я всегда пою гимн, когда его исполняют перед началом матча. Но в тот раз не смог. Минут десять меня трясло. И лишь потом я смог успокоиться…»

А свой первый гол в чемпионатах мира Пеле забил в матче против сборной Уэльса. Десять лет спустя — в 1968 году — он сказал мне, что продолжает считать этот гол самым памятным, самым важным, а может быть, и самым красивым в своей футбольной биографии.

После этого я не мог успокоиться до тех пор, пока не разыскал пленку с записью этого действительно поразительного гола: Пеле получил мяч от Диди, находясь метрах в одиннадцати от ворот в окружении защитников. Он обыграл их двумя молниеносными финтами и послал мяч в правый нижний угол. Этот гол решил судьбу матча. Потому что он был очень трудным, и счет не был открыт. Любая случайность могла бы привести к поражению, к крушению всех надежд… Можно представить себе эмоции 17-летнего парня в эту минуту! Во всяком случае, кинопленка бесстрастно зафиксировала, что он бросился в ворота, схватил мяч и начал его целовать. А сзади налетела вся команда, образовав кучу-малу. Красота гола усугублялась еще и тем обстоятельством, что в момент приема мяча Пеле

находился спиной к воротам. О чем он подумал в эту минуту? Как он умудрился «спланировать» каскад стремительных финтов?

Гол в ворота Уэльса (1958 г.)

«В тот момент, когда я получил мяч, я, пожалуй, уже ни о чем не думал. Я исполнял то, что обдумал раньше. На поле игрок должен думать до того, как он принимает мяч. Тот же, кто размышляет, что ему делать с мячом тогда, когда мяч находится у него в ногах, не может быть хорошим нападающим… Поэтому-то я всегда стремлюсь обдумать два-три варианта дальнейшего продолжения игры еще до того, как мои партнеры передадут мне мяч…»

Через четыре года на первенстве мира в Чили Пеле получил одну из самых тяжелых травм, которая надолго вывела его из строя. В этом эпизоде проявился дух товарищества, дружбы, свойственной «золотой» бразильской сборной:

> «Я ушел в том несчастном матче в раздевалку угнетенным, я плакал, потому что не мог видеть, как товарищи вынуждены продолжать игру вдесятером против одиннадцати… Я стал умолять доктора Гослинга, чтобы он мне сделал обезболивающий укол, и я смог бы тогда выйти на поле. Доктор наотрез отказался сделать это…
>
> После матча ко мне в больницу приехали ребята: Загало, Гарринча, Белини. Они смеялись, успокаивали меня: „Да брось ты плакать! Не вешай носа! Мы выиграем это первенство специально для тебя…“»

И они действительно выиграли Кубок мира во второй раз.

После этой сенсации во всем мире с новой силой вспыхнули споры о преимуществах артистического латиноамериканского футбола перед «грубым», «силовым» европейским. Что думает Пеле по этому поводу?

> «Футболисты Европы больше нас уделяют внимание защитным схемам, они страдают боязнью пропустить гол. Особенно сильно заметно это у итальянцев и немцев. Все эти защитные схемы, при которых команда из боязни поражения оттягивает в защиту до девяти человек, оставляя впереди двух-трех, вредят футболу, лишают его красоты. Я думаю,

что в этом со мной согласятся все любители футбола… Сегодня профессиональный футбол, к сожалению, перестал быть искусством и стал коммерцией. Чтобы он вновь вернулся к искусству, стал радостным спектаклем, как это было раньше, нужно изменить мировоззрение тех, кто слишком много печется об очках и местах в таблицах, о защите своих ворот любой ценой… Ну, а чтобы воспрепятствовать дальнейшему распространению грубостей на футбольных полях, следовало бы, по-моему, ввести в футболе баскетбольное правило: удаление провинившегося игрока после пяти ошибок…»

В 1966 году бразильская торсида испытала жестокое разочарование. Поражение на чемпионате мира долгое время объяснялось «заговором» судей, закулисными маневрами ФИФА, желавшей угодить создателям футбола — англичанам.

Прошли долгие месяцы, прежде чем руководители бразильского футбола смогли трезво оценить причины поражения, чтобы извлечь необходимые, хотя и горькие уроки для очередной схватки в Мехико. А Пеле не верил ни в заговоры, ни в махинации. Пеле воспринял поражение как настоящий спортсмен.

«Прежде всего у нас были серьезные проблемы с руководством сборной команды, о которых мне по этическим соображениям не хотелось бы говорить, — отвечает он с присущей ему деликатностью. — Но главное — это то, что у нас фактически не было одиннадцати „титуларес“. Была делегация футболистов, но никто не знал, будет ли он играть или нет. Хромала и физическая, и

психологическая подготовка: болельщики и пресса считали победу в Лондоне практически обеспеченной, а игроки, наоборот, чувствовали неуверенность в своих силах... В 1958 году каждый рвался в бой, мечтал о том, чтобы его поставили в основной состав. А в 1966 году многие, словно предчувствуя поражение и боясь ответственности, старались остаться на скамейке запасных».

Многие интересуются, сталкивался ли когда-либо Пеле с расовой дискриминацией по отношению к себе. Ведь «Сантос» чуть ли не каждый год посещает США! В 1968 году Пеле ответил мне, что никогда не испытывал расовой дискриминации ни в США, ни в других странах.

«Однажды, правда, меня пригласили на какой-то банкет или прием в Нью-Йорке. Вероятно, это было сделано с целью продемонстрировать, так сказать, „образцово-показательного черного“. Я сказал, что приму приглашение только в том случае, если вместе со мной будут приглашены и все остальные мои товарищи по команде: „белые и черные“... После этого разговор о моем приглашении не возобновлялся... А вообще-то я никогда, даже в США, не испытывал на себе расовой дискриминации».

Спустя два или три месяца после этого разговора «Сантос» вновь отправился в США. Во время этой поездки произошел следующий случай: в Бостоне в отель, где остановились футболисты, позвонили неизвестные лица и пригрозили, что если бразильский «черный» Пеле не уберется из города, его прикончат. Руководители делегации не сказали об этом Эдсону, но

«Сантос» ездил из отеля на стадион и обратно под охраной полицейских патрулей…

Однако поговорим немного о Пеле-человеке, о его жизни вне футбольного поля, о его семье.

В 1966 году Пеле женился. И вскоре после свадьбы один из его друзей-журналистов поинтересовался, почему Пеле никогда раньше не показывался, как говорится, на людях со своей невестой. В ответе Эдсона нельзя не почувствовать удивительную душевную чуткость этого человека. И его умение ценить хорошую шутку:

Пеле и Розе-Мери

«У меня были разные подружки, но… разве мог бы я пройтись по улице с какой-либо девушкой без того, чтобы она завтра же не появилась во всех газетах как моя возлюбленная, как невеста, как подруга Пеле!.. Представляете себе: шумиха, фотографии!.. И она, эта девушка, осталась бы с этим клеймом „подруга Пеле“ на всю жизнь. И потом у нее могли бы возникнуть трудности, если бы она захотела познакомиться с другим парнем, выйти замуж. Эта кличка осложнила бы ей жизнь… И поэтому я никогда не показывался с девушками, никогда не говорил ни с кем о моих подругах… Также было с Розе-Мери. Я был знаком с ней до свадьбы около шести лет, но, пока мы не решили пожениться, пока не договорились об этом с ее родителями, никто не подозревал о том, что у меня есть невеста. Ведь если бы эта помолвка расстроилась, она осталась бы на всю жизнь „невестой Пеле“…

А познакомились мы с ней на баскетбольном матче, причем она болела за „Коринтианс“, а я, естественно, за „Сантос“. На следующий день я должен был играть против „Коринтианса“, и она попросила меня не забивать гол в ворота ее команды… Так и началось наше знакомство. Потом пришло время говорить с ее отцом: просить руки его дочери. Это было чертовски трудно, и у меня было маловато мужества для того, чтобы поговорить об этом с ним у него дома. Ну… и я решил с ним говорить, когда мы были на охоте… И он сказал мне: „Да“. Еще бы! Ведь мы были один на один, в лесу, с ружьями в руках… Самый что ни на есть мужской разговор! Что ему еще оставалось делать, спрашивается!

Разумеется, он сказал: „Хорошо, хорошо, Согласен! Бери мою Розе-Мери в жены…“»

Разговор с Пеле будет неполным, если мы не упомянем о том, что, как и все профессионалы футбола, он стремится сколотить к моменту окончания футбольной карьеры хоть маленькое состояние. У него дочь и сын. И он не хочет голодать в старости. Поэтому он, как и большинство его коллег, старается найти заработанным деньгам какое-то применение. Он купил небольшую мастерскую санитарно-технического оборудования «Санитария сантиста» с магазином при ней, но она чуть не разорила его. И он продал ее. В пригороде Сан-Паулу Санто-Андре он завел небольшую фабрику резиновых изделий на паях с Зито. Купил кое-какие акции. И обзавелся фазендой неподалеку от Сан-Паулу. Впрочем, с точки зрения обеспечения своей старости Пеле всегда имеет одну, более чем стопроцентную возможность: ему достаточно подписать контракт с каким-либо богатым европейским клубом, и он будет обеспечен деньгами до конца дней своих. Ведь так поступили многие из его товарищей, в том числе герой шведского чемпионата Вава, герой чилийского чемпионата Амарилдо… Почему же он до сих пор не последовал их примеру?

Пеле в семье

«Видите ли, деньги — это еще не все в нашей жизни... Я отлично чувствую себя в Бразилии и не собираюсь покидать мою родину. Потому что здесь мой дом, моя семьи... А деньги... Нет, дело не в них. Если бы дело было в деньгах, я давно бы уже должен был уехать: ведь мне делались миллионные приглашения и в ФРГ, и в Италии, и в Испании. Однажды даже намекали на миллион долларов в США, если я соглашусь поехать в эту страну...

Представляете: миллион долларов! Но разве эти деньги принесли бы мне счастье?»

Так говорит Пеле, человек, чье имя вот уже пятнадцать лет окружено ореолом заслуженного почета и честно заработанной славы.

Стали изустными легендами, передаваемыми в Бразилии от отцов к детям, рассказы о его лучших голах. О том, например, который он забил в 1959 году в ворота «Флуминенсе». Получив мяч из рук вратаря «Сантоса» Жилмара в своей штрафной площадке, Пеле прошел с ним через все поле, обыграв почти всю команду противника — от центрального нападающего до вратаря, и забил мяч в сетку оставшихся пустыми ворот…

Или о том, который был забит им в ворота «Жувентуса», когда Пеле, получив высокий пас в штрафной площадке противника, обыграл четырех защитников и вратаря… Обыграл каскадом изящных финтов, и при этом мяч ни разу не коснулся земли!

Пеле и дети

«Человек, который забивает такие голы, имеет право на бессмертие», — утверждают бразильцы.

Тысячи больших и маленьких, помпезных и скромных манифестаций любви и преданности

сопровождают Пеле по всем городам Бразилии и мира. Однажды, когда он играл в Порту-Алегри, столице бразильского штата Рио-Гранде-ду-Сул — а матч проходил в день его рождения! — он получил самый сладкий подарок в своей жизни: перед началом матча на поле был вывезен грандиозный торт весом... в четыреста (!) килограммов. Весь стадион встал и пел поздравительную песенку в тот момент, когда Пеле в наступившей темноте (были отключены прожекторы) гасил двадцать восемь свечей. В перерыве матча торт был съеден болельщиками за пять минут…

Ну, а какую из всех этих манифестаций уважения и любви сам Пеле считает самой «горячей»?

> «Пожалуй, это было несколько лет назад в Перу. Тот матч ничем не отличался от обычного. В первом тайме мы выигрывали 3:0, и тренер предложил мне отдохнуть... Я встал под душ, команда ушла без меня — продолжать игру, и вдруг спустя несколько минут в раздевалку вбегает взволнованный работник стадиона и кричит мне, чтобы я немедленно переоделся — на мне уже был обычный костюм — и снова вышел на поле. Оказывается, торсида, заметив мое отсутствие, начала разгром стадиона. Болельщики поджигали подушки, которые им выдавались вместе с билетами, чтобы сидеть на деревянных скамьях трибун, и швыряли их на поле. Возникла угроза пожара, матч прекратился, я вынужден был снова выйти на поле…»

Вскоре после того, как Пеле рассказал мне об этом эпизоде, произошел еще более невероятный, поистине уникальный случай. Дело было в Колумбии. «Сантос» играл с одной из местных команд, судья был колумбиец.

Уже в первом тайме он стал изо всех сил помогать своим соотечественникам: не дал пенальти за снос Пеле, засчитал гол, забитый в ворота «Сантоса» из офсайда... К началу второго тайма обстановка накалилась. При счете 1:1 судья выгнал с поля Пеле, осмелившегося выразить недовольство очередным ляпсусом арбитра. И тут произошло то, чего никогда еще не знала история футбола: болельщики возмутились, колумбийские болельщики ополчились против своего же, колумбийского, судьи, подсуживавшего колумбийской команде против «чужаков». Начался скандал, вспыхнули драки... на трибунах раздался возмущенный вопль: «Мы платим свои деньги, чтобы видеть на поле Пеле, а не этого паяца-судью!» В несчастного арбитра полетели яблоки, бутылки, камни...

Пеле покалечен (1966 г.)

Короче говоря, дело закончилось тем, что, повторяем — впервые в истории футбола — с поля был удален... судья. Его сменил один из помощников, взявший в руки свисток вместо флажка... Первым же решением нового судьи было требование о возврате на поле Пеле, который вернулся, сопровождаемый бурей оваций. Матч был продолжен, Пеле забил свой «обязательный» гол, «Сантос» выиграл 3:1, болельщики остались довольны.

Не только за рубежом, но и в своей стране «королю» воздаются королевские почести. Газеты постоянно информируют читателей о самочувствии Его Величества, о состоянии его левого колена, об упражнениях на предматчевой тренировке и о меню «королевской» трапезы. И все же в Бразилии он окружен атмосферой братской любви, а не слепого, почти религиозного поклонения, как за рубежом. У себя дома «Король» любим, почитаем, но ошибок ему не прощают, за слабо проведенные матчи критикуют весьма безжалостно. Как-то мне довелось присутствовать на одном из редких матчей, проигранных «Сантосом», среди «сантистов», которые кляли Пеле на чем свет стоит. И это было чертовски несправедливо! Потому что не было в бразильском — да, вероятно, и в мировом — футболе игрока, более загруженного, более нещадно эксплуатируемого, чем Пеле. По мнению доктора Гослинга, в разгаре сезона он просто-напросто не успевал восстанавливать свои силы в кратких интервалах между матчами. И при этом ему приходится играть в куда более трудных условиях, чем любому другому игроку «Сантоса» или сборной. Ведь за Пеле защитники следят во все глаза! И не только следят. Вспомните, например, безобразные сцены

«охоты», учиненной за ним хулиганствующими португальскими защитниками на чемпионате мира в Англии!

Да, когда видишь Пеле на пьедесталах почета в ярком свете прожекторов, купающегося в оглушительном шквале оваций, трудно, конечно, помнить о том, что спортивная биография лучшего футболиста мира меньше всего напоминает карьеру какой-нибудь ослепительной голливудской кинозвезды, порхающей от одной победы к другой… Однажды я спустился в раздевалку «Мараканы» после матча, выигранного «Сантосом» со счетом 2:0. На трибунах еще не успели смолкнуть овации, которыми торсида провожала Пеле, а он лежал на скамье с закрытыми глазами.

— Я очень устал, — сказал он печально. — Устал прямо-таки зверски…

И репортеры, суетящиеся вокруг «Короля», поняли, что Пеле имеет в виду не только что закончившийся матч.

— Мы уже привыкли отдыхать играя, — горько усмехнулся он. — Научились отдыхать на поле. Потому что за его пределами времени для отдыха у нас нет…

Рассказ о Пеле будет неполным, если не упомянуть о его не совсем обычном хобби, которому он отводит редкие свободные от футбола и деловых забот минуты: Пеле сочиняет песни! И, по-моему, неплохие. Во всяком случае, две из них уже были записаны на пластинки певцами Уилсоном Симоналом и Жанром Родригесом. Во время нескончаемых разъездов и «концентраций» «Сантоса» и сборной Пеле никогда не расстается с гитарой, и его музыкальные упражнения служат постоянным объектом шуток и розыгрышей со стороны друзей.

Другое хобби «Короля» неожиданно превратилось в дополнительный и весьма прибыльный источник его

доходов: речь идет о его страсти к театральному искусству. Несколько лет назад телестанция «Экселсиор» в Сан-Паулу заключила с Пеле контракт, по которому он был привлечен к съемкам телевизионного фильма на одну из главных ролей. Каждый понедельник (день отдыха для футболистов «Сантоса») «Король» приезжал в Сан-Паулу и перевоплощался в писателя научно-фантастических и полицейских романов, которому приходится сталкиваться с героями своих романов, когда на землю прибывает космический корабль с другой планеты. По ходу дела, как того требуют святые традиции бразильского телевидения, Пеле приходилось прыгать через пропасти, совершать воздушные сальто-мортале на вертолетах и парашютах, преследовать бандитов в океанских глубинах и стратосфере, сворачивать челюсти своим многочисленным противникам и спасать представительниц слабого пола от всевозможных посягательств на их жизнь и честь.

Пеле — герой телефильма

Впрочем, в отношении последнего пункта создатели этой феерической телеэпопеи столкнулись с весьма серьезными трудностями: супруга Пеле Розе-Мери, дав согласие на участие мужа в съемках, поставила категорическое условие: никаких «сильных» сцен с полураздетыми красотками! Продюсеры были не очень довольны, но старались не роптать, зная решительный нрав Розе-Мери. Как-то раз она безжалостно разрушила не менее грандиозную идею какого-то зарубежного рыцаря кинокамеры, вознамерившегося снять ленту о

любовных похождениях с участием Брижит Бардо и Пеле.

Главной положительной стороной участия Пеле в телефильме явился тот факт, что едва ли не впервые негр появился на экране телевидения не в привычном амплуа шута, бандита, чистильщика ботинок или морально неполноценного существа, а в облике героя ловкого, умного, обаятельного борца, защитника обиженных. В контракте было специально оговорено, что Пеле будет исполнять только такие роли. И что все телефильмы с его участием должны нести в себе идеи добра, справедливости, защиты человеческого достоинства. Именно этим характеризуется и следующая кинематографическая работа Пеле — главная роль в кинофильме «Марш», снятом в 1971 году, где он исполняет роль предводителя негров-рабов, восставших в средневековой феодальной Бразилии против расового и социального угнетения. Эта роль является пока его лучшей работой в кино.

Ну, а на футбольном поле кульминацией творческого пути «Короля» явилось его блистательное выступление на чемпионате мира в Мексике. Об этом будет сказано подробнее в главе «Шесть шагов к „Золотой богине“», а пока замечу только, что именно Пеле был признан главным героем чемпионата, лидером бразильской команды, лучшим игроком этого выдающегося турнира.

Вскоре после окончания чемпионата редакция журнала «Маншете» задумала осуществить необычную пресс-конференцию, названную «Пеле перед судом планеты». Редакция обратилась к крупнейшим политическим деятелям, ученым, артистам, журналистам разных стран мира с призывом задать Пеле любые интересующие их вопросы. Отказов не последовало. Все приглашенные прислали в редакцию свои вопросы к Пеле.

Небезызвестный американский футуролог Герман Канн решил выяснить, что такое футбол? Что он собой представляет? Чем он является для самого Пеле и вообще для молодежи разных стран мира?

— Для меня футбол представляет все, чем я живу, — ответил Пеле. — Ибо всем, что я имею, чего я добился в жизни, я обязан ему. Ну, а вообще-то футбол — самый массовый, любимый и увлекательный вид спорта. А для многих людей он является не только спортом, но и настоящей жизненной школой.

Жак Ферран, редактор французской газеты «Экип», словно углубляя дилетантский вопрос Германа Канна, поинтересовался: почему, собственно говоря, футбол является самым популярным видом спорта на нашей планете? И в самом деле — почему?

Ответ Пеле был до гениальности прост и в простоте своей — гениален.

— Я думаю, — сказал Пеле, — что футбол стал столь популярным потому, что он… самый дешевый вид спорта! Ведь беднякам не нужно платить деньги для того, чтобы научиться играть в футбол.

Соотечественник Феррана — Жан Эшкенази, корреспондент «Франс-Суар», решил выяснить у Пеле, считает он футбол простым или сложным видом спорта?

Не без юмора Пеле ответил:

— Футбол, конечно, сложен! Еще бы: ведь мы играем ногами, а думать-то нам приходится головой!

Постепенно от абстрактных рассуждений о футболе участники этой своеобразной пресс-конференции перешли к более частным проблемам. Тот же Эшкенази задал весьма деловой вопрос: «Что необходимо предпринять европейским командам, чтобы победить сборную Бразилии?»

На этот конкретный вопрос Пеле дал конкретный и ясный ответ:

— Это очень просто: нужно забить в наши ворота больше голов, чем сможем это сделать мы. И все. Правда, — ухмыльнулся Пеле, — европейцам иногда бывает трудновато этого добиться, потому что многие из ваших команд почему-то предпочитают играть в обороне.

Коллега Пеле — знаменитый нападающий сборной ФРГ Герд Мюллер, ставший с 13 голами лучшим «бомбардиром» мексиканского чемпионата мира, поинтересовался, кого из вратарей считает Пеле лучшим в мире? Ведь Пеле является в этой области одним из самых неоспоримых авторитетов: за почти полтора десятка лет своей футбольной биографии он сыграл более тысячи матчей в десятках стран мира!

— Да, я встречался с выдающимися вратарями, — отвечает Пеле. — И лучшими из них считаю троих: нашего Жилмара, русского Яшина и уругвайца Мазуркевича.

Обозреватель «Франс-футбол» Жан Ретакер захотел выяснить, какой матч Пеле считает самым важным, самым памятным в своей долгой спортивной жизни.

— Трудно ответить, трудно выделить какой-то один матч, — говорит Пеле. — Когда задумываешься над этим, то вспоминаются встречи на чемпионате мира в Швеции с командами Уэльса, Франции и Швеции, матч с «Бенфикой», который «Сантос» выиграл в Лиссабоне с разгромным счетом, матч на «Маракане», где я забил свой тысячный гол, и другие, не говоря уже об играх последнего чемпионата мира в Мексике.

Следующий вопрос задал бывший наставник Пеле Висенте Феола.

— Как ты считаешь, — спросил он, — изменился ли футбол с 1958 года? И если изменился, то как? Почувствовал ли ты сам на себе эти перемены?

— Да, конечно, — ответил Пеле. — В 1958 году мы чувствовали себя на поле более свободно.

Складывается впечатление, что нападающие раньше имели больше площади поля для игры, для осуществления своих замыслов. Сегодня же команды строят свои «боевые порядки» таким образом, что нам почти не остается пространства для игры, для нашей работы. Раньше я мог, овладев мячом, обыгрывать соперников одного другим, доходя иной раз вплоть до ворот. Сегодня препятствия возросли, дорога к воротам противника стала куда более трудной, и уже невозможно играть в одиночку. Поэтому я считаю, что роль коллективных усилий в футболе значительно возросла.

Преемник Феолы на посту тренера сборной Бразилии, руководивший Пеле и его товарищами на первенстве мира 1962 года в Чили, Айморе Морейра попросил Пеле рассказать о главных факторах, обусловивших победу в Мексике. Вот что ответил Пеле:

— Во-первых, наша физическая подготовка, во-вторых спокойствие Загало, его уверенность в своих силах и, в-третьих, наше желание победить, единение всех игроков для достижения этого.

Альфредо ди Стефано, знаменитый испанский футболист, спросил Пеле, что он чаще всего вспоминает, когда думает о своем пути в футболе, о своей долгой футбольной жизни:

— Пожалуй, чаще всего я вспоминаю свое детство. Времена, которые никогда не вернутся: те далекие годы, когда мы гоняли мяч на улице Бауру, маленького городка, где я рос. Вспоминаю тот радостный и чистый футбол, который был для меня только удовольствием и ничем больше.

А известнейший автогонщик, неоднократный чемпион мира Хуан Мануэль Фанхио из Аргентины поинтересовался следующей проблемой:

— Как профессионал, зарабатывающий свой хлеб футболом, и как человек, достигший вершин славы,

чему вы, Пеле, придаете в спорте основное значение: моральному фактору или материальному вознаграждению за победу?

— Моральное удовлетворение всегда важнее, — сказал Пеле. — И вы, Хуан, сами хорошо знаете это…

Пришел черед задать свой вопрос и Жоао Авеланжу, президенту Бразильской конфедерации спорта:

— Пеле! Можем ли мы рассчитывать на вас в 1974 году в Мюнхене?

— Я постараюсь помочь нашей команде любыми возможными средствами.

— В таком случае, если вы не сможете играть в сборной, мы все равно привлечем вас к подготовке команды, учитывая ваши знания и ваш замечательный опыт.

— Договорились, — ответил Пеле. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь моей стране.

Но не только о футболе спрашивали Пеле мировые знаменитости. Известный португальский юморист Раул Солнадо захотел выяснить, попадал ли когда-либо «Король» футбола в комические ситуации?

— Случалось… — ответил Пеле. — И, вероятно, самой веселой из них оказалась ситуация, сложившаяся в 1958 году на аэродроме Лиссабона, где сделал посадку самолет, на котором мы возвращались из Швеции в Бразилию, только что завоевав звание чемпионов. Когда мы стали выходить из самолета, то окружившая нас толпа схватила на руки первого же негра, показавшегося на трапе — это был Ассиз, ведавший хранением спортивного инвентаря, — и понесла его по полю под звуки оркестра, торжественно провозглашая: «Да здравствует Пеле!»

В пресс-конференции участвовала и Жозефина Бекер, известнейшая негритянская певица и общественная деятельница.

— Пеле, вы недавно обратились с призывом помогать детям бедняков, не правда ли? Не боитесь ли вы, что это несколько повредит вашей популярности в глазах тех, кто не принадлежит к числу бедных?

— Прежде всего, — говорит Пеле, — я не верю, что мой призыв помогать детям бедняков сможет уронить мой престиж в чьих бы то ни было глазах. Этот призыв очень важен для меня, ибо он выразил то, что я думаю и чувствую, и то, что вы сами, Жозефина Бекер, думаете и чувствуете, когда пытаетесь помогать этим несчастным. Что касается методов и путей для достижения этой цели, то я пытаюсь создать «фонд Пеле», который будет организован на мои пожертвования и с помощью многих моих друзей, всех тех людей, которые откликнутся на этот призыв[2]. Средства этого фонда будут расходоваться на помощь детям бедняков, на создание им лучших материальных условий, на учебу и т. п.

Аргентинский футболист Марзолини, узнав, что Пеле снимался в одной из теленовелл, обратился к нему с таким вопросом:

— Зачем, собственно говоря, вам, Пеле, при всей вашей популярности и при занятости футболом понадобилось еще и это? Было это сделано из-за денег или вы чувствуете артистическое призвание?

— Я работал на телевидении из любопытства, — сказал Пеле, — мне понравилось. И я считаю, что никакая возможность расширить и обогатить нашу деятельность не должна быть потеряна. Особенно для нас, футболистов. Ведь когда-то для каждого из нас футбол кончается. И тогда нужно уметь что-то делать, кроме футбола. Мой опыт на телевидении продолжался около года. Я не жалею о нем.

Знаменитый французский шансонье Морис Шевалье затронул другую область вне футбольной деятельности

Пеле.

— Вы, Пеле, — сказал Морис Шевалье, — выдающийся человек. Я снимаю шляпу перед вами, как перед всеми людьми, которые умеют, подобно вам, вкладывать все силы в дело, которому они посвящают себя. Я узнал, что вы, помимо футбола, поете. И думаю, что раз вы это делаете, значит, чувствуете себя уверенным в своих силах в этой сфере! Но сможете ли вы петь столь же хорошо, как играть в футбол?

— Во-первых, благодарю за слова «выдающийся человек», — отвечает Пеле. — Во-вторых, хочу пояснить, что не считаю себя таковым. Что касается моих певческих упражнений, то я никогда не претендовал и не собираюсь претендовать на лавры певца. Я — не певец. Я — композитор. Люблю сочинять песенки и напевать их иногда. Но все это — плод чистого вдохновения, ибо я совершенно не знаю музыкальной теории.

А известный французский модельер Пьер Карден задал головоломный вопрос, призывающий к элегантному светскому острословию.

Вот вопрос Кардена:

— Пеле! Если бы вы играли в футбол как политик, какова была бы ваша позиция в этой игре: правая, левая или центр?

— Я не разбираюсь в политике. Но если бы разбирался, то предпочел бы четвертую позицию: позицию честного человека, — ответил Пеле.

Последним задал ему вопрос президент ФИФА Стэнли Роуз:

— Считаете ли вы себя примером для бразильской молодежи? — спросил он.

Вот что ответил Роузу Пеле:

— Да, считаю, и это для меня большая честь. Мне кажется, что в какой-то степени я представляю образец, пример для молодежи всего мира. Но говорю

это отнюдь не из тщеславия. Я всегда стремился хорошо делать свое дело, я боролся за победу честно, всегда был искренним с людьми... И поскольку эти принципы помогли найти свой путь в жизни и добиться победы мне — простому бразильскому мальчишке, выросшему в семье бедняков, — я думаю, что они вполне могут помочь и другим юношам и девушкам из разных стран мира, ищущим свою дорогу в жизни, борющимся за свои победы, решающим свои проблемы.

...Вначале 1971 года Пеле объявил, что в матче со сборной Югославии на «Маракане» 18 июля 1971 года он в последний раз наденет желтую футболку сборной команды страны. Это решение вызвало во всем футбольном мире волну удивления. Бразилия была потрясена. Вихрь догадок, предположений, недоуменных вопросов и истерических заклинаний с просьбой: «ОСТАНЬСЯ, ПЕЛЕ!» захлестнул страницы газет. Никто не мог понять, что происходит. Никто не хотел поверить, что это правда… Что уходит из сборной человек, который стал ее символом и олицетворением. Который вписал в ее историю самые яркие и самые славные страницы.

103 матча провел к тому времени Пеле за сборную. Из 1085 голов, имевшихся на его счету к этому времени, 94 он забил, выступая в футболке СБД [3]. Никто из самых великих футболистов не мог похвастаться такими показателями. Лишь Бобби Чарльтон (106 матчей за национальную сборную с 1958 по 1970 год) и Билли Уайт (105 игр с 1946 по 1959 год) перешагнули рубеж ста игр за сборную, вместе с австрийцем Ханаппи и венгром Божиком, сыгравшими за свои национальные команды ровно по сотне матчей.

Когда прошло первое потрясение, вызванное заявлением Пеле, страна захотела узнать правду: почему Пеле уходит из сборной в расцвете сил, когда,

по единодушному мнению специалистов, он мог бы играть в ее составе еще три-четыре года, включая и чемпионат мира в Мюнхене?..

Ответ на этот вопрос был грустен и горек.

Многое сыграло свою роль, толкнув Пеле к принятию рокового решения. Усталость и обида. Семейные заботы и конфликт с чиновниками СБД. За пять лет, прошедших после свадьбы с Розе-Мери, Пеле смог провести в кругу семьи лишь несколько месяцев. Причиной тому не только нескончаемые футбольные вояжи, но и участие во всевозможных официальных мероприятиях, устраиваемых СБД или правительственными чиновниками. Став самым знаменитым бразильцем нашего времени, «Король» понял, сколь тяжела корона, сколь много вьется вокруг него любителей погреться в лучах его славы.

Усталость... Речь идет не только о физических перегрузках, вызванных обилием матчей, тренировок, переездов из одного города в другой, из страны в страну. В последние годы жизнь Пеле превратилась в пытку. В нескончаемое восхождение на Голгофу. В ежедневное, ежечасное испытание на прочность.

...Как-то раз я сидел у заведующего департаментом журналистики телестанции «Глобо» Армандо Ногейра, являющегося «по совместительству» одним из авторитетнейших футбольных обозревателей газеты «Жорнал до Бразил», где он вот уже более десяти лет ведет ежедневную колонку «В штрафной площадке». Мы с жаром обсуждали пенальти, назначенный во вчерашнем матче Армандо Маркесом в ворота «Ботафого». И наше единодушное убеждение в несправедливости этого решения было вполне закономерным, ибо и Ногейра, и я принадлежим к торсиде «Ботафого». В разгар спора в кабинет Армандо ввалился, именно ввалился, сопровождаемый постоянным хвостом репортеров и почитателей, Пеле.

Он приехал сюда, на «Глобо», сделать съемку коммерческой рекламы, если мне память не изменяет, батареек «Рой-о-вак».

Пеле пояснил, что заскочил к Армандо «на минуточку». Только затем чтобы приветствовать старого друга, а вообще-то у него «нет ни секунды» времени, и через двадцать минут он должен начать съемку, на которую у него отведен всего час. Помахав нам на прощание рукой, он быстрым шагом направился в гримерную, а мы с Армандо продолжили разговор. Минут через пятнадцать, прислушавшись к глухому рокоту, нарастающему где-то в коридоре, Армандо кивнул мне головой: «Пошли, посмотришь бесплатный спектакль…»

Мы вышли в коридор. Из артистической уборной в студию направлялся Пеле. Двигался. Перемещался… Ему нужно было пройти по коридору до студии, где его уже ждали камеры и операторы, какие-то три десятка метров. Может быть, даже меньше… Эти тридцать метров он преодолел за двадцать минут: его сопровождала гудящая, волнующаяся, наступающая ему на ноги, прижимающая его к стенам, толкающая, потная, истеричная толпа. Это, напоминаю, происходило не на улице, где Пеле вообще не может появиться в одиночку без риска быть растерзанным моментально вскипающим вокруг него водоворотом поклонников. Это было в стенах привыкшей к знаменитостям телестудии, отгороженной от улицы вахтерами и пропускной системой. Это было в коридоре, по которому ежедневно снуют звезды киноэкрана и королевы красоты, чемпионы кетча и обладатели «золотых грампластинок», чьи портреты не сходят с обложек «Маншете», «Крузейро» и «Реалидаде». Пеле давили и теснили гримерши и осветители, репортеры и буфетчицы телестудии. Ему заискивающе улыбались, пытаясь поймать его ответный взгляд, герои-любовники

теленовелл. Бросившие свои машинки и диктофоны секретарши кидали ему цветы. Мальчишки — разносчики кофе пытались хотя бы прикоснуться к серому пиджаку «Короля». Это было какое-то сумасшествие. И самым поразительным в этой сцене были спокойствие, невозмутимость и добродушие Пеле, его искреннее желание всех одарить улыбкой, никого не оставить без автографа или хотя бы крошечного знака внимания.

Вероятно, только фантастическая выносливость Пеле, его поистине железное здоровье, закаленное долгими годами режима и тренировок, помогали ему в последнее время выносить чудовищные перегрузки без видимых постороннему глазу последствий. Думаю, что любой другой на его месте не выдержал бы и месяца жизни, которую Пеле вел последние три-четыре года. Впрочем, посудите сами. Вот дословный перевод дневниковых записей одного из самых близких друзей Пеле Олдемарио Тогиньо — корреспондента «Жорнал до Бразил», освещающего спортивный путь «Короля» с самого начала — с первых шагов Пеле в… «Сантосе». В 1971 году Олдемарио решил сделать репортаж «Одна неделя из жизни Пеле». Он повсюду сопровождал его, описывая шаг за шагом трудовой день Пеле с утра до ночи. Вот что из этого получилось:

> «**Воскресенье**. Календарный матче „Гуарани“ в городе Кампинас (172 км от Сантоса) в рамках чемпионата штата. Прямо со стадиона Пеле едет в поселок Браганса Паулиста в 69 километрах от Кампинаса.
>
> **Понедельник**. 7 утра. Подготовка к съемкам фильма „Марш“, в котором Пеле играет главную роль. Гримирование, примерка костюмов, репетиции, в том числе верхом на лошади, в общей сложности несколько

километров, непрерывно до 14 часов. В 14.10 — обед. В 15.10 Пеле снова верхом на лошади.

Репетиции и съемки до 18 час. В 18.00 — короткий перерыв. Бутерброды, кофе, снова гримирование, репетиции до 2 часов ночи, когда режиссер приступает к съемке главной сцены фильма. Окончание съемки в 8.00 утра, уже во вторник.

Вторник. Пока Пеле спит, с 10 утра в особняке, где остановилась труппа фильма „Марш“, уже работают телеоператоры, готовящие одну из комнат дома к съемкам телерекламы с участием Пеле. Устанавливаются восемь телекамер, освещение и реквизит.

В 13.00 Пеле просыпается, проглатывает чашку кофе и начинает съемку для телевидения. Она заканчивается в 16.00, после чего в 16.30 Пеле садится в машину и едет в Сан-Паулу. Приезжает в Сан-Паулу в 19.00 и встречается с женой, после чего они садятся в другую машину, едут в Сантос (еще 70 км по горной дороге), где их уже ждут родственники и гости. Ужин затягивается до 2 часов ночи, когда Пеле уходит спать.

Среда. В 8.00 Пеле едет на аэродром, чтобы вылететь в Рио-де-Жанейро. Рейс опаздывает, и Пеле прибывает в Рио только в 13.00. В 14.00 — обед в ресторане отеля.

В 15.00 Пеле приезжает на стадион „Фламенго“, где он участвует в транслируемом на весь мир празднике детского футбола: в матче двух мальчишеских команд он выступает в качестве судьи. По окончании матча его полтора часа подряд интервьюируют корреспонденты радио, телевидения и газет. После этого Пеле уезжает на встречу с

директорами фирмы мужского платья „Дукал“ и участвует в съемках продукции этой фирмы — костюмов марки „Пеле“.

Съемки заканчиваются в 21.00, а в 22.00 Пеле уже ждут на совещании в банке „Кампина-Гранде“, в котором он является директором по „социальным связям“.

В 23.30 он ужинает с руководителями банка в одном из ресторанов Рио (кстати, чтобы не было никаких сомнений, подчеркну, что во время всех этих ужинов, приемов и встреч Пеле не берет в рот спиртного. Даже шампанского или легкого вина. Он вообще никогда в жизни не пил ни грамма алкоголя. — Примечание мое. — *И. Ф.).*

По окончании ужина Пеле возвращается в 3 часа утра в отель, где его поджидает бригада аргентинского телевидения с камерами и звукозаписывающей аппаратурой. Разве Пеле может кому-нибудь отказать? Он беседуете интервьюерами по-испански около часа, не забывая улыбаться в объективы камер, и уходит спать в 4.00 утра.

Четверг. В 7.00 утра Пеле приезжает в аэропорт, чтобы лететь в Сан-Паулу…»

«Тут я сдался… — пишет далее Олдемарио Тогиньо. — Я уже не мог! Прилетев в Сан-Паулу, Пеле должен был тут же выехать на машине в Сантос, где у него днем была назначена тренировка перед ближайшим матчем против „Коринтианса“… Я послал все к черту и отправился спать».

Отправился спать Олдемарио. А Пеле полетел в Сан-Паулу, оттуда поехал в Сантос на тренировку, после которой он должен был встретиться со своим адвокатом, готовившим новые контракты на будущие

съемки. И так далее, день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем…

«Ну хорошо, — скажет, возможно, кто-нибудь из читателей этой книги, — а кто виноват во всем этом, кроме самого Пеле? Кто его гонит сниматься в кино? Кто его заставляет участвовать в рекламных съемках для телевидения? Зачем ему нужно было связываться с этим банком „Кампина Гранде“? Стало быть, причиной всему этому — погоня за деньгами? Жажда наживы? Пеле стал рвачом? Принес свое высокое искусство в жертву коммерции, бизнесу, „золотому тельцу“?..»

Сказать так могут лишь те, кто видит только факты, лежащие на поверхности. Кто не хочет задуматься над всей сложностью положения профессионального спортсмена.

Так давайте подумаем вместе, читатель: так ли уж сильно виноват Пеле в том, что он вынужден продавать свое имя и свою славу? Не правильнее ли будет сказать, что это — не вина его, а беда? А вина тут не столько его, сколько всей этой социальной системы, лишающей человека спокойствия, возможности без сомнений, без мысли о завтрашнем дне, без страха беззаветно отдаться любимому делу, будь то футбол или проектирование станков, съемка кинофильма или сочинение стихов. Легко осудить Пеле. Гораздо труднее понять всю глубину драмы, переживаемой им и тысячами других профессиональных спортсменов, лишенных веры в завтрашний день.

Но довольно философствований! Вспомним, что речь у нас зашла о прощальном матче Пеле в составе национальной сборной, когда она встречалась 18 июля 1971 года с командой Югославии. Не буду подробно рассказывать о ходе этой встречи, учитывая, что она транслировалась на Европу и на нашу страну по телевидению.

Раздраженные решением Пеле, чиновники фактически саботировали прощание Пеле с бразильской торсидой. Задуманный пышный церемониал проводов «Короля» был неожиданно отменен. На трибуне почета «Мараканы», расцвеченной грустными транспарантами «Спасибо тебе, Пеле!», не было видно на сей раз ни генеральских мундиров, ни черных сюртуков дипломатов. Аристократический Рио бойкотировал матч. Зато дешевые места на трибунах заполнились тысячами незнатных торседорес.

Игра была нервной и трудной. Очень хотелось Пеле забить прощальный гол. Не получилось… Слишком цепко держали его югославы.

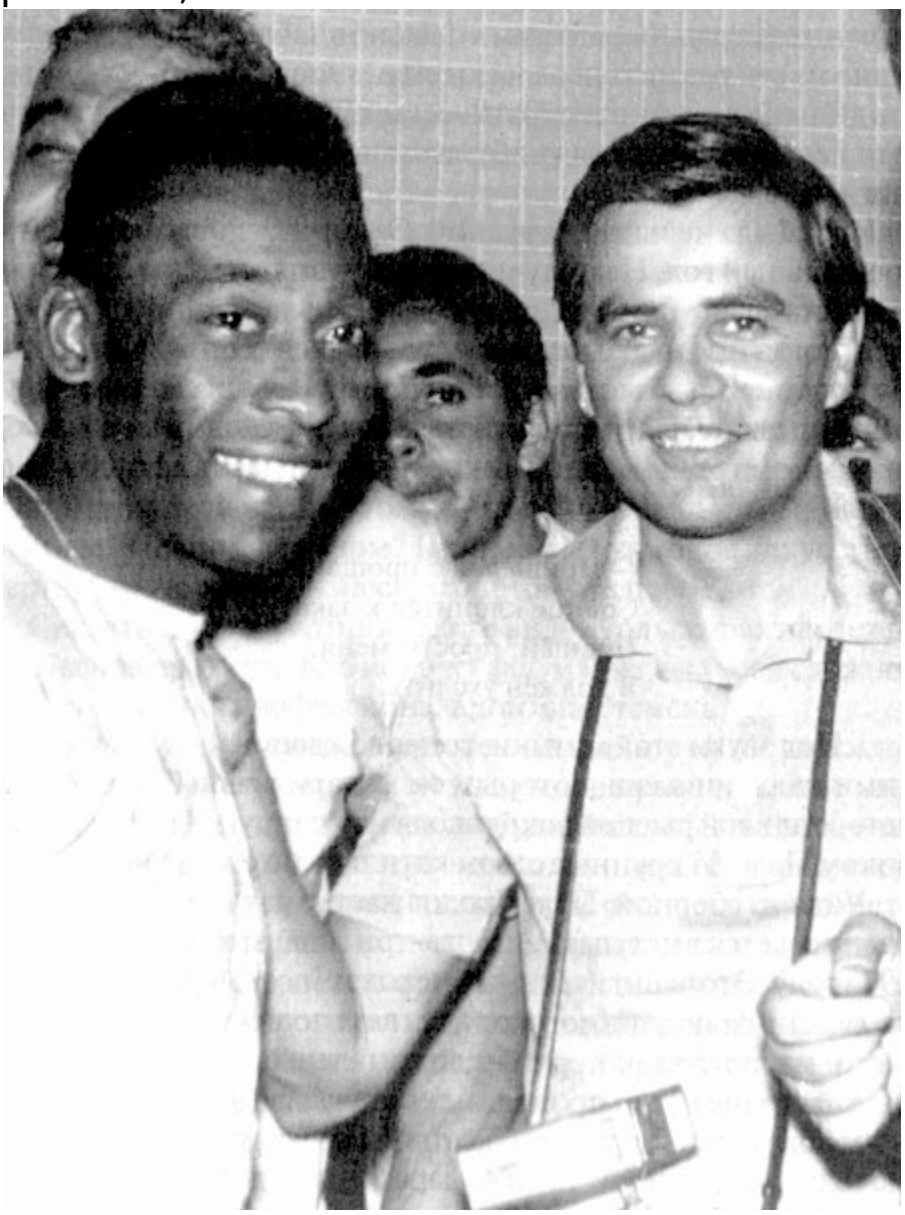
И когда прозвучал свисток судьи, десятки тысяч платков взметнулись над головами торседорес, вставших на ноги. Грустная прощальная мелодия зазвучала из установленных под козырьком трибуны динамиков. И слова песенки подхватил стадион:

— Пришел час прощанья,
Солнце клонится к закату,
Прощай, прости меня,
Я должен уходить.

…Под звуки этой музыки, сопровождаемый двумя маленькими мальчишками, которым он подарил свои бутсы, бежал неторопливой рысцой вокруг поля вдруг ощутивший себя стариком Пеле. И крупные слезы катились по его щекам…

Уйдя из сборной, Пеле продолжает играть в «Сантосе», где намеревается выступать еще два-три года, как он сам заявил в 1972 году. Этот удивительный человек, возвысивший футбол до вершины подлинного искусства и поднявшийся до таких высот мастерства, которых не достигал ни один футболист ни в одной

стране мира, продолжает оставаться все тем же скромным обаятельным парнем, который восхитил в 1958 году мир не только своими финтами и ударами, но и добродушием, простотой, сердечностью. Сейчас, находясь в зените славы, успеха и материального благополучия, считает ли он, что добился всего того, к чему стремился, о чем мечтал?



Пеле и автор книги на «Маракане» (1969 г.)

Когда я задал однажды ему этот вопрос, Пеле засмеялся и ответил, что, к сожалению, не сумел до сих пор осуществить свою самую заветную мечту: забить мяч в ворота соперников с центра поля тотчас же после свистка судьи о начале встречи.

Потом он посерьезнел, задумался и сказал:

— Видишь ли, мне кажется, что всего, о чем мечтаешь, добиться никогда невозможно. Потому что человек никогда не перестает мечтать, стремиться к чему-то, что еще не достигнуто, что еще впереди… Я мечтал научиться хорошо играть в футбол, и… — он засмеялся, — вроде бы получается немного. Правда, мне повезло, потому что я попал в руки хорошему тренеру, нашел друзей, играл в хорошей команде.

Я женился на девушке, которую любил и люблю. У нас родились дочь и сын. Кажется, лучшего и желать нельзя. Но все же я не могу сказать, что добился всего, к чему стремился. Мне еще нужно сделать самое главное: вырастить и воспитать моих детей. И когда они встанут на ноги, получат образование, начнут самостоятельную жизнь, только тогда я смогу сказать, что добился всего, о чем мечтал.

Когда писалась глава о Пеле, которую вы, уважаемый читатель, только что прочитали, «Король» еще продолжал играть, хотя уже и распрощался сначала со сборной, а потом и с бразильским футболом, уйдя доигрывать в американский клуб «Космос». На ниве бизнеса Пеле делал тогда первые, хотя и далеко не робкие шаги.

Сегодня, когда я готовлю к переизданию эту книгу, «Король» футбола готовится отметить свое 60-летие. Это будет 23 октября 2000 года. И думается, что теперь пришло время для более подробного рассказа об этом гениальном человеке (именно ЧЕЛОВЕКЕ, а не только ни с кем не сравнимом футболисте, оставившем самый

яркий след в истории мирового футбола). Ведь — давайте признаем — он стал одной из самых выдающихся фигур ушедшего XX века. Поэтому я решил предложить вашему вниманию еще один, более полный рассказ о нем, который можно назвать:

ПЕЛЕ, КОТОРОГО ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ

Писать о Пеле — дело чертовски трудное: о нем сказано, кажется, уже все. Ему посвящены сотни книг и тысячи статей, десятки фильмов и десятки тысяч телерепортажей. К этому потоку информации вроде бы и добавить-то нечего. И все же, все же... не без некоторой самонадеянности автор этих строк попытается теперь, в главе, написанной в 2000 году, показать читателю Пеле, которого вы не знаете. И о котором еще не слышали.

О РАЗМАХЕ ЕГО ПОПУЛЯРНОСТИ

известно всем. Весь мир обошла фотография Роберта Кеннеди, обнимающего в раздевалке «Мараканы» прямо под душем намыленного Пеле. Похожа на красивую легенду невыдуманная история о прекращении на одни сутки бушевавшей в Заире гражданской войны: соперники неистово захотели посмотреть матч с участием Пеле.

Посмотрели. И как только «Сантос» отбыл, война возобновилась…

В шестидесятых годах мировую прессу обошла история бедняка, который где-то «автостопом» на попутках (хотел бы я знать, что это были за «попутки»: верблюжьи караваны или грузовики с урожаем маиса?), а где-то безбилетным «зайцем» прошлепал через всю Африку из Кейптауна в Касабланку, чтобы попасть на матч с участием «Короля». (Нет, вы посмотрите на карту Африки и попробуйте себе представить, что это за подвиг: через джунгли и пустыни, через реки и горы — только ради того, чтобы попасть на футбол!)

А уже совсем недавно — в июле 1995 года другой африканский бедняк тоже, между прочим, «зайцем» в трюме американского сухогруза переправился через Атлантику и отправился пешком по Бразилии к «Королю Пеле» с просьбой помирить воюющих в Руанде тутси и хуту. Правда, тут вышел небольшой конфуз: беспаспортный и неграмотный африканский бродяга не знал, где искать благодетеля, не имел представления о том, что тот к тому времени стал уже министром и работал не в городе Сантосе, где когда-то играл в футбол, а в столице страны. Да и где находится эта столица, африканский посол доброй воли тоже не имел ни малейшего представления.

Короче говоря, его вскорости повязала местная полиция где-то в окрестностях порта Сантоса, где он высадился с судна.

Пеле и Роберт Кеннеди

На Украине в городе Луганске живет самый, пожалуй, фанатичный на территории бывшего СССР фанат Пеле. Зовут его Николай Худобин. В дошкольном возрасте он, не колеблясь, обменял свой новый велосипед на фотографию Пеле и Яшина. А затем начал собирать все, что имело отношение к «Королю».

Фотографии, марки, сувениры, значки. Эта страсть горит в нем уже около сорока лет. Он расходует на нее все свои силы, здоровье и, разумеется, средства. Но благодаря этой одержимости он сумел создать первый в мире частный музей Пеле и посвятил заботам об этом музее всю свою жизнь.

Один крошечный пример его фанатизма: ради того, чтобы получить автограф «Короля», он умудрился (во время последнего визита Пеле в Москву в 1997 году) прорваться через все пограничные и таможенные барьеры в уже готовый к отлету в шереметьевском аэропорту самолет, доступ на борт которого уже давно был закрыт. Из-за этого безумного рейда Николая через летное поле отлет лайнера был задержан, Пеле и его супруга получили шикарный букет, а коллекция Николая обогатилась еще несколькими сувенирами. И никто из рядовых и руководящих чиновников аэродромных служб Шереметьева так и не смогли понять, каким образом этот украинский парень, не имевший ни загранпаспорта, ни каких-либо иных документов, сумел совершить свой невероятный бросок к великому своему кумиру через все запретные, закрытые, секретные пограничные зоны.

«Я — Пеле» (обложка книги)

Известно о том, что одной из первых наград, которых был удостоен Пеле, стала медаль министерства просвещения Бразилии: тысячи мальчишек начали учиться грамоте только для того, чтобы прочесть его первую книгу, вышедшую после чемпионата мира 1958 года: «Я — Пеле».

Весьма красноречиво говорит о популярности Пеле и комическая сценка, свидетелем которой я был на «Маракане» в ноябре 1969 года по окончании футбольного матча между сборными Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, сыгранного специально для английской королевы, находившейся в тот момент с официальным визитом в Бразилии.

По тщательно разработанному сценарию по окончании матча Ее Королевское Величество вручала капитану команды-победительницы громадный Кубок. Принимал его, естественно, Пеле.

И, конечно же, сотни фотографов стремились запечатлеть сей исторический момент. И, как всегда в таких ситуациях, участники церемонии спешили, служба безопасности мешала, торсида свистела, местные чиновники лезли на первый план, стремясь не упустить возможности попасть в кадр рядом с «Королем» и королевой.

Уставшая от этого кавардака Ее Королевское Величество, сунув Пеле громадный Кубок, который чуть не выпал из ее слабых рук, собралась со вздохом облегчения ретироваться, но неутоленные фоторепортеры яростно завопили:

«Куда, куда, Королева?! Стой, не спеши! Встань рядом с Ним!»

Заметьте: «рядом с Ним»! Не «Пеле — подойди поближе к Королеве!», а «Королева — встань рядом с Пеле!»

«Король» и один из его болельщиков

Поэтому ни у кого в Бразилии не вызвала иронической улыбки опубликованная однажды подпись под фотографией: «„Король“ и один из его болельщиков».

На снимке был изображен Пеле с Папой Римским.

ЕГО РЕКОРДЫ

известны всем: 1281 гол в 1363 матчах, сыгранных за 21 год карьеры в профессиональном футболе. 32 выигранных чемпионата. В том числе три мировых. 90 раз он делал «хет-трик», 30 раз забивал по четыре мяча

за игру, четыре раза — по пять, а однажды (в 1964 году в ворота «Ботафого» из города Рибейрао Прето) забил восемь голов.

У нас в свое время появился Клуб имени Григория Федотова, в который с гигантской помпой включались футболисты, забившие в официальных матчах сотню голов и более, — за всю свою футбольную жизнь. Долгие годы нашим рекордсменом-голеадором был великий торпедовец Александр Пономарев: 148 голов в 244 матчах за два десятка лет. Для сравнения: в 1959 году 19-летний (!) Пеле, сыграв за *один сезон* 103 матча, забил в них 126 голов!

Особенности его футбольного таланта можно сформулировать кратко и точно: любой элемент футбольной игры он выполнял лучше, чем любой другой футболист. У него просто не было слабых мест. Он быстрее всех бегал, выше всех прыгал, потрясающе бил с обеих ног. Для него не существовало никаких секретов в футбольной технике. Отсюда и неслыханный урожай голов. Отсюда и трепет, который он внушал любым соперникам любых команд мира.

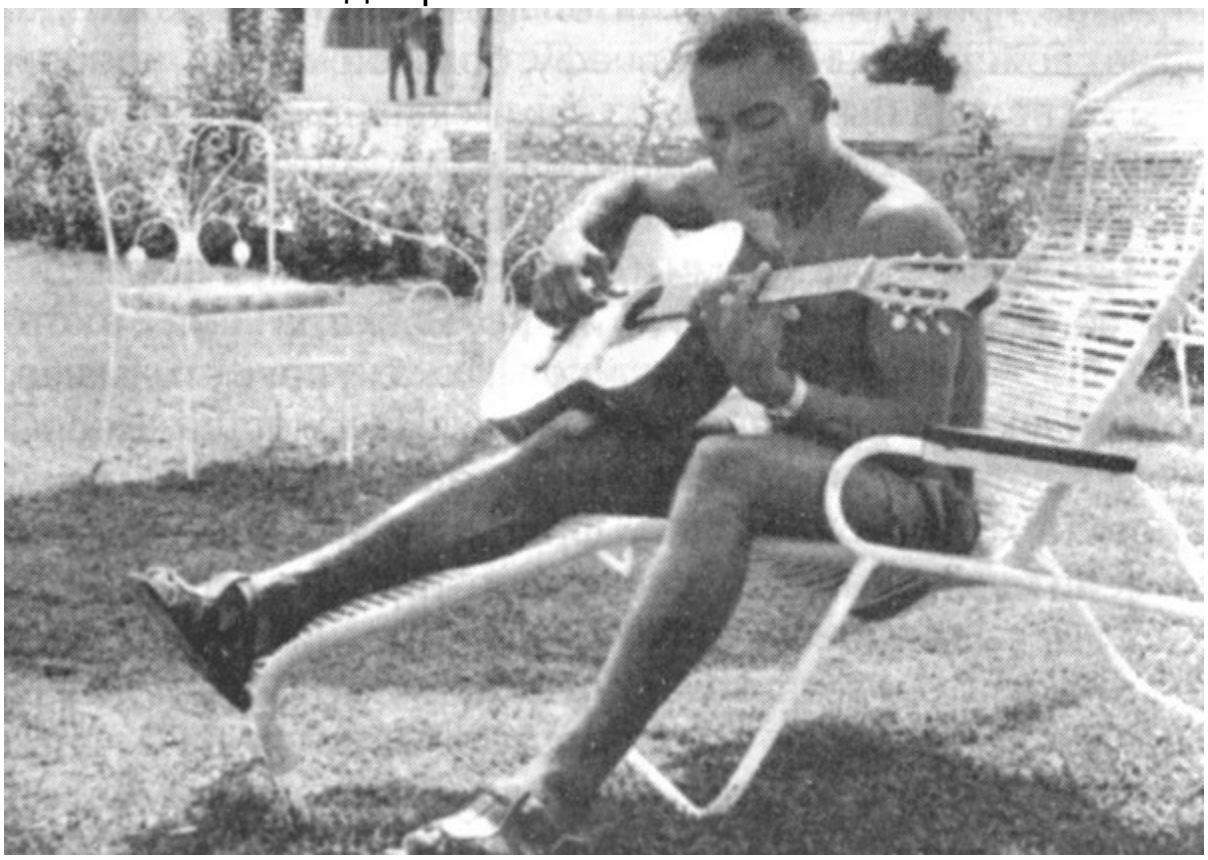
И уже не удивляешься, узнав, как однажды кинорежиссер, снимавший о нем фильм, попросил его забить мяч с определенной точки поля: «Чтобы не тратить лишнюю пленку и не бегать за тобой вокруг футбольного поля, мы поставим камеру на помост с этой стороны, а ты забей пожалуйста вон оттуда, с правого угла штрафной площадки. О’кей?»

Желание режиссера было исполнено. Гол влетел именно с запрошенной точки.

ЕГО ХАРАКТЕР

изумляет всех, кто знаком с ним, больше всего тем, что при невероятно стремительном восхождении на

вершину Олимпа (он стал чемпионом мира в 17 лет, а двукратным чемпионом — в 22 года), его ни в юности, ни в зрелые годы не тронули бациллы «звездной болезни». Он всегда восхищал меня своим дружелюбием, отзывчивостью и мягкостью в отношениях с окружающими. Если болельщику удавалось пробиться к нему через цепи никогда не ослабляющей своей бдительности охраны, то он мог быть уверен, что «Король» никогда не откажет в автографе, любезно поприветствует своего балдеющего от счастья обожателя, похлопает его по плечу и пожелает всего доброго.



Пеле с гитарой

Именно такой была наша первая встреча тридцать лет назад на тренировочной базе в «Сантосе», о

которой я рассказал в главе «Знакомьтесь: Пеле». Утомленный до последней степени нещадной тренировкой, он беседовал со мной два часа, терпеливо отвечая на все вопросы, на многие из которых ему приходилось отвечать уже тысячи раз. И даже согласился по моей просьбе сыграть на гитаре и спеть несколько песенок собственного сочинения, которые я затем послал в журнал «Кругозор», где они и были изданы на гибком диске. Изданы без его формального разрешения (кстати, это ведь был первый в его жизни диск!), за что «Король» простил меня и не настаивал на выплате авторского гонорара. Хотя, замечу, впоследствии неоднократно укорял меня за «самоуправство».

Множество раз я видел, как он, выходя, к примеру, из автобуса, доставившего команду на стадион, приветливо и дружелюбно откликался на восторженный вопль какого-нибудь торседора, сумевшего прорвать заградительный заслон и прорваться вплотную к «Королю».

«Здравствуй, Пеле!» — рыдая от счастья, визжал счастливчик. И в ответ обязательно слышал: «Привет, привет! Как дела? Все в порядке?»

И обалдевший от счастья фанат восторженно глазел вслед удаляющемуся божеству. Теперь у него оставалось счастливое воспоминание на всю жизнь.

Но этот почти ангельский характер Пеле или, точнее, нрав поразительно менялся, когда «Король» выходил на футбольное поле, на котором он всегда был

ГОВОРЛИВ И ОЧЕНЬ ОПАСЕН…

Да, это была весьма заметная черта его натуры: повышенная, мягко скажем, говорливость на поле. Поразительно, но факт: при всей его сдержанности,

чувстве собственного достоинства, при врожденной интеллигентности, мягкости, которые свойственны ему во «внефутбольной» жизни, во время игры он всегда был одним из самых крикливых, а иногда и сварливых игроков. Несколько матчей «Сантоса» на «Маракане» я провел прямо за сеткой ворот соперников «сантистов» рядом с фотографами и операторами. Именно там, например, смотрел знаменитую игру с «Васко да Гама», в которой Пеле забил свой тысячный гол. И скажу прямо: слышал в его исполнении такие перлы народного творчества, которые не поддаются цитированию в прессе. И все же постараюсь передать хотя бы несколько фрагментов, адаптировав их применительно к нормам русской речи.

— Эй, ты, негао, — кричит Пеле сопернику куда более, кстати сказать, светлокожему, чем он сам. (Слово «негао» означает нечто вроде «черномазый». Оно может звучать и уничижительно, и шутливо, даже ласково, в зависимости от ситуации и интонации. Мы ведь тоже, к примеру, слово «бандит» можем произнести по-разному? Одно дело — в уголовной хронике, а совсем по-другому оно прозвучит в устах молодой мамаши, обращающейся к своему непоседливому пятилетнему сыночку.)

— Эй, негао! — вопит «Король» сопернику. — Ты пытался меня обвести? Ты что, с ума сошел? Отвали-ка в сторонку и не путайся под ногами!

— А ты, дурачок, — кричит он через секунду своему полузащитнику. — Куда тебя понесло на левый край? Ты же не играешь левой ногой! Убирайся на свое место!

Ворвавшись в штрафную площадку соперников и получив в очередной раз по ногам, он огрызается:

— Еще раз меня зацепишь, получишь сдачи! И уедешь на носилках, так и знай!

И так весь матч с первой до последней минуты.

Так шумно он играл всю свою футбольную жизнь. Причем у него была даже своя философия, объясняющая эту страсть к воплям на поле.

— Крик — это тоже элемент игры. И весьма важный, — откровенничал он однажды. — В «Сантосе» я и Зито кричим больше всех. И помогает. Даже среди своих игроков бывают такие, которые смогут играть только тогда, когда на них прикрикнешь. Начинает игру он сонно, вяло, еле двигается. А заорешь на него разок-другой, да погромче, так он, глядишь, и забегал. Нет, крик это такое же оружие, как финт, как удар головой, как хороший пас, как рывок к воротам.

Кричал он на поле много, и потому иногда могло сложиться впечатление, что это очень жесткий, даже грубый игрок, но в том-то и дело, что вся его «грубость» и «жесткость» были строго ограничены словами. То есть криками. Грубостей физических: ударов по ногам, запрещенных толчков он, как правило, не допускал. Во всяком случае, никогда не начинал первым. Но если получал, то мог в качестве ответа действительно отправить «агрессора» на больничную койку.

Отмечен в его биографии и эпизод, когда он даже сломал ногу защитнику немецкой сборной. Но это была не умышленная грубость, а несчастный случай.

Гораздо чаще он сам становился объектом насилия и грубостей со стороны тех, кто не мог сдержать его «легальными» способами. И случалось нередко, что в ответ на грубость соперника, на толчок в спину, на подножку Пеле спустя несколько минут, в очередном игровом эпизоде, когда обидчик оказывался рядом, мог изящно и остроумно, даже едко унизить его серией стремительных, откровенно издевательских финтов, превращавших грубияна в беспомощного дурачка, уязвленного и оглушенного свистом трибун.

1000-й гол Пеле

Обычно играл он чисто. Уважал правила игры. Не был способен на «подвиг» Марадоны, который на чемпионате мира 1986 года забил свой знаменитый гол рукой, а потом сказал, что это была «рука божья».

Но не будем идеализировать «Короля»! Иногда он мог и слегка схулиганить, схитрить. Как это было однажды, когда в трудном матче, где чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону, ожидая мяч в штрафной площадке и безуспешно пытаясь освободиться от прилипшего к нему защитника, Пеле во время подачи углового, когда все, в том числе и судья, смотрели на угол поля, вдруг неожиданно и быстро просунул голову под руку своего «сторожа» и одновременно завопил дурным голосом:

— Эй, судья! Судья! Смотри, что он со мной делает!

Судья обернулся, увидел нечто, напомнившее прием из греко-римской борьбы, и, подавленный авторитетом «Короля», послушно свистнул и... показал на отметку пенальти.

Да, «Король» мог быть хитер, мог быть строг, но он в то же время всегда был и остается чрезвычайно сентиментальным.

СЛЕЗЫ «КОРОЛЯ»

неоднократно видел футбольный и не только футбольный мир.

Ему ничего не стоит заплакать. Впервые это случилось сразу же по окончании финального матча на чемпионате мира в Швеции: он рыдал взахлеб на плече счастливо улыбающегося Жилмара.

Он плакал, когда стал «би-кампеоном», он прослезился в торжественный момент завоевания «три» в Мексике в 1970 году. Он обильно лил слезы, когда забил тысячный гол: рыдал, пока журналисты и

торседорес носили его вокруг поля на своих плечах. Потом плакал под душем, потом всхлипывал, уже сидя на скамейке и вытираясь. И трогательно вновь прослезился, когда я там, в раздевалке, вручил ему маленький сувенир — программку нашего футбольного матча с автографом Льва Яшина, сказав, что великий русский вратарь тоже поздравляет его с тысячным голом. (Лев Иванович, по правде говоря, передал мне ее для Пеле за несколько месяцев до того дня: когда я был в отпуске в Москве. Ну, а вручение сувенира я просто приурочил к самому торжественному и счастливому моменту в жизни «Короля».)

Конечно же, он ронял скупую мужскую слезу каждый раз, когда прощался с футболом. А этот процесс у него затянулся на долгие годы и превратился в настоящий «крестный путь». В тридцать один год он прощался со сборной: плакал навзрыд. В тридцать четыре — расставался с «Сантосом»: рыдал. В тридцать шесть — прощался с «Космосом»: лил слезы как ребенок.

Нет, я не иронизирую. Я просто привожу факты. И призываю: будем объективны! Скажите мне, скептики, пожалуйста: смог ли кто-нибудь из нас, пусть даже самых твердокожих и крутых мужиков, остаться без влаги в глазу, когда в твою честь стотысячная архибанкада «Мараканы» подымается на ноги в едином порыве и куда-то в небо, к планетам, к созвездию Южного Креста несется обращенное к тебе громоподобное: «О-стань-ся!!!»

ЕГО ДОМ — ЕГО КРЕПОСТЬ,

в которую никому нет доступа.

Как это всегда бывает в любой стране в любую эпоху, личная жизнь известных людей обязательно

привлекает всеобщее внимание и рождает массу слухов, сплетен и легенд. Пеле всегда понимал это и был чрезвычайно деликатен и осторожен, не подпуская пытливых репортеров к своей жизни, протекающей за границами футбольного поля. В главе «Знакомьтесь: Пеле» я уже рассказал о том, как проявилась эта черта в его ответе на вопрос, который ему был задан незадолго до свадьбы с Розе-Мери друзьями, недоумевавшими, почему он раньше не познакомил их со своей невестой?

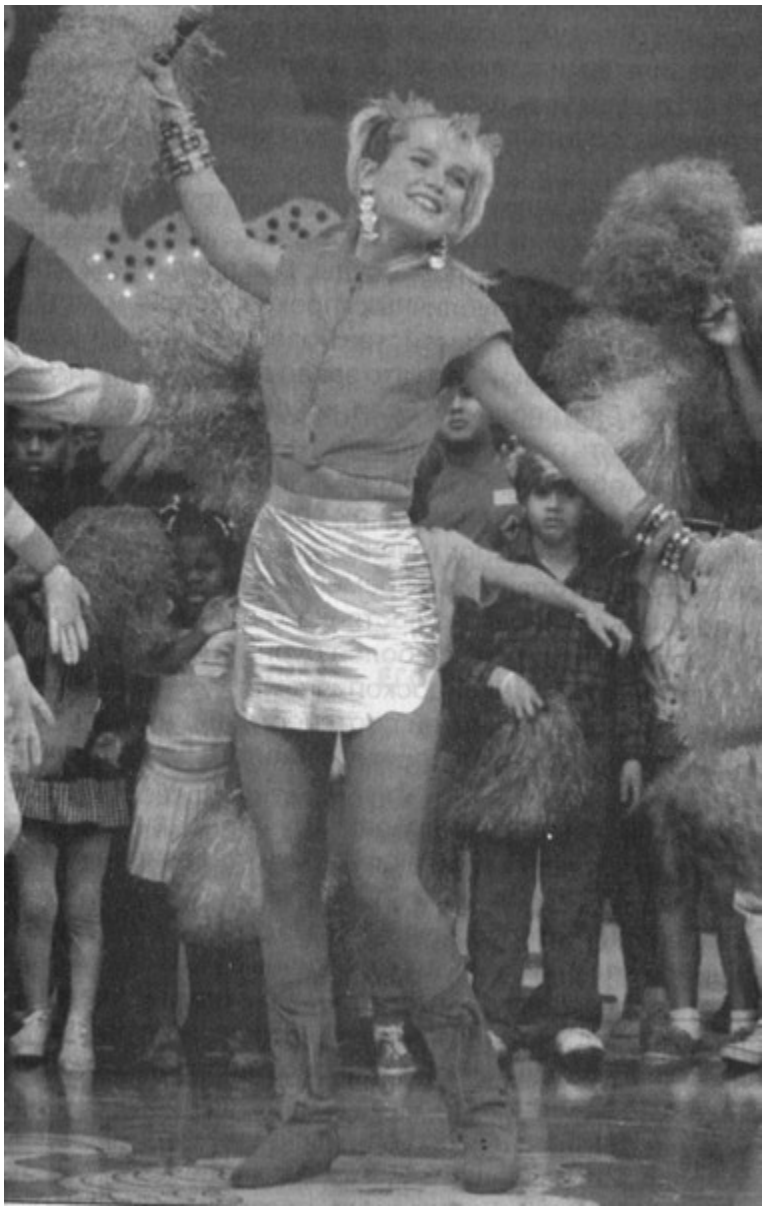
Согласитесь: это была похвальная деликатность. Свадьба с Розе-Мери состоялась в начале 1966 года. Через год появилась дочь Келли-Кристина, потом сын Эдиньо, затем еще одна дочь Дженифер. Семья эта долгие годы считалась образцово-показательной. Кроткая, скромная Розе-Мери, милые дети, боготворимый миллиардами людей планеты, но остающийся простым и скромным отец семейства. Периодически в газетах и журналах появлялись статьи о мире и согласим в королевском семействе, и потому известие о начавшемся в 1978 году бракоразводном процессе было воспринято бразильцами с таким же изумлением и недоверием, с каким французы услышали бы о падении Эйфелевой башни, а англичане прочитали бы в «Таймсе» о нашествии пингвинов на Пикадили.

Нужно отдать должное знаменитым супругам: бракоразводный процесс у них тоже оказался образцово-показательным. Он прошел без битья посуды, без прилюдной стирки белья, без истерики публичных упреков. Усилиями адвокатов и щедростью отца семейства Розе и дети получили достойную компенсацию, и все это завершилось вполне благопристойно и благополучно. Если, конечно, в таких ситуациях можно говорить о «благополучии».

«Король» обрел свободу. И сразу же получил высший рейтинг на негласной национальной ярмарке

самых завидных женихов. Правда, он постоянно повторял, что не намерен снова вступать в брак. Атем временем извлекал стопроцентную прибыль из своего холостяцкого положения. Хоровод его подруг становился все более бурным и, как бы это сказать поточнее... «калейдоскопичным», ужасая ревнивых и жадных до подробностей соотечественниц «Короля» его всеядностью и вызывая бешеную зависть бразильских Казанов.

Первой в этом ряду стала юная Шуша — девчушка, пытавшаяся искать славы в изменчивых лучах телевизионных прожекторов.



Шуша — одна из подруг Пеле

Любопытна история завязки этого романа. Когда наслаждавшийся вольной холостяцкой жизнью «Король» в первый раз попытался пригласить этого — в ту пору несовершеннолетнего — то ли пятнадцати, то ли четырнадцатилетнего ребенка в кино (а куда еще ее в том юном возрасте можно было ее, скажите на

милость, пригласить?), замиравшее от предвкушения романтического приключения дитя предложило Пеле спросить разрешения у строгого папеньки.

Пеле вздохнул, но согласился, позвонил домой и, будучи высоконравственным человеком, не стал ничего выдумывать и скрывать. Прямо так откровенно он и сказал:

— Здравствуйте! С вами говорит Пеле. Я хочу пригласить вашу дочку в кино. Вы не возражаете?..

Теперь представьте себе реакцию недоверчивого провинциального мужичка, весьма строгих взглядов, пытающегося защитить доброе имя своей ненаглядной доченьки, на этот звонок, на этот соблазнительно рокочущий в трубке баритон, принадлежащий мужчине безусловно не юного возраста… Папенька, естественно, решил, что его разыгрывает некий нахальный ловелас, и потому он, не колеблясь, сказал наглецу, назвавшему себя именем великого «Короля», куда именно он должен отправиться вместо кино.

Пришлось «Королю» смирить гордыню, звонить еще раз и долго убеждать отца, что это не розыгрыш…

В конце концов в кино они сходили. Потом погуляли. Потом… ну, что бывает потом, все прекрасно понимают. Роман состоялся, он длился несколько лет, и именно благодаря громкой и крепкой «дружбе» с Пеле Шуша сделала поистине головокружительную карьеру.

Сначала этой никому неизвестной девочке было доверено ведение утренней детской телепрограммы. Очень быстро она завоевала сумасшедшую популярность, рейтинги ее ток-шоу побили всех конкурентов и соперниц на других каналах. Шуша стала самой популярной ведущей детских программ сначала в Бразилии, а вскоре — после импорта своих программ на другие телеканалы Западного полушария — и в иных странах Латинской Америки.

Следующий шаг был подсказан «Королем»: Шуша запатентовала свой имидж, начала выпуск сувениров и кукол по имени «Шуша» и через год-другой стала процветающей предпринимательницей. К началу 90-х годов она вошла даже в мировые рейтинг-листы самых богатых женщин-бизнесменок.

Лет двенадцать назад, помнится, я пообщался с ней благодаря содействию моего коллеги — тогдашнего корреспондента нашего радио в Бразиии Сергея Бельдинского, за что ему особое спасибо. Сергей снимал очерк о бразильских телесериалах и пригласил меня в поездку по съемочным площадкам и студиям ТВ-Глобо, которая хорошо известна в нашей стране после «Рабыни Изауры», «Тропиканки», «Нежного яда» и прочих шедевров. Шуша оказалась обаятельной, весьма веселой особой, она охотно рассказывала о закулисье бразильского телевидения, но не выказала никакого желания комментировать свой роман с «Королем». Впрочем, к тому времени роман уже близился к своему неизбежному финалу.

Вскоре настал тот час, когда Шуша сказала Пеле «спасибо» и ушла в самостоятельное плавание. (У нее случился потом даже не менее шумный, но быстротечный роман с великим автогонщиком Аиртоном Сенной.)

А у «Короля» объявились новые подруги. Актрисы и модели, журналистки и певицы, девушки без определенных занятий и светские дамы. На каждом ежегодном карнавале Бразилия знакомилась с очередной пассией своего кумира, появлявшейся рядом с ним в губернаторской, естественно, ложе. Обсуждение быстротекущего хоровода пассий и потенциальных невест «Короля» стало в те годы одним из самых любимых занятий бразильских журналистов, обывателей и особенно дам, представлявших средние и выше среднего слои общества, втайне лелеявших мечты

о том, что (чем черт не шутит, когда Господь Бог спит!?) когда-нибудь пресытившийся взгляд «Короля» упадет и на нее, сердешную…

Так продолжалось до тех пор, пока в апреле 1994 года не свершилось неизбежное: 53-летний «Король» повел-таки под венец 34-летнюю Ассирию Сейшас Лемос, врача-психолога.

Свадьбу сыграли в Ресифе, родном городе Ассирии. Городские власти оперативно осуществили капитальный ремонт улиц, по которым двигался кортеж. Они были заново вымощены, а дома покрашены. У алтаря жених пролил свою традиционную скупую мужскую слезу, невеста лучилась счастьем. Празднества сии напрочь затмили скромный обряд бракосочетания с Розе-Мери в 1966 году. Присутствовали не только родственники, но и триста приглашенных со всей страны гостей, которых сто семьдесят полицейских ограждали от сотен тысяч фанатов, бравших штурмом епископальную англиканскую церковь в надежде увидеть хотя бы издали белоснежный фрак «Короля» или, на худой конец, фату невесты.

Брак с Ассирией обогатил национальную светскую хронику еще одной пикантной деталью, которая тут же затмила все другие новости и стала с сатанинским упорством перемалываться на великосветских раутах и в пивных барах по всей стране: Ассирия заявила о желании иметь детей от любимого супруга. И причем много! У нее, правда, уже имелась трехлетняя Жемима от первого брака. Но и союз с Пеле, считала она, должен быть скреплен детьми!

Пеле с Ассирией беседует с Валентиной Яшиной на приеме в бразильском посольстве в Москве

Желание, согласимся, вполне законное и оправданное. Тем более что исходило оно от молодой привлекательной женщины, которая не была обременена скучными мыслями о размерах жилплощади или о необходимости нанимать нянек, кормилиц и прочий обслуживающий персонал. Как говорится, плодитесь и размножайтесь! И дай Бог счастья вашему дому!

Но тут оказалось, что еще семнадцать лет назад, сразу же после рождения третьего ребенка — младшей дочки Дженифер «Король» сделал себе операцию. Не очень сложную. На языке врачей она именуется «резекцией семявыводящих протоков». Те же самые

специалисты сообщат, что это — всего лишь надежный, даже стопроцентный метод предупреждения беременности. Причем ни в коей мере не снижающий эмоциональной энергии пациента. Таким образом, на финальном отрезке своего супружества Розе-Мери была избавлена от традиционных женских хлопот. Так же, как и все последующие подруги «Короля». Но вот эта неожиданная просьба Ассирии…

Короче говоря, Пеле кинулся к специалистам с вопросом: а нельзя ли сыграть «отбой» и вернуть ему то, что у него было отнято безжалостным скальпелем семнадцать лет назад?

После долгих и авторитетных консилиумов и консультаций в одной из лучших клиник США было констатировано, что то, что отрезано ножом, увы, не подлежит восстановлению.

И посему мудрые эскулапы посоветовали молодой семье прибегнуть к искусственному осеменению. Операция прошла успешно, и через положенные девять месяцев Ассирия родила Королю двойню: мальчика и девочку. Чем была подтверждена старая истина, утверждающая, что «всё могут Короли!».

Решая эту проблему, «Король» одновременно столкнулся с другой, еще более деликатной. У него вдруг обнаружилась… внебрачная дочь!

Благодаря энергии светских хроникеров страна узнала, что появилась она на свет в результате быстротечного романа «Короля» с собственной домработницей еще в те годы, когда он был холост и только-только начинал в Сантосе свою футбольную карьеру. Скромная и тихая Анизия Машадо, узнав об огорчительном последствии этого романа, исчезла из дома Пеле. И он так и не узнал тогда о рождении дочки Сандры Режины.

Объявилась она, когда ей было уже далеко за двадцать, семья испытывала трудности, и девушка

попыталась уговорить папочку профинансировать ее поступление в институт физкультуры (тоже ведь голос крови!).

Увы, тут «Король» (из песни слова не выкинешь!) поступил отнюдь не по-королевски: он категорически отказался признавать свое отцовство. В этом его всячески поощряли адвокаты, схватившиеся за голову и представившие себе, сколько, не дай Бог, еще может объявиться «самозваных» наследниц и наследников, учитывая буйную молодость и неуемный темперамент «Короля». Даже когда дело дошло до суда и до генетического анализа, снявшего все вопросы.

Впрочем, и без анализа каждому, кто увидел их рядом в приемной судьи, поразительное внешнее сходство устраняло все сомнения.

Увы, несмотря на решение суда, Сандра так и осталась без признания и без отцовской помощи. И нашла утешение в политике: сумела избраться там, в Сантосе, депутатом городского муниципального собрания. А вскоре после этой истории вышла замуж, родила Пеле внука, которого он так и не увидел. По крайней мере, до тех пор, пока в июле 2000 года пишутся эти строки.

Сандра — непризнанная дочь Короля

Совсем недавно Сандра выпустила книгу воспоминаний под названием «Дочь, которую не признал „Король“». При тираже 100 тысяч, что для Бразилии — крайняя редкость, книжка успешно разошлась. Видимо, личная жизнь королей по-прежнему интересует плебс…

А вообще-то, чтобы закрыть интересующую всех тему эмоциональной натуры нашего героя, замечу, что и после второй свадьбы, даже страстно любя Ассирию, он отнюдь не склонен к монашескому ханжеству и совершенно не похож на человека, равнодушного к дамским прелестям. Он и сейчас не упустит возможности насладиться прекрасной фигурой и обсудить достоинства и недостатки пары очаровательных ног.

Помнится, во время его последнего приезда в Москву в январе 1997 года, когда я привез его в отель, где мы втроем (Пеле, Ассирия и я) за столиком бара дожидались пропавших и нудно разыскиваемых в Шереметьевском аэропорту чемоданов, разговор шел исключительно на высоконравственные темы. Обсуждалась программа визита, намеченные на завтра встречи с мэром Москвы, с журналистами и бизнесменами.

Но как только Ассирия, пожаловавшись на усталость, попросила меня проводить ее в номер, что и было сделано незамедлительно, Пеле не упустил возможности придирчиво, живо и с чувством здорового мужского юмора оценить окружающий нас персонал бара «Балчуг-Кемпински», обращая особо пристальное внимание на представительниц слабого пола. При этом особенно живой интерес моего собеседника привлекали блондинки, отличающиеся пышными формами. Его точные, яркие и эмоциональные оценки присутствовавших за соседними столиками дам, некоторые из которых поспешили к нашему столику за автографами, сделали бы честь любому специалисту.

И очень быстро обнаружилось, как стремительно оживились объекты его изучения, заметив, что из нашей компании исчезла спутница «Короля»…

«И АКАДЕМИК, И ГЕРОЙ,

И МОРЕПЛАВАТЕЛЬ, И ПЛОТНИК»

Это сказано про него. Совершенно точно. (Правда, вместо «мореплавателя» он стал «воздухоплавателем», «исколесив» на самолетах весь мир.) Пожалуй, не осталось такой сферы человеческой деятельности, где он не проявил бы свои таланты, неуклонно подтверждая истину: «Талантливый человек талантлив во всем».

Я уже упомянул о том, что он музицировал, сочиняя и исполняя для друзей милые «музыкиньи», напоминающие настроением наши бардовские песни, а ритмом — классическую «боссанову». Конечно, они не могли оставить в истории музыки такого же впечатляющего следа, какой оставили в истории футбола забитые им голы. Но он не особенно гнался за музыкальной славой. Сочинял, как мы бы сказали, «для души». Первый его опус, который я услышал, записал и даже отправил в журнал «Кругозор» (было такое симпатичное издание в середине века для любителей музыки — с пластмассовыми маленькими дисками, вплетенными между обычными бумажными страницами), звучал примерно так:

…Если бы я мог переделать мир,
вот что я сделал бы:
покончил бы с невежеством,
уничтожил бы нищету,
запретил бы войну.
И пускай на земле было бы
Много-много любви и мира!

Он даже выпустил пару дисков с этой и другими песенками. Один из них записал вместе с популярнейшей в те шестидесятые годы певицей Элис Режиной. (Не могу не признать, что это было довольно любопытно: звонкий голос Элис весьма необычно сочетался с глуховатым робким баритоном «Короля».) Но нужно отдать ему должное: продемонстрировав завидную способность к объективной самооценке, он понял, что ему не по плечу соперничество с отечественными классиками габарита Тома Жобима или Чико Буарке. И перестал обогащать национальную музыкальную культуру своими шедеврами.

Неоднократно снимался он в кино. Был даже героем телесериала. Хотя и понимал, что лавры Бельмондо или Марлона Брандо ему опять-таки не по плечу.

Но с наибольшей силой (по крайней мере, с не меньшей, чем на футбольном поле) многогранные и разносторонние таланты Пеле проявились на ниве предпринимательства. Не может не восхищать его виртуозное, выстраданное и отточенное двумя банкротствами умение делать деньги. Искусство бизнеса, умение зарабатывать на всем, что может быть связано с его именем, Пеле довел до подлинного артистизма и поставил на поток.

В коллекции, которую я собираю вот уже три десятилетия, хранятся фотографии рекламных объявлений «Короля», где он пропагандирует все что душе угодно: магнитофоны «Сони» и банк «Кампина Гранде», мотоциклы «Хонда» и велосипеды «Монарк», дачные домики на пляже Гуаружа под Сан-Паулу и леденцы «Дропс», авиакомпанию «Панамерикен» и витаминный напиток «Таффман», компьютеры «Кобра» и костюмы Пьера Бальмена (где он даже выступал одно время манекенщиком), банк «Унибанко» и магазины «Дукал», батарейки «Райовак» и авиакомпанию

«Вариг», бензоколонки «Шелл» и джинсы собственной марки «Пеле».

Пеле с деловыми партнерами

Пеле в рекламе

Пеле подписывал рекламные контракты с самыми различными фирмами, кроме тех, которые рекламировали спиртные напитки и табачные изделия. Сам он никогда не пил и не курил. Даже сейчас, открывая седьмой десяток, Пеле не позволяет себе никаких излишеств, кроме, может быть, глотка

шампанского в рождественский вечер. Этот строгий антиалкогольный режим он поддерживает с раннего детства. Точнее, с того момента, когда однажды (он тогда еще подрабатывал чистильщиком ботинок, гоняя на пустырях Бауру мяч и мечтая о карьере пилота) кто-то из старших сорванцов попытался соблазнить его бутылкой какой-то отравы, после чего мальчонку вывернуло наизнанку, и отец, старый, так и не сумевший подняться до высшего дивизиона футболист Дондиньо, провел с Дико (так его звали родители) душеспасительную беседу…

Поначалу Пеле просто продавал свое имя рекламодателям. Однако вскоре сообразил, что следует требовать с них и определенный процент с продаж. Представьте себе, как возросли его доходы, когда он начал получать один процент от экспорта одежды фирмы «Спарта» или пять процентов от продаж футбольных бутс фирмы «Пума»! Еще бы: каждый начинающий футболист стремился обзавестись именно той моделью бутс, которая, как говорилось в рекламе, была одобрена «Королем» футбола. И каждый парень, мечтавший покорить сердце девушки, стремился приобрести джинсы, на заднем кармане которых красовался автограф Пеле.

Впрочем, вспомним и о том, что во всей этой многолетней рекламной лихорадке у Пеле произошел однажды и весьма любопытный и неожиданный сбой. Одна из швейцарских фирм, продающая про всем миру наручные часы знаменитой марки «Буре», решила завоевать и бразильский рынок. С этой целью был заключен контракт с «Королем», по которому фирма получила право продавать в Бразилии свою продукцию под именем «Пеле». Вместо «Буре».

И что же вы думаете, уважаемый читатель, произошло? Произошло то, что швейцарцы не учли одной характернейшей особенности бразильского

национального темперамента: крайне легкого, точнее сказать, легкомысленного, даже, еще точнее, наплевательского отношения ко времени. Дело в том, что в этой стране издавна ничто не совершается вовремя: ни торжественные акты, ни футбольные матчи, ни киносеансы, ни официальные визиты, ни любовные свидания, ни церемонии бракосочетания, ни бракоразводные процессы. Бразильцы никуда не спешат и никогда не приходят вовремя. Они ни в коем случае не станут делать работу сегодня, если ее можно отложить на завтра, а еще лучше на «потом». Или навсегда.

Пеле — манекенщик

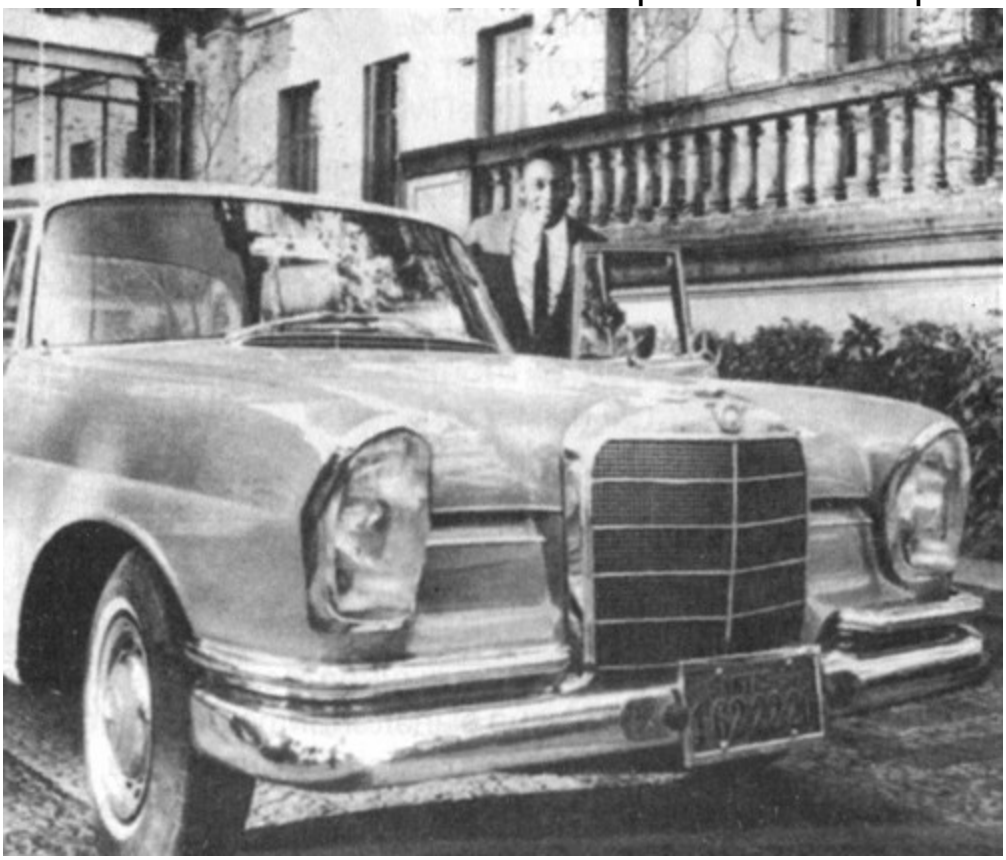
В сказанном нет ни капли осуждения. Просто их нужно понять. Такие они, эти люди, бразильцы. И все тут.

И вот бразилец подходит к прилавку, видит часы марки «Пеле» и, естественно, сразу же соображает: «Стало быть, это — продукция национального

производства. И наверняка часики эти будут минут на десять в сутки опаздывать…»

И поразмыслив таким образом, он отправляется искать другие часы: японские, швейцарские или хотя бы гонконгские. Но только не свои, родимые.

…Через несколько месяцев швейцарцам пришлось снимать имя «Пеле» и возвращать марку «Буре». Те же самые часы стали пользоваться нормальным спросом.



Пеле в Сантосе

Уже к концу своей футбольной карьеры Пеле зарабатывал на контрактах с рекламными фирмами куда более солидные гонорары, чем были его футбольные премии даже в разгаре карьеры. Распрощавшись с футболом, он создал свою рекламно-посредническую фирму, которая не прекращала

деятельности даже тогда, когда Пеле года на полтора был призван на государственную службу: президент страны Фернандо Энрике Кардозо пригласил его на пост министра по делам спорта, где «Король» успел разработать названный его именем «Закон Пеле», который раскрепостил футболистов, позволив им участвовать в решении своей судьбы при заключении контрактов с клубами. Правда, как я уже упоминал выше, после того как в середине 1998 года Пеле покинул пост министра, бразильские футбольные чиновники предприняли массу усилий, стремясь если не отменить, то хотя бы тормознуть вступление законопроекта в силу, и инспирировали принятие конгрессом целого ряда поправок, уточнений и примечаний, «стерилизующих» этот закон.

Скоро «Королю» исполнится шестьдесят. Он по-прежнему в прекрасной физической форме: не прибавив в весе ни килограмма по сравнению со своими данными конца футбольной карьеры, он полон сил и энергии и постоянно занят кучей самых разнообразных дел. Он входит в правление футбольного клуба «Сантос», является советником там, но упрямо отказывается стать тренером, хотя однажды снялся в учебном фильме, в котором показывал технику исполнения различных футбольных приемов, ударов, финтов. Когда во время его последнего приезда в Москву я спросил его, неужели ему не хочется взять какую-нибудь команду и довести ее до чемпионского звания, он рассмеялся, закатал штанину, показал мышцы ноги и сказал: «Видишь, в какой я форме?!»

Потом укоризненно посмотрел на мою «талию» и добавил: «А я и сегодня могу носить костюмы, которые покупал тридцать лет назад. И все это потому, что не становлюсь тренером. Это — профессия, которая убивает…»

Да, тренером он не хочет быть и никогда, видимо, не будет. Главным делом его жизни стал бизнес, который простирается сейчас на все континенты, кроме Антарктиды. И потому у него теперь друзья или коллеги — во всех ведущих столицах мира. Он, как и раньше, обаятелен и… недоступен. Он всегда в пути. И везде, на каждом шагу окружен агентами службы безопасности. Он всегда — желанный гость на светских раутах и кинопремьерах, в правительственных ложах стадионов и в кварталах бедняков, где он в бытность министром спорта открывал спортивные площадки. И с нескрываемым удовольствием и даже гордостью рассказал мне, что открытая им спортплощадка в знаменитой рио-де-жанейрской фавеле «Мангейра» неподалеку от стадиона «Маракана» помогла заметно снизить уровень преступности в том забытом богом районе и отвлекла тысячи детишек от наркомании и хулиганства.

Кстати, во время уже упомянутого визита в Москву в 1997 году он тоже выступал как бизнесмен, пропагандируя кофе марки «Пеле», которое, как он нас уверял, является лучшим в мире. Но мы-то хорошо знаем, что лучшей продукцией марки «Пеле» были его ставшие уже легендарными футбольные победы, его знаменитые голы, его триумфы на зеленых полях всех континентов.

6 октября 2001 года исполнится ровно четверть века с того дня, когда Пеле в последний раз вышел на поле в официальном матче. Четверть века торсида не видит его на поле, но мы по-прежнему продолжаем измерять всех сегодняшних футболистов по нему, и болельщики не прекращают истязать себя дискуссиями на вечную тему: может ли когда-нибудь где-нибудь появиться кто-нибудь, кто сможет встать рядом с ним. Именно рядом! А не выше! Выше — исключено. И самые великие звезды наших дней или недавнего прошлого в

качестве высшего знака признания могут проходить в народной молве как «аргентинский Пеле» — если это Марадона, «португальский Пеле», если это Эусебио, или «голландский Пеле», если это Кроиф. Но никому не пришло бы в голову назвать Пеле «бразильским Марадоной».

И мне кажется, нет, я убежден, что самая притягательная особенность этого человека в том, что став супермиллионером, завоевав поистине всемирную славу, поднявшись вровень с самыми значительными фигурами нашей цивилизации, он по характеру, по поведению своему почти не изменился с тех пор, когда делал свои первые робкие шаги в «Сантосе» и одерживал свои первые победы.

Поэтому для подавляющего большинства его фанов абсолютно не важно, кем является сегодня этот человек: бизнесменом или одним из руководителей клуба «Сантос», министром спорта или кандидатом на пост президента страны. Для всех нас он остается ПЕЛЕ! Ни с чем не сравнимая магия этого имени будет пленять нас всех — бразильцев и русских, европейцев и американцев, африканцев и азиатов, всех людей Земли, где бы мы ни жили, на каком бы языке мы ни говорили.

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ НАРОДА

Было время, когда газеты всего мира печатали его портреты на первых полосах. Было время, когда этому парню был посвящен кинофильм, названный «Радость народа». Было время, когда его имя произносилось с благоговейным уважением и трепетным восторгом миллионами болельщиков в Риме и Москве, Мехико и Дакаре, Стамбуле и Буэнос-Айресе. Не говоря уже о Рио-де-Жанейро.

Сегодня от былой славы осталось, пожалуй, только одно: мемориальная бронзовая доска в холле стадиона «Маракана», на которой среди имен прославленных героев чемпионата мира в Швеции значится и его имя: Маноэл Франсиско дос Сантос. И в скобках — Гарринча.

Гарринча у мемориальной доски на «Маракане»

Когда его удалили с поля в одном из матчей чилийского чемпионата мира, премьер-министр Бразилии направил в Сантьяго телеграмму, в которой содержалась дипломатично завуалированная просьба не дисквалифицировать Гарринчу на следующий матч. Когда Бразилия вторично выиграла Кубок Жюля Риме, в грохоте потрясшего страну карнавала восторгов ему наобещали златые горы и реки, полные вина: автомашины и усадьбы, земельные участки и банковские счета с фантастическими суммами… А спустя несколько лет ему даже не послали приглашения на торжественный банкет по случаю десятилетнего юбилея победы в Швеции. Его забыли пригласить и на матч сборных Бразилии и ФИФА, организованный в связи с этим юбилеем. Всех пригласили: отставных генералов и эстрадных певцов, знаменитых жокеев и модных портных, тонконогих манекенщиц и крикливых куплетистов. А Маноэл Франсиско дос Сантос стоял в очереди за билетом вместе с десятками тысяч своих незнатных соотечественников, нетерпеливо комкая деньги в потном кулаке, а потом бежал вместе с толпой по длинному наклонному пандусу, ведущему на архибамкаду, торопясь занять места получше.

Итак, о Гарринче забыли? Радость народа, кумир Бразилии, остался вне футбола, без друзей, без славы. Истеричные девчонки не кричат больше хором его имя с трибун стадионов, гимназисты не носят футболку с его портретом на груди. Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, если на него вообще можно ответить, вернемся на полтора десятка лет назад.

…9 июля 1953 года. В этот день на стадионе «Ботафого» в Рио-де-Жанейро, волнуясь, переминаясь с ноги на ногу, 20-летний Маноэл, или Манэ, как его называли друзья в Пау-Гранде, крошечном городишке,

затерянном где-то в горах, окружающих Рио-де-Жанейро, держался за сетку, ограждавшую футбольное поле, и с замиранием сердца следил за тренировкой выдающихся «кобр» (так называют торседорес своих «идолов»), многие из которых неоднократно надевали желтые футболки сборной страны. Привел парня сюда некий Арати, бывший футболист «Ботафого», который как-то раз случайно попал на матч в Пау-Гранде и, увидев там ослепительные каскады финтов Манэ, решил показать его в своем клубе.

Тренировка подходила к концу, когда тренер Жентил Кардозо вспомнил о парне, привезенном откуда-то из провинции. — Давай его сюда! — крикнул он Арати.

И Манэ робко вышел на поле.

На трибунах послышался смех, сам Жентил отвернулся, пряча улыбку: этот увалень напоминал кого угодно, только не футболиста. Он ковылял вперевалку: одна нога у него была значительно короче другой. И поэтому, чтобы удержаться на ногах, чтобы ходить и бегать, Манэ приходилось выгибать более длинную ногу дугой. Чтобы раз и навсегда покончить с этой клоунадой, Жентил, нахмурившись, спросил парня:

— Ты где привык играть?

— Где угодно, только не в воротах. Но вообще-то люблю на правом краю…

Тренер сощурился, подумал немного и потом сказал:

— Ну, иди туда, на правый край, в команду запасных. Посмотрим, что из тебя получится.

И когда Манэ поковылял на свое место, Жентил крикнул Нилтону Сантосу:

— Проверь-ка его, Нилтон!

Слова Жентила означали смертный приговор. Манэ должен был «проверять» знаменитый левый защитник сборной страны, лучше которого никого в Бразилии в те годы на этой позиции не было.

Впрочем, Манэ это не волновало: он не знал в лицо Нилтона Сантоса, потому что сборная страны в Пау-Гранде, по правде сказать, не заглядывала. Доковыляв до правого фланга атаки, Мамоэл вздохнул, оглянулся и тут же увидел, что к нему летит мяч, а навстречу выбегает, не торопясь, тот, кого тренер назвал Нилтоном… То, что случилось дальше, Нилтон Сантос запомнил навсегда. Во-первых, потому что такое с ним случилось впервые в жизни. Во-вторых, потому что впоследствии ему пришлось всю жизнь рассказывать об этом эпизоде сотням репортеров из разных стран мира. Вот как вспоминал о нем Нилтон Сантос:

— В те дни я как раз собирался жениться, и накануне той тренировки мы с друзьями почти всю ночь прощались с холостой жизнью… Я малость перепил, хотя терпеть не мог алкогольных напитков, но не хотелось огорчать друзей. Утром, придя на тренировку, чувствовал себя неважно, был зол, в теле ощущалась какая-то слабость. Тренер испытывал каких-то новичков и кивнул мне, чтобы я проверил какого-то типа, появившегося на правом краю. Все втихую посмеивались над кривоногим субъектом. Я тоже. Потом я увидел, что ему дали пас, и спокойно отправился, чтобы отобрать у него мяч. Когда я приблизился к нему, он вдруг стремительно протолкнул мяч у меня между ногами и исчез. Я попытался броситься за ним, но потерял равновесие и рухнул, задрав ноги вверх. Все, кто был на стадионе, разразились хохотом.

Все, за исключением этого субъекта, который спокойно продолжал вытворять черт знает что с остальными защитниками…

Вслед за этим вся команда стала играть на новичка. И он, не обращая внимания на хохот и рев трибун (на тренировках крупных клубов в Бразилии всегда присутствуют болельщики), на изумление тренеров, на

растерянность защитников, продолжал творить чудеса. Он несколько раз подряд обыграл Нилтона Сантоса, умудрялся обыгрывать защитников оптом и в розницу, а затем, после каскада финтов, забил неотразимый гол…

После тренировки в раздевалке все шутили и смеялись, вспоминая Нилтона Сантоса с задранными ногами. А массажист шепнул укоризненно Маноэлу:

— Да ты хоть знаешь, кого ты превратил в клоуна? Это же Нилтон! Ты понимаешь, Нил-тон! Да если он на тебя обиделся, можешь спокойно идти домой: без его согласия в клуб не возьмут даже прачку. Не говоря уже об игроке…

Маноэл пожал плечами:

— Разве я знал? Там, в Пау-Гранде, я всегда мотаю одного Жоана, и он никогда не обижается…

Но Нилтон Сантос не обиделся. Наоборот, он потребовал от президента клуба немедленно брать Манэ. И сегодня Нилтон гордится тем, что стал первым официальным Жоаном Гарринчи, как народ прозвал бесконечную плеяду несчастных левых защитников всех команд, стран, цветов кожи и расцветок футболок, встречавшихся на пути Маноэла.

Так началась спортивная биография этого парня — полуграмотного подмастерья на ткацкой фабрике, ставшего радостью народа, подлинным героем Бразилии.

Его путь, впрочем, не был таким стремительным и триумфальным, как взлет Пеле. Напомним, что Пеле в 17 лет стал чемпионом мира, а Гарринча пришел в сборную страны в качестве запасного в 1957 году, когда ему было 24 года. «Титулар» на правом краю был в то время знаменитый Жоэл из «Фламенго». Тем не менее Гарринча участвовал в нескольких играх южноамериканского чемпионата 1957 года и в отборочных матчах за путевку в Швецию, куда он поехал опять-таки в качестве запасного при Жоэле.

Первые два матча — против Австрии (3:0) и Англии (0:0) — Маноэл просидел на скамье. Накануне игры против сборной СССР группа журналистов и игроков (Белини — капитан команды, Диди и Нилтон Сантос), встревоженная ничьей с англичанами, потребовала от тренера Феолы включения Гарринчи в основной состав. Феола долго упрямился. Он не мог простить Маноэлу «безответственность», проявленную им в товарищеском матче против «Фиорентины», который бразильская сборная провела накануне приезда в Швецию. В тот день бразильцы выиграли со счетом 4:0, и Манэ был потрясающ. В один из моментов игры он самолично обвел всю защиту, затем вратаря и… замер с мячом на линии ворот, не добивая его в сетку. Весь стадион вскочил на ноги, недоумевая! Оказалось, Гарринча поджидал защитника, рвавшегося на помощь вратарю. Он дождался его, затем неожиданным финтом обыграл и спокойно вошел с мячом в сетку ворот. А незадачливый итальянец, попавшись на финт Манэ, потерял ориентацию и ударился головой о штангу ворот. Да так, что трибуны и даже сами игроки «Фиорентины» разразились гомерическим хохотом.

Да, Феола недолюбливал Гарринчу, равно как и врач-психолог сеньор Карвальпэс и супервизор (администратор) команды Карлос Насименто. Однако под давлением «единодушного требования общественности» им пришлось уступить. Гарринча вышел на матч против сборной СССР. И этот день — 15 июля 1958 года — стал днем его блистательной премьеры в мировом футболе.

Гарринча в матче против сборной СССР (1958 г.)

Три первые минуты этого матча Габриэль Ано, известнейший французский футбольный специалист, назвал впоследствии «тремя самыми фантастическими минутами в истории мирового футбола». И Гавриил Дмитриевич Качалин, тренер нашей сборной, до сих пор с восхищенным удивлением вспоминает начало этого матча. На 15-й секунде Диди посылает мяч на правый фланг Гарринче, который дважды подряд обыгрывает нашего левого защитника Кузнецова, затем еще двоих — Воинова и Крижевского, бросившихся на помощь, и пушечным ударом попадает в штангу. Стадион

разразился бурей оваций. Спустя несколько секунд Гарринча вновь проходит по краю, подает мяч в штрафную, и Пеле вторично поражает… штангу… И на 3-й минуте этого неудержимого штурма в ворота Яшина влетает мяч, забитый Ваза с новой подачи Гарринчи…

Так начался триумфальный путь Манэ, прозванного кем-то Чарли Чаплиным футбола, по крупнейшим стадионам мира.

На следующем чемпионате мира — в 1962 году в Чили — Гарринча был единодушно признан главным героем победы, поскольку Пеле получил на первых минутах второго матча чемпионата тяжелую травму и выбыл из строя. Накануне матча с англичанами Жоан Салданья (он был тогда корреспондентом газеты «Ултима ора» и радио «Насионал») сказал тренеру англичан Уинтерботтому:

— Мистер Уинтерботтом! Вы видите там, на разминке, этого кривоногого парня? Гарринчу? Я готов заключить с вами пари на любых условиях, что через пять минут после начала матча вы приставите к нему, кроме левого защитника, еще двух-трех игроков. А если не приставите, так они сами пойдут держать его…

Пари было заключено. На бутылку шампанского.

Рассказывают, что накануне этой игры один из бразильских журналистов сказал Маноэлу:

— Слушай! Там, у этих «грингос», в команде есть защитник Флауэрс, который сказал, что он играет лучше тебя. И что ты его не пройдешь…

Манэ был простодушен и азартен. Он не заметил подвоха и поинтересовался:

— А откуда он меня знает? Ведь мы же с ними не играли!

— Да он видел тебя с трибун. И сказал, что против него тебе не сыграть.

Манэ задумался, покачал головой, а потом вдруг спросил:

— А какой он из себя?

— Высокий такой. Белобрысый…

— Да все они высокие и белобрысые!

Чуть погодя Маноэл подошел к Нилтону Сантосу:

— Ты знаешь, я никогда ни на кого не сердился, но этот Флауэрс что-то у меня из головы не выходит. Не нравится он мне, этот «гринго»!

Гарринча против англичан (1962 г.)

— А ты расправься с ним, Манэ.

Гарринча покачал головой:

— Да я-то могу. Но, дьявол его побери, не знаю, кто он такой. Только знаю, что он — англичанин.

— А ты разделай их всех. Один из них наверняка будет Флауэрс…

Именно это и сделал Гарринча. Он расправился со всеми англичанами вместе и с каждым в отдельности. Он с упоением «уничтожал» этих «гринго», потому что один из них был Флауэрс. Таинственный Флауэрс, незнакомый нахал, позволивший себе слишком много…

Выдав пас для одного гола, Маноэл забил еще два. Один из них он забил головой, перепрыгнув долговязых британских беков. Говорят, что это был лучший матч в спортивной биографии Гарринчи. И после финального свистка, покончившего с участием сборной Англии в чемпионате мира, Уинтерботтом вытер пот со лба, распорядился принести ящик шампанского для Салданьи и, вздохнув, заявил гудевшим, как разворошенный улей, журналистам:

— Четыре года я готовил своих парней к победам над футбольными командами. Увы, я не предполагал, что нам придется иметь дело с Гарринчей…

Немногословный Фрэнк Мак Ги, корреспондент «Дэйли Миррор», похлопал Уинтерботтома по плечу и сказал:

— Гарринча — это первый игрок мира. Только что я послал восьми миллионам читателей моей газеты эту телеграмму: «Лучшим игроком мира отныне является не Пеле, а Гарринча».

А коллега Мак Ги — корреспондент «Дейли Экспресс» Раймонд Дэскт — добавил:

— Я ухожу с поднятой головой. Мы проиграли Гарринче. Любой ему проиграл бы на нашем месте…

Кто же он такой, в конце концов, этот Гарринча? В чем секрет его сенсационного успеха? Можно ли его сравнивать с Пеле, как это любят делать нередко репортеры? И если сравнивать, то можно ли ответить на вечный вопрос: кто лучше?

Начнем с Пеле.

Пеле сочетает в себе все лучшее, что необходимо футболисту, он как бы вобрал, впитал в себя все наследие своих великих футбольных предков. Пеле умеет делать все: он обладает высоким прыжком и стремительным рывком (несмотря на кажущуюся грузность фигуры), одинаково отлично бьет с обеих ног, в совершенстве владеет техникой финтов и обводки,

потрясающе видит и даже чувствует поле, молниеносно ориентируясь в самых запутанных игровых ситуациях (врачи даже пытались объяснить эту способность «Короля» особым устройством глаз). Он также обладает остроумным футбольным интеллектом, ставя противника в тупик своими неожиданными тактическими и техническими находками. Он обгоняет самых стремительных защитников, перепрыгивает самых высоких игроков противника, борется корпусом против самых атлетически сложенных гигантов… Иными словами, Пеле — это эталон, это идеал современного футболиста. Идеал, к которому все стремятся, но которого достиг только один: Эдсон Арантес до Насименто — Пеле.

Гарринча — полная противоположность Пеле. Он не только не идеал, но, во всяком случае, на первый взгляд — противоположность идеалу. Если вы не знаете, кто этот человек, то, глядя на него, когда он выходит на поле, вы испытываете недоумение. В лучшем случае недоумение. И дело не только в его косолапости, в его «кривоногости», в его неуклюжести… Гарринча без мяча выглядит на футбольном поле чужеродным телом. Какого-нибудь рафинированного футбольного эстета он может даже раздражать!

После этих слов читатель, вероятно, ждет продолжения в таком духе: «Но, получив мяч, Гарринча преображается!» Нет, как это ни парадоксально, получив мяч, он продолжает вызывать недоумение. Потому что не только его фигура, но и манера его игры, его поведение на поле находятся в вопиющем противоречии со всеми незыблемыми и святыми канонами современного футбола. Со всеми требованиями и правилами, которые усваиваются игроками от Австралии до Ирландии, от Японии до Парагвая. Эти каноны требуют примерно следующего: «Атака должна развиваться по возможности быстро.

Получив мяч, нападающий должен либо сделать пас открывающемуся партнеру, либо самостоятельно продвигаться с мячом, стремясь обострить игровую ситуацию в пользу своей команды…»

Ничего подобного вы от Гарринчи не дождетесь! Получив мяч, он делает именно то, чего делать не следует: он останавливается и поджидает противника. Может быть, он мог бы уйти от него, сделав рывок! Может быть, он мог бы отдать мяч в одно касание! Нет, в девяти случаях из десяти Гарринча этого не сделает. Он, повторяю, останавливается с мячом, дожидается своего опекуна (а противник в это время успевает организовать на подступах к своей штрафной площадке настоящую «линию Мажино»!) и, увидев, что несчастная жертва приготовилась к бою, пускает в дело свой финт…

Финты Гарринчи

Кстати, о финте. Он у Гарринчи, в общем-то, один. Гарринча замирает с мячом под ногами, затем делает движение корпусом, имитируя рывок почти всегда влево, а на самом деле остается на месте. Потом неожиданно — все-таки! — срывается с места и устремляется мимо (почта всегда вправо) опоздавшего

(обязательно опоздавшего!) противника. Все в этих случаях опаздывают среагировать на его рывок! Этот финт он варьирует, проходя обычно справа, но иногда и слева от защитника опекуна любит при этом посылать мяч между ногами своего опекуна.

Финт Гарринчи

Обойдя соперника, Гарринча частенько, словно спохватившись, останавливается, поджидает, пока тот догонит его… А затем все повторяется сначала. Все левые защитники мира, все страхующие их против Гарринчи центральные защитники и левые полузащитники, игравшие против «Ботафого» или бразильской сборной, знали этот финт. Не просто знали, а затвердили его назубок. Изучили по кинограммам и видеозаписям, составляли кинематические таблицы, раскладывая этот финт на составные элементы, изобретали тысячи «противоядий», но… продолжали «покупаться»!

Трагедия соперников Гарринчи заключалась не только в его умении обыграть любого защитника — а если понадобится, то и двух-трех, — но также и в его поразительно точном обращении с мячом: пасы и удары по воротам Гарринча выполнял безукоризненно. Он мог поражать по заказу любой угол ворот. Он выдавал пас в полном соответствии с индивидуальными запросами того или иного центрального нападающего, в точном соответствии с его ростом (если мяч шел навесной) или скоростью бега (если передача шла на выход, на рывок). Однажды мне довелось видеть на тренировке, как с линии штрафной площадки Маноэл указывал вратарю точку ворот, в которую будет направлен мяч, а затем вгонял его туда хлестким ударом. Словно забивал гвоздь…

Да, Гарринча был ниспровергателем традиций и правил. Любой другой нападающий, попробуй он играть так, как Манэ, был бы заклеймен прессой, предан анафеме и изгнан из команды. Мало этого, манера игры Гарринчи в исполнении другого футболиста пришла бы в острейшее противоречие, в столкновение с тактикой команды, нарушила бы рисунок ее игры. А «неправильный» футбол Маноэла, наоборот, обогащал «Ботафого» и сборную. Дополнял и оживлял

тактические и стратегические концепции тренеров. Тех тренеров, которые сумели сообразить, что Гарринча — гений. Что он единственное в своем роде, уникальное явление, не укладывающееся в прокрустово ложе традиционных представлений. И что ему нужно позволить играть так, как ему хочется. Ничего ему не навязывая. Ничему его не уча. Что его вдохновение подскажет ему путь к воротам противника. И путь к победе.

Так оно всегда и было. Гарринча играл вдохновенно, азартно и весело. Он творил, он созидал. Для него футбол был радостью, а не работой, средством самовыражения и самоутверждения. И в манере его игры, в обращении с мячом, в поведении на поле, в самых неожиданных выходках и невероятных чудачествах изливалась эксцентричная душа этого большого ребенка.

...Как это было, например, однажды в Коста-Рике: счет 1:1, игра близится к концу. Остаются считанные секунды, и Манэ совершает свой неповторимый карнавал, обойдя всех, кто попался на его пути, от центрального нападающего до левого защитника. Стадион вскочил на ноги: Гарринча один на один с вратарем. Он замахивается... и не бьет! Еще раз замахивается и... пускается в новый хоровод, обыгрывая еще одного подоспевшего защитника, снова оказывается лицом к лицу с вратарем, замахивается... и опять не бьет! А судья уже глядит на секундомер. И бьется в истерике за пределами поля тренер Пауло Амарал... И снова пускается Манэ в путешествие по вратарской площадке, обыгрывая чуть ли не всю окончательно рассвирепевшую команду, в третий раз оказывается перед вратарем и — наконец! — забивает гол, посылая мяч между ногами вратаря... Через мгновение матч кончается, а взбешенный Пауло Амарал летит к Манэ в центр поля, роняя на ходу самые

выразительные эпитеты, почерпнутые из темных подвалов португальского языка:

— Почему сразу не бил?

— А? Что? — рассеянно оборачивается Маноэл. — Да вратарь никак не хотел расставить хотя бы немножко ноги!..

Озорство! — скажете вы. Безответственность! Возможно... Вероятно, именно поэтому сеньор Карвальяэс аккуратно вывел в графе «Психологическая подготовка» отметку «неудовлетворительно» против фамилии Маноэла, который, впрочем, не обратил на это никакого внимания. Он мог позволить себе побаловаться в товарищеских матчах. Порадовать торсиду, да и отвести душу... Но ни в одной ответственной игре ничего подобного он себе не позволял.

Только Гарринча мог явиться изобретателем самого чистого, самого честного, поистине рыцарского приема, находящегося сейчас на вооружении бразильского футбола. Случилось это 27 марта 1960 года на «Маракане» в матче «Флуминенсе» и «Ботафого». Защитник «Флу», отбивая мяч, поскользнулся и упал, подвернув ногу. Мяч отлетел к Маноэлу, и тот ворвался в штрафную площадку один на один с вратарем. Замахнувшись, чтобы послать мяч в сетку ворот, он вдруг увидел, что защитник лежит на земле, корчась от боли. И тогда Гарринча повернулся и спокойно, словно он делает самую естественную, само собой разумеющуюся вещь, послал мяч за боковую линию...

Защитник «Флу» Алтаир, приготовившись вбрасывать мяч из-за боковой, замешкался на секунду. Это была счастливая секунда, он понял, что обязан ответить должным образом на этот поступок Гарринчи. С той же естественностью и спокойствием команда «Флуминенсе» после аута возвратила мяч за боковую линию... С тех пор это стало традицией в бразильском

футболе: когда игрок травмируется, соперник, если он владеет мячом, выбивает его за пределы поля, давая возможность оказать помощь. И вслед за этим товарищи потерпевшего, выкинув мяч, отправляют его тут же за боковую линию, восстанавливая справедливость…

В этом эпизоде отразилась доброта и честность Гарринчи. Удивительная широта его натуры, которая, впрочем, проявляется не только внутри зеленого прямоугольника футбольного поля.

Жоан Салданья вспоминает, как однажды в одном из бесчисленных путешествий «Ботафого», ожидавшего очередного матча где-то в маленьком провинциальном городке Бразилии, стояли они с Гарринчей у окна отеля. На другой стороне пыльной улочки было два ботекина — так называются в Бразилии небольшие бары. Один с утра до вечера был заполнен людьми, другой пустовал. Печальный буфетчик перетирал в тысячный раз стаканы, смахивал пыль со столиков, но народ почему-то не шел к нему, и все тут! Люди предпочитали толкаться в переполненном ботекине соседа. Трудно объяснить почему. Традиция какая-то или каприз, кто знает… Маноэл, задумавшись, долго смотрел на одинокого хозяина бара и потом вдруг повернулся к Салданье и сказал:

— Сеу [4] Жоан, я спущусь на минутку вниз, можно?

Он спустился по скрипучим ступенькам лестницы, вышел из подъезда и вразвалочку пошел на другую сторону улицы. На ту, где находились бары. В переполненном баре все замерли с открытыми ртами и смотрели на Гарринчу, на легендарного «би-кампеона», прибывшего вместе с «Ботафого» в этот городок на одну игру, которая должна была состояться завтра днем. Разумеется, весь город жил матчем, и вся эта веселая компания только что говорила об игре. И кто-

нибудь наверняка жаловался, что футболистов держат в отеле, никого туда не впускают и нельзя никак увидать великого Диди или Гарринчу. И в этот самый момент… Вот он, как в сказке: Гарринча! Идет не торопясь… Гарринча, величайший футболист мира!

А Маноэл подошел к переполненному бару, остановился, обвел неторопливым взглядом обалдевших от неожиданности посетителей и… не вошел. Сделал финт: прошел еще два шагай вошел в ботекин, где сидел одинокий, печальный хозяин. Тот вскочил, онемел от неожиданности и выронил полотенце. Гарринча попросил «кафезиньо», выпил, расплатился, похлопал хозяина по плечу и вышел, ни слова не говоря.

«Через пять минут, — вспоминает Жоан Салданья, — этот бар был битком набит сбегающимися с разных сторон людьми, и хозяин с помощью добровольцев дрожащими руками прикреплял над стойкой к стене стул, на котором только что сидел Гарринча, и чашку, из которой он пил кофе… Старику отныне была уготована безбедная старость. И Гарринча, снова подойдя к окну и глядя на эту сцену, сказал:

— Так-то оно справедливее будет, не правда ли, сеу Жоан?»

Жасинто де Тормес рассказывает другую историю. Вернувшись с первенства мира 1958 года, Гарринча появился в своем городке Пау-Гранде как национальный герой. Был объявлен выходной день, закрылась префектура, остановилась ткацкая фабрика, и стихийно начался карнавал. Ракеты, конфетти, серпантин, оркестры… Сутки безумия, когда городок, казалось, был поставлен с ног на голову. На следующее утро Гарринча появился в ботекине напротив своего дома. Там, где он и все парни из ближних переулков годами пили пиво в кредит. И не всегда успевали расплатиться. Жоакин, хозяин, раскрывает свои

объятия, но Гарринча берет его под локоть и уводит в угол:

— Сеу Жоакин, будь добр, дай мне список всех твоих должников!

Хозяин ботекина ничего не понимает. А Манэ настаивает. Он вытаскивает из кармана пачку долларов и платит за всех…

В те дни Гарринча неплохо зарабатывал, только он не знал, что делать с деньгами. Раскидывал их направо и налево. И никто не знает, сколько судеб было устроено, сколько бараков в Пау-Гранде отстроено на деньги этого рубахи-парня. О, это было сумасшедшее время! Банкеты и чествования чуть ли не каждый день. В крошечную хибару Гарринчи (купить себе дом получше все время руки не доходили и времени не хватало!) заявлялись важные сеньоры в пиджаках. Они обнимали «би-кампеона», трясли ему руки, кося холодным взглядом в объективы фотоаппаратов и кинокамер: почти все кандидаты в депутаты, в префекты и в сенаторы совершали паломничество к Маноэлу в сопровождении фотографов. Портрет в обнимку с Радостью народа на первой странице газеты давал такую уйму голосов избирателей, которую нельзя было бы организовать никакими речами, никакими обещаниями молочных реки кисельных берегов…

Время от времени в Пау-Гранде показывались картолы — чиновники из «Ботафого». Они всегда прибывали накануне того срока, когда требовалось продлить контракт. Они шумно обнимали Маноэла, почтительно целовали руку Наир — его жене-мулатке, дарили его дочкам конфеты. Сеньоры из высшего света садились за стол и пили «кафезиньо», приготовленное смущающейся при виде сиятельных господ Наир, пили кашасу, произносили тосты, кричали о великом будущем самого гениального игрока Бразилии, хлопали Манэ по плечу, и все это кончалось тем, что он

подписывал то, что ему подсовывали. И зарабатывал меньше, чем многие, кто играл в десять раз хуже него, но был хотя бы чуть-чуть хитрее…

Первое разочарование пришло со смертью отца. Манэ пригласил всех из «Ботафого». Директорат, почетных президентов, членов правления. Гроб — простой, грубо сколоченный, с выпирающими шляпками гвоздей — целый день стоял на веранде. Весь Пау-Гранде толпился вокруг. Но никого из директората не было: до очередного подписания контракта было еще далеко…

Приехал только верный друг Нилтон Сантос и с ним двое из команды. Был уже вечер, когда прибежал мальчишка и сказал, что смотритель кладбища просит поторопиться: скоро стемнеет, и кладбище будет закрыто. «Да, похоже, что они не приедут, — сказал недоуменно Гарринча, глядя на молчаливо простоявшую весь день вокруг дома толпу. — Ну так что же?.. Пошли!» И старик отправился в свой последний путь, покачиваясь над головами мулатов и креолов, жующих «шиклет» — пахнущую клубникой или лимоном резинку.

После чемпионата мира 1962 года Гарринча продолжал блистать в «Ботафого», финальный матч чемпионата Рио-де-Жанейро против «Фламенго» превратился в сенсационное «шоу» Гарринчи, который забил три гола. На следующий день одна из газет поместила дружеский шарж: одиннадцать игроков «Ботафого», и у всех одно лицо. Лицо Гарринчи.

Правда, на осмотре после матча врач команды обнаружил какие-то неполадки в правом колене Маноэла. Вероятно, это были отзвуки старой травмы, полученной в Баие, в одном из товарищеских матчей, когда чемпионов мира возили по стране, зарабатывая на них деньги. Собрали консилиум. Ученые мужи осматривали ногу и покачивали головами, озабоченно

поджав губы, и произносили шепотом непонятное слово «артроз». Приговор был краток и суров: три месяца полного покоя и процедур. Иначе — конец футболу. И, может быть, конец ноге… Но в это время клуб «Ботафого» готовился к большому турне по Европе…

Очень заманчивое намечалось турне: шесть игр во Франции и Италии. По 15 тысяч долларов каждая. Да, да, по 15 тысяч, если в матче участвует Гарринча. А если он не выходит на поле, тогда — в два раза меньше: семье половиной тысяч долларов. Вот так! А вы говорите: «Нога! Процедуры! Три месяца!» Какие могут быть тут три месяца! И когда Маноэл появился в кабинете президента «Ботафого» сеньора Сержио Дарси с просьбой не брать его в Европу, сеньор Сержио только рассмеялся. А потом сухо сказал, что об этом не может быть и речи, иначе он расторгнет контракт, возложив на виновника — Маноэла Франсиско дос Сантоса — покрытие убытков. Потом Маноэла долго уговаривали, хлопали по плечу: «Да брось ты! Подумаешь, нога! У кого из классных мастеров не болят ноги! У всех болят. Приедешь, мы тебя положим в клинику. Вызовем лучших специалистов…»

И он поехал.

Перед матчами доктор делал ему обезболивающие уколы. Чтобы Манэ забывал о том, что у него больная нога. И Манэ забывал и играл. Играл на совесть. Отрабатывал семь с половиной тысяч долларов. Манэ — честный парень. Он знал, что раз импресарио платит эти деньги клубу, значит, их надо отрабатывать. А потом, через два часа, действие наркоза кончалось, и колено начинала раздирать дикая боль. Бывало, его носили на руках от автобуса до постели в отеле. Или до кресла в самолете. Какая-то сердобольная душа подобрала ему палочку, чтобы опираться. Он ждал матча со все возрастающим нетерпением, потому что накануне игры врач всаживал ему шприц со

спасительной сывороткой. И боль исчезала, и он, распрямившись, вновь выбегал навстречу знакомой и привычной волне восторгов: «Гарринча! Гар-ррин-ча! Га-ррин-ча!»

По возвращении из турне клуб предоставил ему отпуск. Кинул кость. Но было уже поздно. Нога совсем разболелась. Начались процедуры, лечение. Выяснилось вдруг, что главной проблемой был не артроз, а разрыв мениска. Знакомый врач Марио Тоуриньо сделал операцию. Заплатил за нее другой друг — банкир Магальяэс…

В «Ботафого» начинали чувствовать, что Гарринча стал уже не тот, на нем все труднее и труднее становилось зарабатывать. Тем более ему перевалило за тридцать. Футбольный «идол», как и «звезда» кабаре, хорош, пока молод… И нужно уметь вовремя избавиться от него. Но как это сделать? Ведь Манэ еще был «идолом» торсиды!

И картолы не спеша стали подготавливать почву. За недорогую плату в газетах были организованы несколько статей, авторы которых, воздавая, конечно, должное творческому наследию великого мастера, отмечали тем не менее, что он, к сожалению, стареет и перестает отвечать возросшим требованиям современного футбола. «В карете прошлого далеко не уедешь, Манэ!» — сокрушенно качали головами картолы. Манэ тренировался, но его перестали ставить на матчи. Изредка выпускали запять минут до конца. А потом озабоченно говорили: «Что-то ты, парень, не в форме…»

Он злился, перестал ходить на тренировки. Прибавил в весе. Одним словом, это был уже не тот Гарринча. И накануне карнавала 1966 года его продали в Сан-Паулу «Коринтиансу» за 200 миллионов крузейро. По тем временам это была громадная сумма. Во всяком

случае, по бразильским понятиям — что-то около 100 тысяч долларов.

Продали парня, который тринадцать лет был чернорабочим клуба. Продали парня, который принес дельцам миллионы за эти тринадцать лет. И не только миллионы. Продали Манэ, который увеличил в десятки раз торсиду «Ботафого» в Бразилии и прославил эту команду за рубежом до такой степени, что ее имя произносится теперь с таким же уважением и восхищением, как и имя легендарного «Сантоса».

Впрочем, к чему теперь говорить об этом? «Ботафого» стал пройденным этапом в жизни Манэ. В конце концов, разве есть в Бразилии какой-нибудь крупный профессионал футбола, кроме Пеле, которого не продавали хотя бы пару раз в его жизни? Короче говоря, Манэ пришел в «Коринтианс». В другой клуб, другой город, другой штат Бразилии, где никому не было никакого дела до его ноги, до семи килограммов лишнего веса, до всяких там семейных проблем и передряг… «Коринтианс» знал одно: он купил «би-кампеона», и за свои деньги «Коринтианс» требовал товар лицом.

Трибуны стали посвистывать в адрес Маноэла. Сначала робко, потом все сильнее и сильнее. И строгие картолы (о, эти люди одинаковы в каждом клубе!) недовольно ворчали: «Что-то ты, Манэ, сегодня был не в ударе!» Манэ лез из кожи вон, а после игры видел озабоченную физиономию супервизора, который похлопывал его по плечу: «Парень, за тебя заплачены большие деньги. А ты их пока не окупаешь. Слышишь?»

Всему бывает конец. И в один прекрасный (то есть, по правде говоря, не очень прекрасный) день пришел конец и терпению Маноэла. Он хлопнул дверью и ушел. То есть уехал. В Рио… Ему надоело выслушивать попреки, и он сказал, что ноги его больше не будет в «Коринтиансе».

Какой несерьезный человек, а?

Руководство клуба даже и не рассердилось-то как следует. Они давно уже поняли, что купили не то, что им было нужно. В коммерции это случается. Всегда есть какой-то процент риска: вы покупаете телевизор, он хорошо работал в магазине, а в вашем доме все лица на экране вытянуты. Вы покупаете стиральную машину, а она рвет простыни. Вы покупаете отличного вратаря, а он вдруг начинает «ловить цыплят», как говорят в Бразилии.

По правде говоря, «Коринтианс» рад был бы сбыть как-нибудь с рук Гарринчу. Но не таким же путем, черт возьми! Конечно, Гарринча — великий футболист, «бикампеон» и все такое прочее, но ведь существуют же священные принципы, которые никому не позволено нарушать! И во имя охраняемых законом норм, по которым футболист до окончания срока контракта является собственностью клуба. «Коринтианс» обратился в учреждение, которое внушает трепет одним своим названием: «Трибунал спортивной юстиции». И сей трибунал вынес, разумеется, то самое решение, которого от него и ждали: два года дисквалификации с запрещением участвовать в любых официальных матчах до истечения срока контракта.

Так карающий меч возмездия опустился на голову Маноэла Франсиско дос Сантоса, некогда считавшегося национальным героем Бразилии. Так началась для Гарринчи новая жизнь.

Он вдруг увидел, что оказался без друзей, без помощи, без денег. Появились какие-то инспекторы, требующие какие-то налоги. Гарринча и не знал-то о существовании этих налогов. А теперь их требовали с него! К тому же он оставил семью и сошелся с певицей Эльзой Соарес. Уж лучше бы он ограбил банк или перестрелял бы с полдюжины человек! В католической Бразилии, где и развода-то не существует, нет греха

более тяжкого, чем семейные неурядицы. Маноэл был предан анафеме, и на его голову обрушилась лавина презрения и ненависти.

О, чего только не натерпелся он в те дни!

Газеты вновь вспомнили о нем. Появлялись кричащие заголовки: «Прощай, Гарринча!», «Драма героя!», «Гарринча — печаль народа», «Горький конец!» Репортер журнала «Реалидаде» появился однажды в его доме, чтобы закончить репортаж, который в основном был уже написан в редакции. Был даже заготовлен чудовищный в своей жестокости заголовок: «Гарринча умер...» Репортер провел с Маноэлом целый день, потом вернулся в редакцию и настоял на замене. Так родился новый заголовок и новый репортаж: «Спасибо, Гарринча...» Появился и еще один очерк — старого друга Жасинто де Тормеса из «Ултимы оры». Он был самым теплым и назывался «Извини, Манэ!».

Гарринча и Эльза Соарес

А потом о нем вообще перестали писать. Забыли, и все тут. А жить-то было нужно. Не очень-то приятно здоровому мужчине кормиться возле женщины! Даже если она любит и готова ради него на все. Нужно было платить алименты на дочек. Маноэл задолжал. И адвокат Наир добился ордера на его арест. Чуть-чуть

Гарринчу не посадили в тюрьму как несостоятельного должника. Выручил какой-то банкир, поклонник его таланта. Внес деньги. Но разве так могло продолжаться до бесконечности?! Нет, нужно было что-то придумывать… И Гарринча попробовал зарабатывать все-таки футболом. Ему ведь было запрещено участвовать в официальных матчах… А в товарищеских вроде бы можно…

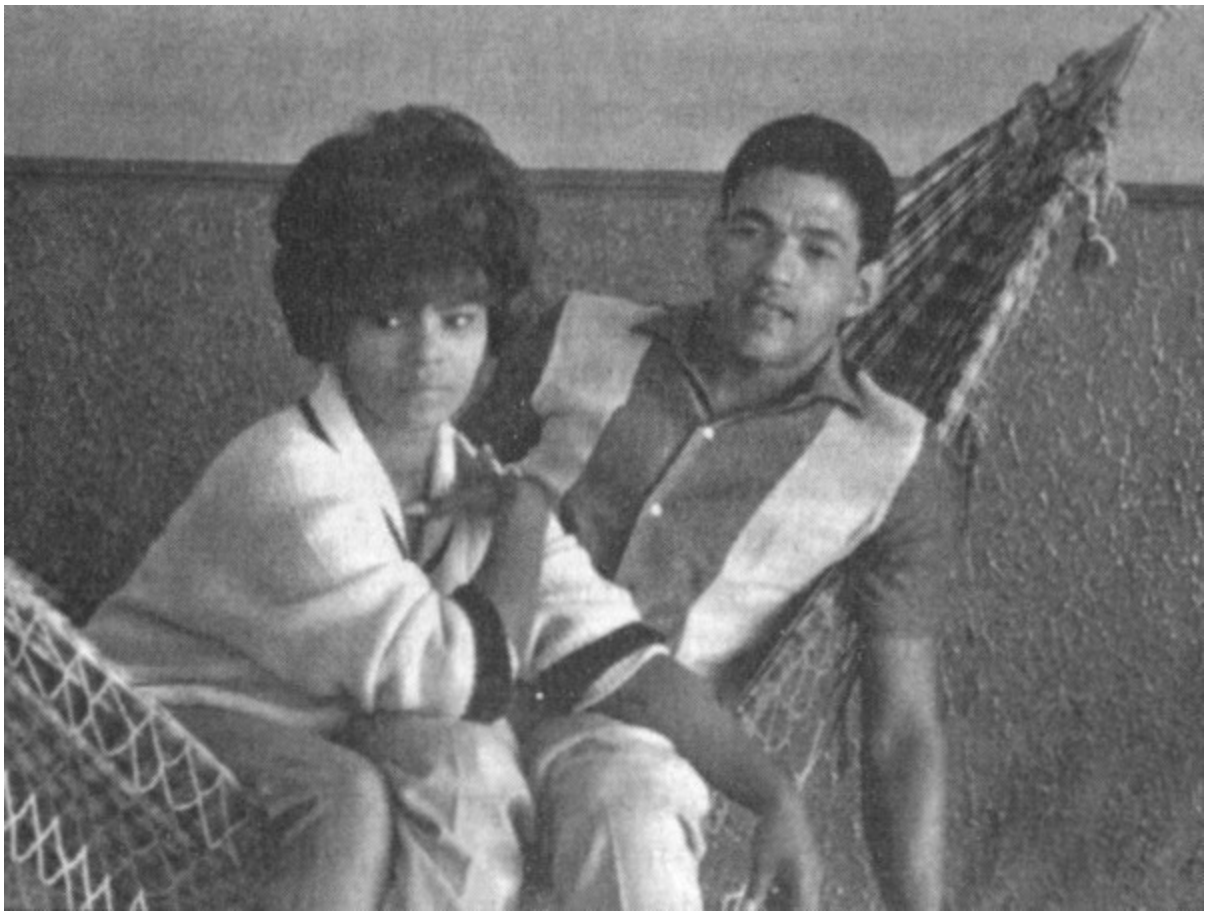
И он начал паломничество по провинциальным клубам, нанимаясь на одну-две игры. И его брали. Как берут в провинциальный цирк бородатую женщину или шпагоглотателя. Как-никак, а имя на афише все еще давало сборы! «Би-кампеон Гарринча!» Звучит, не правда ли? Маноэл играл. Сегодня в какой-нибудь Куйабе, завтра где-нибудь в Аракажу. Он держался подальше от крупных центров, появляясь в местах, где люди не особенно избалованы футбольными звездами: ведь у него было двенадцать килограммов лишнего веса. Пропала скорость, исчезла точность движений. Но даже в провинции, где редко видели хороший футбол, ему частенько приходилось слышать свист и обидные крики с трибун.

Потом бродячий торговец футболом Гарринча попробовал наняться за рубеж. В соседние страны Латинской Америки. Не в Уругвай, не в Аргентину, где знают хороший футбол, а куда-нибудь в провинциальные города Колумбии. Там, казалось бы, все получалось неплохо: ему обещали по 600 долларов за каждую игру, но удалось сыграть только один раз. За «Клуб Депортиво Жуниор» из Барранкильи. Получилось, мягко выражаясь, не совсем удачно; у него болела нога после недавнего ушиба, полученного во время благотворительной игры в одной из тюрем Рио. Гарринча дал три паса, ни один из них не был использован партнерами. Попытался повторить свой

знаменитый финт и ошибся. Попробовал еще раз, и снова мяч отобрали. На трибунах начали свистеть…

Манэ был спортсмен. Не только на поле. Он не смутился, когда после матча местный репортер ехидно спросил его, как чувствует себя освистанный «би-кампеон». Маноэл помолчал и сказал: «Мы, профессионалы, являемся в общем-то клоунами. Мы выходим и работаем на потеху публике, которая платит деньги, чтобы посмеяться, глядя на наши победы или поражения. И когда клоун работает хорошо, ему аплодируют, а если он работает плохо, его оскорбляют… Такова жизнь!»

В те дни я впервые встретился с ним. В доме у Эльзы Соарес я долго ждал, когда он вернется с тренировки: он пытался поддерживать форму и упросил своего приятеля по «золотой сборной» Загало, который тренировал «Ботафого», разрешить ему баловаться иногда с мячом. Из этого в общем-то ничего не получилось: он уставал через двадцать минут рядом с молодыми, быстрыми ребятами, которые в то время были двукратными чемпионами Рио-де-Жанейро.



Гарринча и Эльза Соарес

Мы беседовали с Эльзой, и она рассказывала о Манэ. Не жаловалась, но в каждой фразе ее слышалась затаенная обида за этого парня. Потом она стала рассказывать о себе, о том, как родилась и росла в нищей фавеле, как таскала белье и воду для матери-прачки... Как не знала игрушек и никогда не ела досыта. Как родила первого ребенка в тринадцать лет. А к двадцати годам имела уже шестерых... Как, плача по ночам от голода на грязных циновках в бараке, клялась себе выбиться в люди, заиметь такой же роскошный дом, как дома тех строгих и капризных сеньор, которым она носила выстиранное матерью

белье… Как пела песни и случайно устроилась петь в ночной кабак на Копакабане…

Однажды ее услышал какой-то импресарио, повез на свой страх и риск в Аргентину, там она произвела фурор, влюбленные гимназисты заваливали отель цветами, а седые миллионеры бомбардировали Эльзу ослепительными матримониальными предложениями. В Бразилию она вернулась уже в ореоле славы…

Но все это имеет лишь косвенное отношение к Гарринче, который прервал рассказ Эльзы на самом интересном месте. Он вернулся усталый и размягченный, бухнулся со вздохом облегчения на диван и попросил воды. Потом мы пили кофе, и он рассказывал обо всем, что написано в этом очерке. О Пау-Гранде и своем приходе в «Ботафого», об игре против сборной СССР в 1958 году и о матче в Лужниках 1965 года.

— Меня тогда так хорошо встретили, — улыбнулся он, — хотя я вышел-то минут за пятнадцать до конца и ничего не успел показать…

А об этой истории с «Коринтиансом» он говорил спокойно, без возмущения. Словно речь шла не о нем, а о каком-то ином, чужом человеке.

— Сейчас тренируюсь. Зовут меня во Францию. Предлагают контракты в Италии и Австрии…

Сказав это, он искоса глянул на меня: верю или нет? И я понял, что он и в самом деле продолжает надеяться на чудо, этот парень, наивный и добрый, этот простодушный нищий, на котором дельцы заработали миллионы, а потом выкинули его на улицу.

И тогда я попросил его рассказать о своей самой памятной игре и о самом любимом, самом дорогом голе. Маноэл загорелся и начал говорить взбудоражено, торопливо. И такая страсть вспыхнула в его глазах, что и я поддался этому гипнозу, я поверил, что для Манэ еще ничего не кончено. Что однажды пойдет день, и его

позовут. И выбежит он на поле, подняв руки в знак приветствия верной торсиде. И грохнут петарды, взорвутся ракеты, задохнутся в радостном реве трибуны, посыплется снежным дождем серпантин. И дрогнет вратарь противника, увидев мяч в ногах великого Гарринчи...

* * *

Прошло несколько недель. Близился к концу сезон 1968 года. Начинался горячий период купли-продажи футбольных звезд. «Коринтианс» тоже объявил, что желающие могут купить знаменитого футболиста Гарринчу. По дешевке. Почти задаром. Собственно говоря, клуб отчаялся на нем заработать и хотел только одного: хоть немного возместить убытки. Увы, покупателей не находилось. К этому времени страна была взбудоражена предстоящим «матчем века»: в ознаменование десятилетия победы на первенстве мира в Швеции на «Маракане» должны были встретиться сборная Бразилии и сборная ФИФА. «Сборная мира» — так торжественно величали ее газеты.

У кого-то родилась идея посвятить эту игру Гарринче. И когда об этом узнали за рубежом, то посыпались предложения от Эйсебио, Альберта, Яшина, братьев Чарльтон и других лучших футболистов мира, согласившихся сыграть бесплатно. Потом эта идея умерла. Решили, что с Гарринчи хватит матча поскромнее. Скажем, сборная Бразилии против сборной ФРГ — чем плохо? Или, допустим, Бразилия с Уругваем? Это еще дешевле: ведь Уругвай-то ближе к Бразилии, чем ФРГ! Потом идея ссохлась до гипотезы о матче сборных команд Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, потом говорили о матче ветеранов Рио против ветеранов Сан-Паулу. После этого не говорили уже ничего. Идея

умерла. И умерла так прочно, что на состоявшийся матч сборных Бразилии и ФИФА Гарринчу вообще забыли пригласить! Забыли пригласить Гарринчу на матч в честь победы, в которую он вложил столько сил!

Время шло. Однажды я узнал от друзей, что срок дисквалификации истек и Гарринча начал тренироваться всерьез. Рассказывали, что это были такие тренировки, которых в Бразилии, где футболисты не очень-то любят утомляться, вроде бы вообще не видывали. Что он быстро теряет вес, обретает форму. Что у него появился врач, который установил специальный режим… И я решил съездить посмотреть, правда это или нет.

И я хорошо сделал, что поехал! Потому что если бы я не посмотрел эту тренировку собственными глазами, я никогда бы не поверил в то, о чем я сейчас расскажу.

Маноэл тренировался с каким-то ожесточением, с упорством, с восторгом, со злостью. Он бегал, работал с мячом, занимался гимнастикой, снова бегал. Потом плавал в бассейне.

Гарринча на тренировке

Гарринча контролирует вес

И все это при сорока градусах жары в тени. Так продолжалось три с лишним месяца. Три с лишним месяца, не пропуская ни одного дня, Гарринча тренировался дважды на стадионе и один раз дома, где на специально приспособленном станке подымал ногами сто килограммов двести раз! Он работал под

руководством врача «Фламенго», который взялся за это дело из спортивного интереса, из азарта. Просто этому человеку, доктору Франкалаче, было интересно, что получится. А получилось вот что: за три месяца Гарринча сбросил 12 — повторяю прописью: двенадцать — килограммов и восстановил свой идеальный вес. Он вновь обрел быстроту реакции, скорость, если не прежнюю, то, во всяком случае, очень уважительную… Он снова начал играть.

Потрясенный таким упорством и настойчивостью, восхищенный чудесным восстановлением былой формы Маноэла, тренер «Фламенго» решил рискнуть и пригласил Гарринчу сыграть пробный матч в основном составе своей команды против «Васко да Гама». Это известие поразило страну как самая неожиданная спортивная сенсация. В день матча «Фламенго» и «Васко да Гама» Рио-де-Жанейро вдруг охватила лихорадка. Произошло непредвиденное. Весь город двинулся на стадион. Весь город отправился смотреть на Гарринчу, который не появлялся на «Маракане» уже три года.

В радиусе нескольких километров от «Мараканы» образовались чудовищные автомобильные пробки, которых не помнила история Рио-де-Жанейро, не хватило пригородных поездов, поскольку дирекция железной дороги не предполагала, что десятки тысяч пассажиров ринутся в эту жаркую субботу из пригородов в город…

Администрация «Мараканы», рассчитывая, что на матче, который в общем-то не влиял на положение команд в турнирной таблице, будет что-нибудь около полутора десятков тысяч болельщиков, отпечатала тридцать тысяч билетов и открыла всего несколько касс. Вокруг стадиона образовалось грандиозное людское море. Когда кончились билеты и закрылись кассы, десятки тысяч людей стали ломать ворота и

штурмовать заборы «Мараканы», жалкие кордоны полиции были сметены мощной волной болельщиков, кричавших нечто вроде: «Даешь Гарринчу!»

Директор стадиона, растерянный и озадаченный, принял единственно верное в сложившихся условиях решение: он открыл ворота, все ворота стадиона для всех желающих, для всех, кому не достались билеты… Людское море хлынуло на трибуны стадиона…

Старожилы «Мараканы» утверждают, что такого безумия, как в тот вечер — 30 ноября 1968 года, — этот крупнейший стадион мира не видел ни разу за все восемнадцать лет своей истории.

Когда диктор объявил составы команд и торжественным баритоном произнес: «Номер седьмой — Гарринча!», трибуны исторгли нечто такое, что даже трудно назвать криком радости. А когда Маноэл появился из тоннеля в красно-черной футболке «Фламенго», извержение восторга, казалось, достигло высшей точки. Взлетели ракеты, грохнули петарды, окутав ночные трибуны дымом. И жаркий летний (в ноябре в Бразилии кончается весна!) ветер колыхнул громадное полотнище:

«Гарринча — радость народа! Бразилия приветствует тебя!» Но это было еще не все…

Начался матч. И вскоре пришел великий момент, который торсида ждала долгие годы. Мяч был послан на правый фланг. Гарринче! Когда он обработал его и замер в своей обычной позе, чуть согнувшись, лицом к лицу с левым защитником «Васко» Эбервалом, трибуны вдруг застыли в молчании, охваченные тревожным, томительным ожиданием. А через секунду, когда Гарринча своим изящным знакомым и все столь же неожиданным финтом стремительно обыграл Эбервала, случилось то, что я не берусь описывать. Я до сих пор не понимаю, почему от этого вулканического,

термоядерного рева стадион не рухнул, не провалился под землю, не рассыпался на куски.

Матч продолжался под этот аккомпанемент, который, вероятно, можно услышать только на «Маракане»! Никого не интересовал конечный результат встречи, никто не хотел видеть остальных игроков. Торсида с каким-то ожесточенным упорством, с остервенением скандировала одно и то же имя: «Га-ррин-ча! Га-ррин-ча!»

30 ноября 1968 г. Гарринча играет за «Фламенго»

А команда «Васко», выведенная из состояния равновесия одним лишь присутствием Маноэла, не хотела сдаваться! Гарринчу начали бить! Центральный защитник фонтана, подстраховывающий несчастного Эбервала, снес Гарринчу. Затем Эбервал ударил Манэ по лицу! Трибуны ответили возмущенно-пронзительным свистом, проклятиями и угрозами.

Так продолжалось до перерыва, когда тренер «Фламенго», увидев, что Гарринча хромает, решил сменить его. Узнав об этом, вся пресса бросилась вниз,

под трибуну. Там, наверху, еще продолжался радостный рев и крики: «Га-ррин-ча!», а здесь, в жаркой раздевалке «Фламенго», было сравнительно тихо. Маноэл стоял, стаскивая футболку, и плакал. Он плакал как дитя. Слезы счастья катились по его грязному лицу. Его обнимали, ему трясли руки, хлопали по плечу.

Глядя на Манэ, подозрительно шумно сморкался, упрятав лицо в носовой платок, ветеран бразильской журналистики, многое повидавший на своем веку. Нет, невозможно было оставаться спокойным в эту минуту, слушая хриплый, запинающийся голос Гарринчи, всхлипывающего, моргающего ресницами…

— Я счастлив сейчас больше, чем десять лет назад — в Швеции. И больше, чем в Чили, где мы стали «би-кампеонами». Я никогда ничего подобного не испытывал. Я счастлив не потому, что играл. А потому, что доказал им, что еще могу играть, что мой футбол еще не умер…

Всем стало ясно, о ком говорит Маноэл. А он продолжал:

— Я рад, что торсида меня не забыла, потому что наша торсида — это самая великая торсида в мире. И ради ее уважения, ради ее признания каждый из нас пойдет на любые жертвы… И еще хочу я сказать спасибо, очень большое спасибо «Фламенго». Это великий клуб, который всю жизнь был клубом моего сердца, хотя играл я за «Ботафого». Спасибо «Фламенго» зато, что поверили в меня, что дали мне эту возможность… И я надеюсь, что смогу еще раз показать мой футбол и отдать «Фламенго» и всей торсиде свой большой долг…

Он умолк, и к нему снова протянулись десятки рук, снова защелкали блицы, посыпались вопросы, застрекотали кинокамеры. И, очнувшись, я вспомнил, что я — тоже репортер, и сунул ему под нос микрофон своего «Националя».

— Маноэл, а что вы хотели бы сказать сейчас советским радиослушателям и советской торсиде, которая помнит и любит вас?

— Я посылаю всем болельщикам в России свой привет и надеюсь, что смогу когда-нибудь снова побывать в вашей стране вместе с «Фламенго» и сыграть лучше и больше, чем я сыграл на вашем стадионе в 1965 году… И еще я хочу сказать всем вам, что очень люблю «Фламенго» и благодарю его от всего сердца…

Потом шел второй тайм, но игра уже никого не интересовала, тысячи людей столпились близ центрального холла «Мараканы», ожидая появления Гарринчи. Появились «батареи», они спустились из фавел, расположившихся на горах вокруг «Мараканы». Тысячи глоток под грохот тамбуринов, атобакес и сурдос скандировали: «Оле! Оле! Манэ Гарринче еще лучше, чем Пеле!..»

И когда появился ослабевший от матча, от переживаний, от счастья и слез Маноэл, его подхватили на руки. И под радостный, ликующий рев десятков тысяч мулатов, креолов, людей, для которых футбол является единственной радостью в этой жизни, полной невзгод и лишений, понесли вокруг стадиона. Автомашины салютовали герою сиренами. Колыхались флаги. Свирепые полицейские бежали следом, как мальчишки, стремясь если не прикоснуться к нему, то хотя бы увидеть краешком глаза Гарринчу. И в этот момент, пожалуй, легче всего было понять, почему люди дали этому парню такое светлое прозвище — Радость народа!

На следующий день на «Маракане» играл «Сантос», и я воспользовался этим случаем, чтобы разыскать Пеле и спросить у него, что он думает о возвращении Гарринчи. «Король» сказал:

— Пожалуй, это является самым важным событием в бразильском футболе за последние годы. И я очень рад за Манэ. Рад, что он сумел доказать свою правоту всем, кто кричал, что его футбол умер… А что касается перспектив, будущего, дальнейших возможностей Гарринчи, то об этом трудно пока говорить. Во всяком случае, он сделан самое главное. Он доказал, что обладает железной силой воли. Что умеет добиваться того, что на первый взгляд кажется невозможным… И если он сможет играть так, как играл вчера, если он даже сможет показывать хотя бы 50–60 % того, чем он обладал раньше, среди наших нынешних правых крайних трудно будет найти такого, кто сумеет с ним поспорить…

* * *

Прошло несколько дней. Схлынула волна ажиотажа и восторгов. Началась пора трезвого анализа и размышлений.

Президент «Фламенго» Вейга Брито довольно потирал руки: премьера Гарринчи принесла в кассу клуба 100 тысяч крузейро. Совершенно неожиданно. Эти деньги не были предусмотрены финансовыми планами. Они прямо-таки с неба упали… Можно было заплатить кое-какие долги. И вознаградить Гарринчу. Ему выдали две тысячи крузейро. Потом с ним заключили контракт. На полгода. Условия были очень неплохие, достойные «би-кампеона» — четыре тысячи крузейро (тысяча долларов) в месяц зарплаты и дополнительно три тысячи крузейро за каждую игру. Сезон окончился, команды были распущены на обязательные каникулы, а Манэ продолжал тренироваться. Он даже отказался принять участие в традиционном рождественском обеде «Фламенго».

— Знаете, я боюсь этих гусей: ешь, ешь, и все хочется добавки… А потом глядишь: живот заплыл жиром, и все надо начинать снова…

Начался новый сезон. Гарринча сыграл раз, другой, а потом прочно сел на скамейку запасных: по просьбе нового тренера Тима новый президент «Фламенго» Ришер купил у аргентинского клуба «Сан-Лоренсо» стремительного, молодого Довала. Правого крайнего. На место Гарринчи. И Довал играл действительно здорово. Он стал кумиром торсиды, завсегдатаем газетных полос, любимцем репортеров.

А о Гарринче снова забыли… Маноэл сделал свое дело, Маноэл может уйти. Некоторое время он продолжал числиться в штатных ведомостях «Фламенго». Но его даже не включали в число пяти запасных, которые раздеваются перед матчем и сидят на скамейке в надежде выйти на поле хотя бы на несколько минут… А вскоре контракт кончился, и Гарринча снова оказался на улице.

Что же это, конец? Разве можно умереть дважды?..

А в ответ я слышу скрипучий голос какого-нибудь картолы с до мерзости обоснованным ответом:

«А что тут такого? Никакой футболист не вечен! Гарринче уже тридцать пять. Пора уступить место молодым…»

Да, пора… Как это сделали соратники Маноэла, добывавшие вместе с ним «золото» в Швеции: Нилтон Сантос и Загало, Джалма Сантос и Зито, Диди и вот только что Жилмар… Уходить пора. Но уходить можно по-разному. Торсида воздала Маноэлу самые великие почести, которые доставались на долю футболиста. Но торсида не может дать ему пенсию. Не может обеспечить его работой…

«Он сам виноват, — слышу я голос картолы. — Нужно было думать об этом пораньше. Как это делали тот же Нилтон и Диди. Как сейчас это делает Пеле…»

Гарринча в своем поселке с дочкой у бара «Гарринча»

Правильно. Нужно было думать об этом! Нужно было копить денежки, откладывая их, чтобы потом завести себе аптеку, как Нилтон, или сапожную мастерскую, как Джалма Сантос, или просто солидный счет в банке, как Вава... Но если бы Маноэл думал об этом, он, пожалуй, не был бы Гарринчей! Это не вина его, а беда, что не знал он цены деньгам, что щедрой

рукой одаривал всех, кто приходил к нему. Кто просил взаймы: «До будущего года, слово чести, Манэ!» Где они сейчас, бывшие друзья? Где должники? Манэ и не помнит-то их... А если бы и помнил, не пошел бы просить вернуть деньги. Как не пошел и никогда не пойдет брать взаймы.

Неужели солидная организация, гордо именующая себя «Конфедерация бразильского спорта», не может подыскать для своего бывшего служащего (и не из худших!), для Маноэла Франсиско дос Сантоса, какую-нибудь скромную, но достойную работу? Чтобы раз и навсегда перестал его точить червь сомнения, чтобы исчезли тревога и неуверенность в завтрашнем дне! Да разве такой уж кощунственной кажется мысль о скромной пенсии?

Впрочем, что говорить об этом? Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться. Он был нужен до тех пор, пока забивал голы, приносил победы и, самое главное, делал деньги. Много денег в разных валютах. А теперь на него нет больше покупателей. Он выпал из товарного обращения. И может быть списан в расход…

ОТКУДА ПРИШЕЛ И КУДА УШЕЛ ГАРРИНЧА...

... Пожалуй, все самое главное об этом человеке сказано в только что прочитанной главе. Нет в ней только развязки. Финальной точки, которую судьба поставила в конце этой невероятной жизни. Сейчас, тридцать лет спустя, вооружившись кое-какими новыми материалами, переворошив старые досье, заново перечитав пожелтевшие вырезки и просмотрев недавно вышедшие книги, я готов полностью утвердить к переизданию тот старый текст.

Однако не могу не сделать несколько дополнений и уточнений, которые обусловлены событиями,

случившимися после выхода первого издания этой книжки, и новым прочтением старых бумаг, хранящихся в моих досье.

Первое и самое главное. Чтобы понять до шокирующего необычный характер Манэ Гарринчи: его невообразимую безалаберность, его неумение считать деньги, его неспособность элементарно просчитывать последствия своих поступков и нежелание заглядывать в будущее хотя бы на два часа, не говоря уже о каких-то более долгих сроках... чтобы понять это, нужно учесть, что Гарринча был ИНДЕЙЦЕМ. И тут не обойтись без небольшого исторического экскурса.

Его прадед родился и жил в племени фулнио в северо-восточном штате Пернамбуко на границе со штатом Алагоас. И сейчас этот край является беднейшим в стране. А что он представлял собой полтора века назад, об этом даже и думать не хочется.

Фулнио, как и многие другие индейские племена, пали жертвой белых фазендейро, захватывавших богатые земли этих несчастных и убогих сынов бразильской земли. Как выяснил журналист Руй Кастро, автор изданного в Сан-Паулу в 1995 году самого, безусловно, подробного исследования о жизни Гарринчи («Одинокая звезда. Бразилец по имени ГАРРИНЧА». Ruy Castro «Estrela solitaria. Urn brasileiro chamado GARRINCHA», Sao Paulo, Companhia das Letras, 1995), деревня, в которой жили предки Маноэла, была сожжена белыми в 1870 году, и те, кто уцелел после кровавого побоища, бежали на юг, в сторону Рио-де-Жанейро.

По дороге прадед Гарринчи вместе с несчастными своими попутчиками был схвачен одним из охранников какого-то белого сеньора по фамилии Франсиско дос Сантос (отсюда пошли фамилии всех его последующих потомков, вплоть до Гарринчи, ведь у индейцев-то никаких фамилий никогда не было и нет, и им давали

имена и прозвища по именам тех урядников, полицейских и прочих степных волков, которые приводили их повязанными к новым господам!), и беглые индейцы фулнио, как и тысячи их собратьев из десятков других индейских племен, были просто-напросто обращены в рабство.

Тут уместно напомнить, что рабовладение в Бразилии просуществовало до самого конца XIX века. Впрочем, для подавляющего большинства черных и желтых рабов, то есть негров, индейцев и мулатов, принятый 13 мая 1888 года «Ley Aurea» — аболиционистский закон мало что менял в их положении: отменялось право неограниченной собственности на людей в крупных, фактически рабовладельческих латифундиях, но куда могли деться сотни тысяч «освободившихся» негров или индейцев, лишенных образования, профессий, каких бы то ни было средств к существованию?! Конечно же, им все равно приходилось наниматься и служить каким-то новым хозяевам.

Этот исторический экскурс понадобился мне для того, чтобы пояснить, каким образом, переходя из рук в руки, от хозяина к хозяину, прадед, дед и отец Гарринчи осели в конце концов в маленьком поселке Пау-Гранде под Рио-де-Жанейро, но при этом продолжали оставаться по сути своей, по нраву, по поведению, по складу души, по характеру индейцами.

Причем отец Гарринчи закончил свой жизненный путь сторожем на открывшейся в этом поселке текстильной фабрике «Америка фабрил», а юный Маноэл сумел сделать еще один шаг вверх по социальной лестнице: в 14 лет он нанялся на эту фабрику учеником. И в конце концов сумел жениться на доне Наир, которая была его опекуншей, обучая азам ремесла.

Правда, с первых же дней своей «работы» на фабрике он был отмечен как отменный лодырь. Мало того что Манэ вечно опаздывал к началу смены! Ему для начала было поручено выметать хлопковую пыль в проходах между ткацкими станками. Так он нашел несколько ящиков с необработанным хлопком и преспокойно укладывался туда досыпать то, что недоспал ночью в родительской хижине!

По всем законам логики, не говоря уже о правилах трудового распорядка, его должны были бы выгнать прочь, но уже тогда, в четырнадцать лет, у него обнаружились особые задатки к футболу, благодаря чему его взял под свою защиту сменный мастер «сеу Бобоко», известный также как «сеу Франкелино», по паспорту — Франклин Неокорнил, который был по совместительству президентом поселкового футбольного клуба «Пау Гранде» и который (вечная слава ему за это!) первым разглядел в мальчишке футболиста и взял его под защиту, лелея надежду вырастить для своего клуба новую звезду.

Впрочем, через год Мане все-таки был изгнан с работы теми, кто стоял над сеу Бобокой. Начальство не переносило лодырей. А юный Маноэл продолжал что дома, что на работе оставаться ИНДЕЙЦЕМ: то есть человеком, который совершенно неспособен, не умеет и никогда не будет жить по каким-то «трудовым распорядкам», выполнять чьи-то приказы, приходить куда-то по звонку и отправляться домой по указанию хозяина, начальника или шефа.

Сказанное отнюдь не означает, что автор этой книжки вдруг начал страдать расистскими предубеждениями, что он считает индейцев людьми «второго сорта» или «недоразвитыми». Ни в коем случае!

Мне приходилось не раз общаться с настоящими индейцами в среде их обитания — в Амазонии.

Однажды я добрался до географического центра Бразилии, где существует нечто вроде резервации для аборигенов этой страны: так называемый «Национальный парк Шингу», находящийся на берегах реки Таутуари (которая впадает в реку Кулуэни, впадающую в еще более полноводную реку Шингу, изливающую в конце концов свои воды в Амазонку). Я сдружился там с Орландо и Клаудио Вилас-Боас, с Ноэлом Нутелсом и некоторыми другими специалистами по индейской культуре, и все это помогло мне понять, что индейцев нельзя считать «слаборазвитыми», «низшей расой» или «отсталым» аппендиксом нашей цивилизации. Как сказал мне Орландо Вилас-Боас, проживший бок о бок с индейцам почти сорок лет, они просто ДРУГИЕ по сравнению с нами. У них другой подход к жизни, другая шкала ценностей, другие мысли и представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Они живут на одной с нами планете, но являются иной цивилизацией.

Отсюда и объяснение всех странностей Манэ Гарринчи, его потрясающего «неумения» жить, отсюда отсутствие у него интереса к суммам, которые картолы проставляли в его контрактах. (Индейцы никогда ничего не планируют, кроме самых ближайших дел: сегодняшней охоты, рыбной ловли или завтрашнего праздника поминовения усопших. Индейцы живут только сегодняшним днем.)

Отсюда его фаталистическая готовность покорно смириться с ударами судьбы. Отсюда — полное отсутствие интереса к тому, что произойдет с ним в будущем. И безразличие к тому, что происходит с ним и вокруг него сегодня. Отсюда — непонимание многих простых вещей, столь очевидных для любого из нас.

Отсюда же и его феноменальный сексуальный аппетит, о котором близко знавшие его люди

рассказывают со смешанными чувствами ужаса и восхищения.

(Мне приходилось не раз слышать от тех, кто был дружен с Манэ, что иногда он во время беседы с друзьями в своем доме вдруг нервно вскакивал, бежал в соседнюю комнату, где отдыхала от трудов праведных Эльза Соарес, и лихорадочно занимался с ней любовью, не заботясь о том, что через неприкрытую дверь звуковая партитура этой бурной мизансцены становится достоянием гостей, которые с улыбкой и завистью комментируют темперамент амфитриона. Через пять-десять минут, удовлетворенно посапывая, Гарринча возвращается к гостям и продолжает беседу…)

Именно этими чертами был обусловлен и трагикомический эпизод (о нем мне рассказал Жоан Салданья), в ходе которого великий футболист едва не попал за решетку по причине своего необузданного темперамента.

Началась эта история в 1959 году в Швеции, где «Ботафого» был на очередных футбольных гастролях. В каком-то маленьком провинциальном городке, где команда находилась проездом всего сутки, день и ночь, Гарринча соблазнил горничную, пришедшую убрать номер. Игроков там, как всегда, разместили в комнатах по двое, но сосед Маноэла отлучился в бар выпить бутылку пива, а Гарринча за эти двадцать минут умудрился сделать свое привычное и приятное дело.

А через несколько часов команда снялась с якорей и отправилась в какой-то другой город на очередной матч.

Обычный дорожный «роман», заурядная, казалось бы, история: такие мимолетные приключения являются неизбежным следствием драконовской строгости режимов, навязываемых спортсменам. И сам Гарринча, и тысячи других его коллег в разных городах и странах проделывали такие операции миллионы раз. И много

еще будет таких приключений на разных широтах и меридианах. Но только с вечным неудачником и ненасытным сексуальным хищником Гарринчей одно из них вдруг обрело характер то ли шекспировской трагедии, то ли опереточного фарса, то ли полицейского детектива. Смотря с какой стороны глядеть…

Оказалось, во-первых, что случайная подруга, которую Манэ одарил своей стремительной и жаркой двадцатиминутной любовью, была, увы, несовершеннолетней.

Во-вторых, вскоре, как и следовало ожидать, обнаружились те самые последствия, которые так огорчают юных дев, доверяющих свою чистоту и нежность неопытным сверстникам или опытным, но случайным ловеласам.

Случись это в Бразилии, никто бы и бровью не повел. Но в чопорной скандинавской стране разгорелся скандал. Общество защиты одиноких матерей мгновенно установило по книгам регистрации отеля имя преступника, совершившего гнусный акт растления малолетней согражданки, и развернуло грандиозную кампанию с целью его поимки и примерного наказания. В Рио-де-Жанейро полетели письма и телексы с категорическим требованием выдать злодея для свершения над ним суда по законам цивилизованного мира.

Но кто, скажите на милость, в канцелярии бразильского профессионального футбольного клуба, занятого множеством больших и малых повседневных проблем, связанных с бесконечными футбольным турнирами и чемпионатами, будет обращать внимание на какие-то странные письма из Швеции относительно каких-то внебрачных детей?! Кто станет хотя бы дочитывать до конца депеши и телеграммы с этим вздором?!

Почта из Швеции отправлялась в корзинки для мусора. Так прошел год, потом пошел другой. Родившийся в положенные сроки симпатичненький кроха-метис (попытайтесь, уважаемый читатель, представить себе этот генетический нонсенс: смуглый метис — в стране белокурых викингов?) вызвал бурю сочувствия к девочке-матери и соответственно подстегнул энергию старых дев из Общества защиты одиноких матерей.

Бесплодная кампания по поиску соблазнителя продолжалась бы еще много лет, если бы не анекдотический казус: «Ботафого» снова приехал на гастроли в Швецию, и мало того — оказался в этом же самом городке, где Манэ и его коллегам надлежало сыграть очередной товарищеский матч!

Гарринчу повязали прямо у трапа самолета. Ничего не подозревавший Манэ отправился за решетку, так и не поняв, за что, а изумленные картолы клуба бросились за разъяснениями к местным властям.

«И вскоре нам стало ясно, — рассказывал мне Салданья, что парню светит довольно большой срок…»

Суд устроили быстрый и праведный. Когда Манэ объяснили, в чем дело, он радостно засмеялся: до сих пор у него рождались только девочки. И в браке, и вне брака. К тому времени у супруги Наир родилось уже не то пять, не то шесть дочерей (а всего к концу брака их набралось восемь), а тут, пожалуйста, нате вам — парень! Наконец-то!

Потом он с совершенно невероятной в его устах деловитостью вдруг предложил: «Давайте, я возьму эту девочку вместе с ребенком к нам, в Рио, куплю ей там квартирку. И буду навещать пару раз в неделю. Допустим, по понедельникам и пятницам. А в остальные дни буду жить в своей семье».

«Меня чуть инфаркт не хватил, когда я это услышал, — смеялся Жоан Салданья. — Я только-только

успел крикнуть переводчику, чтобы он не перевел это „предложение“ для судьи. Иначе Манэ добавили еще бы срок за полигамию…»

В конце концов Общество защиты одиноких матерей, осознав, с каким субъектом оно имеет дело, отозвало свой иск, решив взять под опеку бедную девочку.

А Маноэла Франсиско дос Сантоса, заклеймив позором и негодованием, решено было отпустить на все четыре стороны.

«Он так и не понял, — рассказывал Жоан, — за что к нему придираются „эти судьи“ и „те старые мегеры“ (дамы из Общества защиты матерей, взявшие на себя роль общественных обвинительниц). Он сидел на скамье подсудимых, невозмутимо улыбался и так и не понял, что был на волоске от очень больших неприятностей».

Это тоже было следствием генетических особенностей натуры этого человека. Индейца. Так и оставшегося индейцем до конца дней своих.

И конец этот стал именно таким, каким он очень часто бывает у индейцев, вошедших в слишком тесное и столь губительное для них соприкосновение с нашей «белой» цивилизацией.

Окончив в конце концов свою игровую карьеру, он так и не смог найти себе никакого подходящего занятия. И дело не только в том, что не было у него никакого образования, не имел он даже самой простой специальности, дававшей возможность заработать себе на кусок хлеба.

Нет, он просто не умел и не мог РАБОТАТЬ! Опять-таки придется повторить: он был ИНДЕЙЦЕМ! Человеком, совершенно не приспособленным к жизни в нашем суперорганизованном мире. Человеком, живущим только сегодняшним днем. Точнее — минутой. Хочется женщину, Манэ отправляется на поиски.

Хочется выпить, берется за бутылку. И женщин, и бутылок в его жизни было более чем достаточно. И чем дольше он жил, тем глубже погружался в этот омут.

Друзья, отдадим им должное, пытались его куда-то пристроить. Но разве можно было придумать для него что-то подходящее? Еще в то время, когда он жил с Эльзой Соарес (а после нее у него было множество иных, как правило, случайных подруг и одна — постоянная, считавшая себя его женой — Вандерлея), родилась почти гениальная идея — пристроить его на пост официального представителя бразильского Института кофе в Италию.

К тому времени дела у него пошли совсем плохо: за невыплату алиментов (Наир обратилась в суд) у Манэ был конфискован маленький дом, которым он по категорическому настоянию друзей обзавелся в момент, когда у него еще были деньги.

После недолгого разбирательства судья Аурео Бернардес Карнейро (с дрожью в голосе и со слезами на глазах — он ведь был болельщиком «Ботафого» и неистовым фаном футбольного таланта Гарринчи) приговорил Манэ к тюремному заключению на срок «до погашения невыплаченной алиментной суммы». И пошел бы наш герой за решетку, если бы не помощь еще одного фана: банкира Жозе Луиса Магальяэса, который и выплатил Наир задолженность по алиментам Манэ.

В этот период все у Манэ рушилось, все ломалось. Вдобавок к упомянутым неприятностям он попал (по своей неосторожности) в серьезную автокатастрофу, в результате которой погибла его теща — мать Эльзы Соарес и была ранена его с Эльзой дочка. Друзья потом вспоминали, что именно в те дни окончательно исчезла с его лица веселая улыбка, с которой он жил всю жизнь, с которой играл в футбол, любил женщин, пил

тростниковую водку-кашасу с друзьями, не задумываясь о будущем и не оборачиваясь к прошлому.

И вот в этот самый черный период его жизни, когда Эльза собиралась на большое гастрольное турне по Европе, у кого-то из друзей родилась, как уже было сказано, идея отправить с ней Манэ и пристроить его полпредом Института кофе на бразильской торгово-промышленной выставке в Милане. (Вспомним, что спустя тридцать лет именно полпредом бразильского кофе к нам приезжал Пеле, и согласимся, что история иногда повторяется. «Первый раз как трагедия, второй — как фарс», — сказал мудрец. Правда, тут фарсом стал как раз самый первый опыт: с Манэ.)

Манэ оснастили аккредитационными письмами, обрядили в фирменный костюм и оправили на выставку. Ах, если бы только устроители могли предположить, чем завершится его «пиаровская» деятельность!

Имя Манэ действительно привлекло итальянцев. Еще бы! Его слава к тому времени отнюдь не померкла. Его неповторимые и необъяснимые финты еще жили в памяти итальянских тиффози, которые дружно пришли посмотреть на живого идола. Пожать руку. Попросить автограф. Посудачить о том, что мельчает сегодняшний футбол. И нет в нем гениев, подобных Гарринче…

Эльза цвела и ликовала: наконец-то ее «Ненен» при деле!

Но сказка быстро закончилась. И, увы, конец ее трудно признать счастливым: во время одного из самых важных показов, когда публики было особенно много, когда фотографы и телекамеры переполнили салон, где рекламировались несравненные достоинства бразильского кофе и на Манэ с чашечкой этого волшебного эликсира в руках было обращено внимание всей Италии, он в ответ на очередной вопрос о замечательных достоинствах напитка с присущей ему чистой, незамутненной искренностью ответствовал:

— Может быть, этот кофе и не так уж плох, как все вокруг говорят, но я не любитель этого напитка. Нет, честно говоря, я предпочитаю нашу кашасу.

На этом его деятельность на ниве рекламы была завершена.

А насчет кашасы он, к сожалению, был прав. И в этом тоже сказались гены его предков.

Алкоголь стал страшной болезнью, буквально уничтожающей массы индейцев. Как и у нас, в России, — чукчей, нганасан да и просто русских…

Гарринча пил все больше и больше. Постепенно и неотвратимо уничтожая себя. Приближая страшный конец. В сорок пять он выглядел уже дряхлым стариком. Он все реже выходил из запоев. Располнел до невероятия. И в конце концов почти утратил способность самостоятельно двигаться, принимать решения, выполнять какие-то осознанные функции. Эльза, промучившись с ним полтора десятка лет, ушла. (Она, кстати сказать, до сих пор — на седьмом десятке жизни — весьма успешно продолжает свою концертную деятельность и по-прежнему остается общепризнанной «королевой бразильской самбы».)

После этого Манэ превратился в приживала при своей последней подруге Вандерлее — вдове футболиста.

В 1978 году о нем снова ненадолго вспомнили: знаменитая Мангейра — самая известная из бразильских «школ самбы» (поясню: это — не учебные заведения, а карнавальные клубы, существующие вот уже целый век в фавелах и бедняцких кварталах и организующие ежегодные знаменитые на весь мир бразильские карнавальные шествия) пригласила Манэ принять участие в очередном дефиле: именно ему была посвящена одна из карнавальных тем этой школы. И Манэ должен был участвовать в параде.

Увы, «участвовать» в параде он не смог: он уже практически не ходил. И его пришлось посадить на колесницу, которую тащили по карнавальной авениде.

И сидел он там, болтая ногами, толстый, обрюзгший, равнодушный ко всему происходящему. И, естественно, пьяный в лоскуты, как сказали бы мы в России.

В конце концов его довезли до финала. Положили, жалкого и беспомощного, на траву. И друзья долго-долго искали таксиста, который согласился бы везти «это» в далекий пригород, где Манэ ожидала равнодушная Вандерлея.

Один из водителей в конце концов согласился, только когда узнал, что «это» и есть та самая знаменитая «Радость народа».

Самый последний раз Манэ ударил по мячу 25 декабря 1982 года. Его пригласили в качестве «свадебного генерала» в Планалтину — маленький городок близ столицы страны, где на Рождество сошлись в товарищеском матче две молодежные любительские команды «Агап» и «Лондрина».

Было оговорено, что великий Гарринча постарается сыграть, если получится, один тайм. За команду «Лондрина». За это ему было обещано двести тысяч крузейро. Деньги не очень большие. Но он согласился.

Было решено, что он должен забить гол. Соперники из «Агапа» согласились посодействовать этому, а их левый бек Марсело, тот вообще пообещал, что пропустит Манэ: пускай врывается в штрафную беспрепятственно. И вратарь «Агапа» заверил, что зевнет любой мяч от Манэ, который пойдет в створ ворот.

Матч начали. И увы: какое там «ворвется»!? Какой там «створ ворот»!? Манэ и десятка метров пробежать не мог. Пыхтел, сопел, спотыкался. И, красный от усилий, шептал себе под нос: «Сейчас, сейчас, ребята, я вам покажу, как надо играть».

Ни разу так и не добежал даже до линии штрафной. Ни одной передачи не смог сделать.

В перерыве он взял свои двести тысяч и, довольный, отправился к своей Вандерлее, пытаясь подсчитать в уме, сколько на эти деньги можно будет купить бутылок.

Последний раз друзья видели Манэ 13 января 1983 года: кто-то пригласил его почтить своим присутствием открытие футбольной школы в Сан Жоан де Мерити — самом убогом и хулиганском пригороде Рио.

Манэ приехал, перерезал ленточку. Начал рассказывать детишкам, какие чудеса он делал когда-то с мячом. Мальчишки стояли и не понимали, что им говорит этот непонятный толстый старик на ватных ногах. Ребятам было лет по 10–12, и никто из них никогда не видел Манэ на поле и не знал, что перед ними живая и уже уходящая легенда.

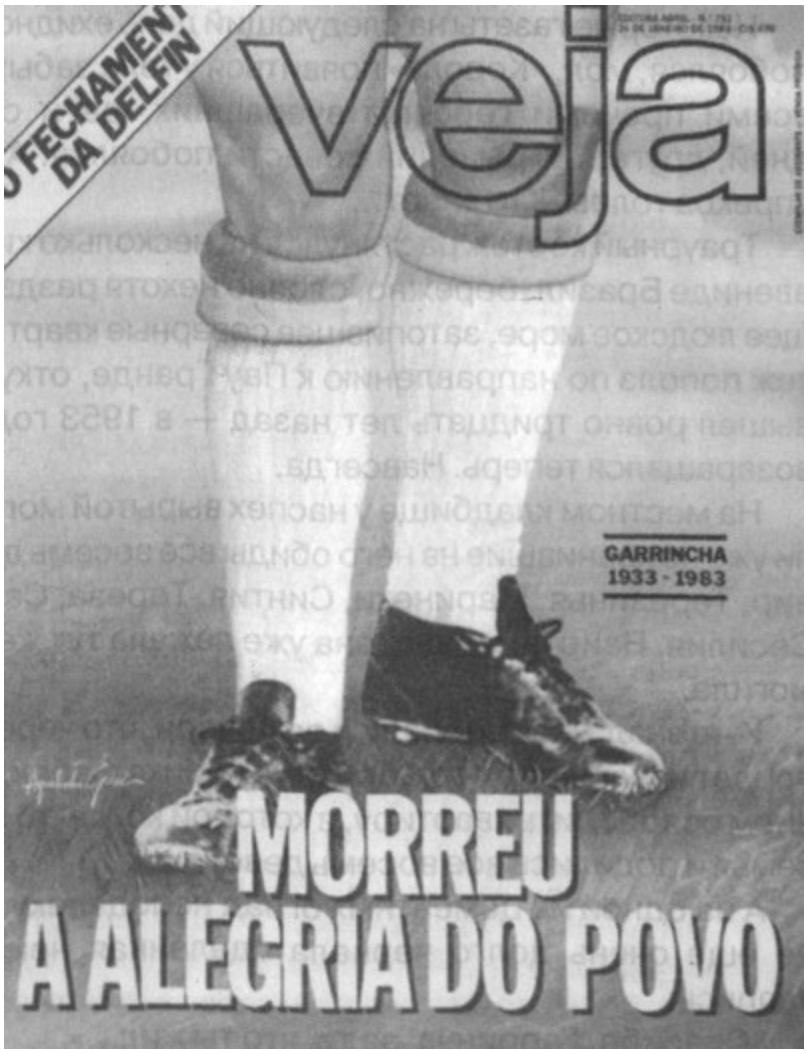
Манэ попытался что-то показать. Подбросил мяч, попытался поймать его на подъем ноги, мяч соскользнул, Манэ охнул от боли, вызванной непривычным усилием. Потом пообещал ребятам прийти как-нибудь на занятия, что-то показать, чему-то научить, о чем-то рассказать.

Не пришел. Не научил. Не рассказал. Никто его больше с тех пор не видел.

Потому что через неделю — 20 января 1983 года он скончался. В муках белой горячки. Его повезли в больницу, врачи пытались что-то сделать. Положили под капельницу. Он срывал в беспамятстве с себя эту дурацкую амуницию, повыдергивал шприцы. И ночью ушел…

Весть о его кончине мгновенно разнеслась по всей стране. Газеты взорвались вдохновенными некрологами. Журнал «Вежа» вышел с обложкой, где впервые в истории бразильской журналистики были крупно напечатаны не физиономии политиков или звезд

шоу-бизнеса, а две кривые толстые ноги. Самые знаменитые ноги Бразилии в серых бутсах и желтых гетрах.



Обложка «Вежи»

Страну всколыхнуло горе. Словно стремясь замолить грехи, пытаясь искупить вину равнодушия и безразличия, к гробу Манэ, установленному, естественно, на «Маракане», выстроились десятки тысяч людей. Пришли и знакомые, и незнакомые. Бывшие соперники и друзья. Звезды футбола, идолы шоу-бизнеса и тысячи незнатных торседорес,

заполнявших в свое время архибанкады стадионов и ликовавших, наслаждавшихся финтами Манэ.

Среди известных лиц были замечены Барбоза, Адемир, Белини, Загало, естественно, самый близкий друг Нильтон Сантос.

Правда, мало было молодых, восходящих на футбольный небосклон звезд. И не было Пеле, который сказал прессе, что очень скорбит, что потрясен. И что поставит свечку и помолится за своего друга у себя в Сантосе.

Некоторые газеты на следующий день ехидно злословили: побоялся, мол, «Король» появиться у тела забытого им, как и всеми прочими героями вчерашних, да и сегодняшних, дней, друга… Угрызений совести побоялся. А может быть, упреков толпы. Кто знает…

Траурный кортеж растянулся на несколько километров по авениде Бразил: бережно, словно нехотя раздвигая рыдающее людское море, затопившее северные кварталы Рио, кортеж пополз по направлению к Пау Гранде, откуда Гарринча вышел ровно тридцать лет назад — в 1953 году. И куда он возвращался теперь. Навсегда.

На местном кладбище у наспех вырытой могилы его ждали уже не хранившие на него обиды все восемь дочерей: Эденир, Терезинья, Маринети, Синтия, Тереза, Сара, Дениза и Сесилия. Наир не ждала, она уже лежала тут же, в соседней могиле.

И не знала, как не знали и ее дочери, что через неделю им придет извещение от фабрики «Америка фабрил» с требованием освободить квартиру, в которой когда-то возникла эта семья и родились все восемь девочек.

А на одной из цементных оград неподалеку от Пау Гранде еще очень долго чернела сделанная неизвестно кем надпись:

«Спасибо, Гарринча, зато, что ты жил…»

* * *

История «золотой сборной» — это история всего бразильского футбола. Подобно Жилмару и Пеле, Вава или Орландо, тысячи бразильских футболистов кочуют по своей стране и по белу свету в поисках выгодных контрактов и денег, которые смогут обеспечить более или менее спокойную старость. Кто-то мечтает о своей мастерской, аптеке, лавке или ином деле. А кто-то нищенствует, потеряв надежду, забытый торсидой и тренерами.

Единицы пробиваются на Олимп, на котором нет места даже некоторым «би-кампеонам». А тысячи с тревогой ожидают завтрашнего дня, когда на смену им придут новые кумиры. Слава и деньги — капризная штука! Не всем ведь суждено стать Пеле: на троне никогда не бывает места для двух королей!

20 ЛЕТ ОТ «МАРАКАНЫ» ДО «АЦТЕКИ», ИЛИ ДОЛГАЯ ДОРОГА В МЕХИКО

ШКУРА НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ

По состоянию на 31 декабря 1970 года сборная футбольная команда Бразилии провела ровно 375 официальных и товарищеских международных матчей за 56 лет своего существования. Одержав 239 побед и потерпев 76 поражений, она добилась превосходного баланса забитых и пропущенных мячей: 942:456. Добрых две трети из этих игр бразильцы провели за двадцатилетие, 1950 по 1970 годы, отмеченное их самыми выдающимися победами. О нем и пойдет наш рассказ.

** * **

Не все советские любители футбола помнят, что первое блистательное наступление бразильцев на фаворитов мирового футбола состоялось не в 1958 году в Швеции, а на восемь лет раньше — на чемпионате мира, проводившемся в Рио-де-Жанейро в 1950 году. Имея в своем составе таких выдающихся мастеров, как Балтазар, Зизиньо, Адемир, Жаир, сборная Бразилии была главным фаворитом турнира и повергала своих противников с разгромными результатами: 7:1 (сборную Италии), 6:1 (сборную Швеции) и т. п. В финале ее соперником была неприметная команда Уругвая, неоднократно битая и самими бразильцами, и иными претендентами на мировую корону.

В день матча, 16 июля 1950 года, газета «Жорнал до Бразил» опубликовала редакционный комментарий «Великая победа», в котором, в частности, говорилось: «Бразильская команда, одержав свои сенсационные победы, выйдет сегодня на поле с уже завоеванной славой сильнейшей команды мира. И надеемся, что немного погодя, по истечении двух великих схваток по 45 минут каждая, ее блистательный престиж будет окончательно подтвержден...»

Не будем осуждать газету за поспешность. Вся страна жила в тот день предвкушением великой победы: были заготовлены подарки победителям, отпечатаны поздравительные открытки и вымпелы с надписями «Бразилия — чемпион мира». Была разработана подробная процедура торжественного шествия чемпионов по всему городу, приема в правительственном дворце с вручением каждому из игроков по автомобилю. Тренеру будущих чемпионов Флавио Коста было уготовано депутатское кресло в Законодательной ассамблее Рио-де-Жанейро...

Свыше 200 тысяч болельщиков расцветили трибуны плакатами, требованиями не просто победы, а «голеады» со счетом 6:0,10:0 или больше... Свыше 200 тысяч торседорес покидали через два часа «Маракану», рыдая после ошеломляющей победы уругвайцев со счетом 2:1...

Я рассказываю столь подробно о «великой трагедии» 1950 года потому, что, по мнению самих бразильцев, она послужила отправной точкой в формировании нынешней футбольной психологии этой нации. Первый камень в фундамент побед 1958, 1962 и 1970 годов был заложен именно в тот грустный июльский день, когда тысячи автомашин двигались по авениде президента Варгаса в гробовой тишине: в знак траура никто не сигналил. Торсида переваривала горькую истину: нет матчей, выигранных заранее!

Любой противник требует к себе уважения, сколь слабым он ни казался бы…

На следующем чемпионате мира, в 1954 году, бразильцы, переживавшие переходный период от одного футбольного поколения к другому, проиграли сборной Венгрии (2:4), лучшей в то время команде мира, и их сенсационное выступление в 1950 году было забыто. На шведском чемпионате мира 1958 года они уже не значились в числе фаворитов.

В их команде, прибывшей в Швецию, не было «королей», не было «лучших в мире», «неподражаемых звезд». Имея несколько ветеранов, сборная Бразилии состояла в значительной степени из молодых парней — не старше 23 лет, среди которых числился (в глубоком запасе!) никому не известный негритянский мальчишка — 17-летний Пеле и какой-то кривоногий чудак по прозвищу Гарринча… А за три недели чемпионата эта команда превратилась в самую популярную, самую обожаемую и знаменитую команду в истории футбола…

Не будем перечислять все ее поразительные победы, не будем рассказывать о ее голах, каждый из которых вошел в антологию мирового футбола. Сухая статистика объективно отражает истинную цену «золотой» бразильской сборной: с 1958 по 1962 год включительно из 57 сыгранных матчей она выиграла 45 (!), а проиграла всего 6 встреч. Соотношение мячей 148:54.

Этот слаженный футбольный механизм не разладился даже тогда, когда Пеле — его главная «деталь» — был вынесен с поля на носилках во время чилийского чемпионата с тяжелой травмой уже во втором матче… Главным героем этого турнира стал легендарный Гарринча, который, как сказал журналист Армандо Ногейра, пришел в этот мир специально затем, чтобы посрамить левых защитников и теоретиков футбола.

Сладкий хмель победы ударил в голову торсиде и футбольным боссам после победы в Чили. Взорвавшийся на страницах газет истерический фейерверк ослепил бразильцев и превратил Гарринчу в «Дьявола кубков», Пеле — в «Короля футбола», Джалму Сантоса — в «Вечную звезду футбола», Вава — в «Льва чемпионатов»…

Справедливости ради необходимо признать, что эта шумиха не вскружила головы игрокам, а поразила лишь чиновников от футбола, которые стали рассматривать победу на следующем чемпионате мира, в Лондоне, как нечто само собой разумеющееся.

Уроки июля 1950 года оказались забытыми. Трезвые голоса, напоминавшие, что не все «би-кампеоны» смогут участвовать в приближающемся чемпионате, были заглушены победными маршами. Подбор кандидатов на поездку в Лондон превратился в грандиозную драку между клубами, каждый из которых желал послать в сборную как можно большее число своих игроков. Но так как судья — увы! — разрешает выходить на поле только одиннадцати, тренеры и картолы запутались в 45 «звездах». За весь период подготовки и за три игры чемпионата, в которых участвовали бразильцы, команда ни разу не выступала в одном и том же составе. Фактически команды не было…

И все же страна жаждала победы, ожидала ее, верила и надеялась. Вот что творилось в Бразилии в день первого матча бразильцев, который они, как известно, выиграли у болгар со счетом 2:0.

Я позволю себе ограничиться протокольным цитированием газет.

«Вчерашнее заседание палаты депутатов было прервано за пятнадцать минут до начала матча в Лондоне. Депутаты ушли слушать репортаж».

«Наш матч с Болгарией парализовал Военное министерство. Штатские и военные чиновники слушали репортаж…»

«Когда Пеле забил свой первый гол, восторги и крики служащих президентского дворца были столь бурными, что в кабинете президента упала на пол статуя…»

«Никто из прихожан церкви в Пампулье не удивился, когда падре Фелисберто де Алмейда сообщил:

— Первый тайм окончился со счетом 1:0 в нашу пользу. Помолимся Господу за благополучный исход второго тайма…»

«Поскольку все внимание двух торговцев наркотиками было поглощено репортажем, детектив Лимкольн Монтейро без труда арестовал их, привел в полицейское управление, где они вместе дослушали репортаж, прежде чем приступить к допросу…»

Газеты сообщали, что в одном только Рио-де-Жанейро во время этого победного матча было зарегистрировано четыре несчастных случая: женщина, переходившая дорогу с транзистором у уха, попала под машину; девочка девяти лет упала в обморок и поранила голову; рыбак, отмечая гол Пеле, выстрелил из пистолета и нечаянно застрелил своего товарища, а некий болельщик после финального свистка судьи пришел в такой восторг, что стал биться головой об стену и разбил себе череп…

Торжество бразильцев длилось очень недолго. Проигрыш венграм поставил их на грань катастрофы. В последнем матче с португальцами Бразилия должна была победить во что бы то ни стало. И обязательно с преимуществом в три мяча…

Бразилия матч проиграла со счетом 1:3.

Когда шла эта игра, когда жизнь в Бразилии остановилась, когда вся 90-миллионная торсида

замерла, прильнув к приемникам, я был на улицах Рио. Трагедия развертывалась на моих глазах. Трагедия в двух таймах с эпилогом. Я видел, как в знак траура сыпался из окон домов дождь черной рваной бумаги. Как бились в истерике девушки. Как беззвучно плакали мужчины с прижатыми к уху крошечными транзисторами.

Я видел, как, сидя на тротуаре Копакабаны, седой старик самозабвенно чертил мелом таинственные иероглифы, исполняя древний обряд «макумбы». Старик просил чуда. Он взывал к духам, злым и добрым, к теням своих далеких африканских предков. Но чуда не было…

Я видел, как на перекрестке улиц Мигель Лемос и Копакабаны бросился под летящий с огромной скоростью автобус парень с разорванной на груди рубахой. Здесь свершилось чудо: шофер успел вывернуть баранку. К парню подбежали, подняли, привели в чувство. Он посмотрел вокруг себя ничего не понимающим взглядом и снова бросился. На сей раз под легковую машину.

В тот час живущие в Рио португальцы закрывали свои лавки и запирали квартиры, опасаясь погромов. По городу шла печальная процессия, певшая хором самбу «Тристеза» — «Печаль» и несущая чучело бедного тренера Феолы, дом которого в Сан-Паулу был закидан камнями. А на следующий день в газете «Луга демократика» было опубликовано оплаченное торсидой траурное извещение. Обычное извещение о смерти: с крестиком вверху и в черной рамке. Текст его гласил: «Настоящим сообщаем, что вчера в „Худсон-парке“ (Великобритания) безвременно скончалась Сборная Бразилии, которая при жизни была двукратным чемпионом мира по футболу. Потрясенная горем семья, состоящая из 90 миллионов бразильцев, узнав о коварном убийстве своего любимого детища, ожидает

прибытия виновников для принятия надлежащих мер. И хотя к настоящему времени не представилось возможным выяснить имена всех преступников-убийц, не подлежит сомнению, что среди них фигурируют Висенте Феола как палач, Карлос Насименто (начальник команды) как интеллектуальный вдохновитель преступления, Жоан Авеланж, Илтон Гослинг, Жозе де Алмейда (руководитель делегации, врач, помощник тренера) как сообщники убийцы…»

После поражения в «Худсон-парке» началась полоса смятения и хаоса, продолжающаяся вплоть до 1969 года. Полетели головы тренеров и руководителей. Феола, объявленный после победы в Швеции национальным героем, был предан остракизму. Были изгнаны врач команды Илтон Гослинг, помощники тренера. Никому даже не объяснили причин отставки.

Пока бушевали эти страсти, пока картолы ругали тренеров, тренеры — судей, якобы засудивших Бразилию, игроки — тренеров и судей вместе взятых, время шло, и 1967 год оказался фактически потерянным для подготовки к реваншу в Мехико. В том году заново собранная из осколков старой команды сборная Бразилии сыграла всего лишь три матча (все вничью) со сборной Уругвая.

В следующем, 1968 году картолы наконец вытерли слезы и засучили рукава: сборная страны провела в этом сезоне двадцать матчей!

Лишь однажды — в 1956 году — она участвовала за год в большем количестве встреч (23). Кстати, анализируя статистику игр бразильской сборной, можно отметить поучительную закономерность. Накануне победных чемпионатов она всегда проводила большое количество тренировочных матчей: за два года, предшествующих 1958 году, она сыграла 37 встреч (22 победы, 8 поражений, счет 73:37), за два года, предшествующих 1962 году, — 21 матч (16 побед, 4

поражения, счет 44:11). Накануне же «трагедии» в Англии, в 1964–1965 годах, сборная Бразилии пренебрегла этой традицией: 13 встреч, из них 9 побед и 1 поражение, счет 34:11.

(Любопытно, что в 1968–1969 годах, то есть за два года, предшествующих турниру в Мехико, бразильцы провели 33 матча, вернувшись, таким образом, к практике эпохи «золотой сборной».)

К началу 1969 года, когда до отборочных игр оставалось восемь месяцев, спортивная общественность и пресса Бразилии были охвачены паникой. Мнение большинства бразильцев выразил в те дни радиокомментатор Жорже Кури, драматически объявивший на всю страну: «У нас нет сборной!»

ЛУЧШИЕ В МИРЕ БРЮКИ ПЕЛЕ

Это объясняется тем, что в ходе подготовки сборной с каждым днем все ярче проявлялись признаки неразберихи и беспорядка, знакомые по периоду подготовки к лондонскому чемпионату. Но если тогда Феола лихорадочно тасовал в своей «карточной колоде» всего лишь сорок пять «девяток», «семерок» и «десяток» во главе с «Королем» Пеле, то на сей раз Айморе Морейра колдовал над еще более длинным списком: за полтора года под знамена сборной было призвано 57 футболистов.

Разумеется, одной из главных «бед» Айморе явился тот факт, что Бразилия, как никакая другая страна мира, богата футбольными талантами и на каждое место в сборной к услугам тренера всегда имеются три — пять игроков международного класса. И все же основное несчастье и Айморе, и Феолы, и любого другого тренера бразильской сборной заключается в том, что в еще большей степени эта страна богата

картолами, футбольными «специалистами» и дельцами, среди которых главенствующую роль играют президенты нескольких ведущих клубов, проталкивающих своих питомцев в сборную всеми правдами и неправдами. Ведь для клуба футболист — участник сборной (а тем более чемпион мира) является источником «сверхдоходов».

Не считаться с «советами» и «пожеланиями» этих дельцов тренер сборной не может: он рискует остаться без работы, когда кончится его контракт со сборной.

Фактически хозяином сборной был, впрочем, не Айморе, а некий Пауло Машадо де Карвальо, назначенный Бразильской конфедерацией спорта в 1967 году на пост шефа команды. Сеньор Пауло — владелец телевизионной компании, театра, ряда фабрик, совладелец крупных строительных фирм, биржевой делец. Он разбирался в футболе гораздо слабее, чем любой мальчишка-негритенок, торгующий спортивными вымпелами у входов на «Маракану», однако ему принадлежало решающее слово во всех сферах деятельности сборной команды: от выбора ее тренера до назначения меню во время сборов. И в этом имели возможность убедиться все скептики, недоумевавшие, почему накануне игр со сборными ФРГ и Югославии, которые должны были проходить в Рио-де-Жанейро, тренировки проходили в Сан-Паулу. Ларчик открывался просто: сеньор Пауло не желал отпустить команду от себя, пока утрясал какие-то «деловые проблемы», связанные с его основным, внефутбольным бизнесом в Сан-Паулу.

Большие усилия приложил этот господин, стремясь подыскать «патросинадора» для сборной — фирму, которая, выплатив солидный куш в кассу Бразильской конфедерации спорта, получила бы монопольное право использовать в качестве коммерческой рекламы эмблемы сборной, имена ее участников и тренеров.

Накануне лондонского чемпионата борьба за право «патросинирования» шла между бритвенной фирмой «Жилетт» и спичечными «королями» из компании «Фиатлукс». В 1967–1968 годах в нее включились дельцы из контролируемой зарубежным капиталом фирмы электроаппаратов «Филко» и швейной фирмы «Дукал».

Победителя ждали фантастические барыши: простодушные мулаты в какой-нибудь Пиратининге или Пиндамоньянгабе конечно же верят ослепительным рекламным плакатам, утверждающим, что-де «Король» Пеле или Черная газель Пауло Боржес рекомендуют всем-всем-всем своим поклонникам «лучшие в мире» транзисторы «Филко» и «наимоднейшие» брюки «Дукал».

Комментируя эту возню, газета «Эстадо де Сан-Паулу» писала: «Это приводит к тому, что некоторые игроки, чувствуя, что они, их имена, их слава помогают другим разбогатеть, начинают испытывать чувства зависти, недовольства, недоверия... А это не способствует укреплению товарищеской обстановки, которой мы прославились в Швеции...»

Вот еще один пример того, как сборная эксплуатировалась картолами для достижения целей, весьма далеких от спорта. Во время турне, проведенного в 1968 году, команда, сыграв несколько матчей в Европе (четыре трудные игры в четырех странах), прежде чем отправиться в Мексику, была вынуждена сделать громадный крюк. Она совершила утомительнейшее 12-часовое путешествие на самолете в одну из африканских колоний Португалии, где встретилась со сборной этой страны, тоже прилетевшей из Лиссабона. Зачем? Не проще ли было сыграть матч в Лиссабоне? Нет, лебезящие перед диктаторским режимом Салазара (тогда еще находившегося у власти) португальские картолы решили угодить своим

хозяевам, лишний раз подчеркнув фактом этого матча «законность» притязаний Португалии на африканские территории. Руководитель же Бразильской конфедерации спорта Жоан Авеланж, претендующий на пост Стэнли Роуза — президента ФИФА, поспешил удовлетворить просьбу португальцев, чтобы заручиться их поддержкой на приближающейся сессии ФИФА.

* * *

Следует, однако, признать, что в начале 1969 года положение заметно изменилось. От руководства сборной были отстранены Айморе Морейра и Пауло Машадо де Карвальо. Тренером команды был назначен известный журналист Жоан Салданья, являющийся одним из крупнейших знатоков футбола. С его приходом надежды бразильцев на успешное выступление в Мехико заметно возросли. Особенно оптимистично стали оценивать работу Жоана его соотечественники после двух побед над сборной Перу и выигрыша у чемпионов мира — англичан (2:1), вырванного в трудной борьбе на «Маракане» 12 июня 1969 года. Эта победа придала бодрости и самим игрокам, и торсиде, и тренерам. После нее бразильцы стали говорить о победе в Мексике с гораздо большей надеждой и верой, чем год назад.

Этот оптимизм объяснялся тем, что страна — наконец-то! — почувствовала: Салданья создал команду, которая имеет право и обладает возможностями оспаривать звание сильнейшей команды мира. Страна увидела наконец команду, которую не видела уже много лет. Страна поверила в эту команду и в ее руководителей во главе с Салданьей…

Об этой команде мы и будем отныне говорить. Однако сначала сделаем еще один небольшой экскурс в прошлое.

ОТ «ДИАГОНАЛИ» К «ТРИПЕ»

Одной из самых незыблемых истин футбола всегда считалась та, что главным оружием бразильской сборной на шведском чемпионате мира 1958 года была изобретенная бразильскими тренерами тактическая схема 4+2+4. Не оспаривая этого, бразильцы утверждают, что и «дочерняя» формула 4+3+3 тоже была создана ими. И — что самое поразительное! — там же, в Швеции... Чтобы понять, является ли обоснованной эта «авторская заявка», необходимо рассмотреть, хотя бы в общих чертах, историю развития основных бразильских концепций и идей в области футбольной тактики и стратегии за последние два десятилетия.

Первый вклад бразильцев в тактический багаж мирового футбола был сделан ими в начале сороковых годов: в эпоху безраздельного господства системы «дубль-ве» известный тренер Флавио Коста предложил модификацию этой схемы, названную впоследствии «диагональю». Суть ее заключалась в том, что, сохраняя свойственное «дубль-ве» разделение функции игроков (три защитника, два полузащитника и пять нападающих с двумя оттянутыми назад полусредними), «диагональ» изменяла слегка их позиции на поле и, следовательно, уточняла их игровые обязанности. При этой системе каждая пара «полузащитник — полусредний» слегка сдвигалась по диагонали. Например, левый инсайд выдвигался на ближние подступы к штрафной площадке противника, при этом следом за ним выдвигался вперед и соответствующий ему левый

полузащитник. Вторая, правая, пара «инсайд — полузащитник» оказывалась, таким образом, слегка сдвинутой назад по отношению к левой паре. Главным достоинством «диагонали» являлось то обстоятельство, что выдвинутый вперед (в нашем примере — левый) полусредний нападающий усиливал давление в самом опасном участке поля: на ближних подступах к штрафной площадке. При этом он таранил оборону (состоящую в то время из трех защитников!) в зоне между правым и центральным защитниками, которые были отвлечены опекой «своих» игроков: левого крайнего и центрального нападающих. Как видим, в этом проявились некоторые черты, свойственные пришедшей на смену «диагонали» схемы 4+2+4, в частности, прообраз будущей пары центральных нападающих.

«Диагональ» обеспечила бразильцам безраздельное господство на континенте во второй половине 50-х годов (в 1940 году, например, сборная выиграла южноамериканский чемпионат, забив в восьми матчах 46 голов!). Создатель «диагонали» Флавио Коста за двадцать лет своей работы в «Васко да Гама», «Фламенго», сборной страны завоевал около 50 титулов. Все, кроме одного, самого главного: в 1950 году руководимая им сборная проиграла финал первенства мира уругвайцам, после чего, как это всегда бывает в Бразилии, тренер был изгнан, а его идеи — преданы анафеме.

Уже на следующий год скромный провинциальный тренер Франсиско Рибейро де Андраде, руководивший командой «Вила Нова» в штате Минас-Жерайс, предложил усовершенствованный вариант «диагонали», который впоследствии был принят всеми бразильскими командами и в 1958 году потряс футбольный мир своей простотой и гениальностью.

Франсиско Рибейро, логически завершая идею Флавио Коста, окончательно выдвинул в центр левого полусреднего, образовав пару центральных нападающих. Правый инсайд остался сзади, образовав вместе с одним из полузащитников пару игроков, контролирующую центр поля. В то же время второй полузащитник отступил назад, став четвертым защитником.

Так родилась система игры, выражаемая формулой 4+2+4, которая и помогла бразильцам в 1958 году поставить на колени признанных фаворитов шведского чемпионата мира: Францию, Швецию и других.

Однако сами бразильцы считают, что и в Швеции, и в Чили они играли по схеме 4+2+4, лишь находясь в атаке. Когда же мячом овладевал противник, левый крайний бразильцев Загало всегда оттягивался назад, становясь третьим полузащитником, а точнее — седьмым элементом оборонительных линий.

«Мы нападали вшестером и оборонялись всемером», — рассказывал мне Загало, подчеркивая, что он сознательно оттягивался в полузащиту, чтобы затруднить свободу действий противнику в случае атаки на своем фланге и нейтрализовать активность неприятельских полузащитников в центре поля. (Воздавая должное его титаническим усилиям в каждом матче, товарищи дали ему ласковое прозвище «Золотой муравей».)

Весь этот подробный исторический экскурс понадобился нам для того, чтобы лучше понять идеи, которые сегодня будоражат умы бразильских футбольных теоретиков. Сейчас никто уже не сомневается в Бразилии в том, что система 4+2+4 безнадежно устарела и должна быть сдана в архив.

За исключением, правда, Антониньо, тренера «Сантоса», лучшей команды Бразилии. Несмотря на град насмешек и издевательств почти всей спортивной

прессы, «Сантос» с упорством, достойным восхищения, еще долго продолжал играть это осужденное, преданное проклятию и забвению архаическое 4+2+4 и… выигрывать почти все турниры, в которых принимал участие. В 1968 году, например, он выиграл и первенство штата Сан-Паулу, и «Серебряный кубок», являющийся фактически чемпионатом страны, и два международных турнира в Чили и Аргентине, победив, в частности, такие солидные команды, как сборная Чехословакии, «Вашаш», сборная ГДР, «Бенфика»… И все это — на базе 4+2+4. «А зачем нам искать всякие там новшества? — с хитрой улыбкой говорит Антониньо. — Ведь мы выигрываем, стало быть — играем правильно. Посудите сами, у меня в „Сантосе“ собрались лучшие форварды мира: Пеле, Тониньо, Эду и Абел. Такой четверки нет ни в одной национальной сборной… Могу я кого-нибудь из них оттянуть назад? Да у меня на это рука не подымется!..»

Но «Сантос» является исключением. Все же остальные бразильские клубы перешли на формулу 4+3+3, причем в последнее время возникло несколько ее вариантов, два из которых наиболее интересны и оказывают влияние на тактические концепции сборной. Рассмотрим их подробнее.

Первый из вариантов — 4+3+3 был разработан в «Ботафого» под руководством Загало, который, став тренером этого клуба, развил свои идеи, родившиеся еще в Швеции. В «Ботафого» роль третьего полузащитника играл левый крайний нападающий Пауло Сезар (игрок сборной). Выносливость Пауло Сезара помогает ему периодически совершать и опасные рейды в штрафную площадку противника, когда успокоенные его кажущейся пассивностью защитники увлекутся нейтрализацией агрессивного правого крайнего и пары центральных нападающих. Об успехе этой схемы свидетельствует тот факт, что

команда «Ботафого» в 1967–1968 годах одержала победу в пяти ответственных турнирах.

Другой вариант — 4+3+3 предложен командой «Крузейро» (Белу-Оризонти), где третьим элементом к традиционной паре полузащитников добавлялся оттянутый назад один из центральных нападающих (Тостао). Это трио (Тостао, Дирсеу Лопес и Зе Карлос) в 1968 году в полном составе было даже включено в сборную страны, получив у Айморе Морейра замысловатое название «трипе».

Этот термин одно время был самым популярным в нескончаемых спорах бразильских футбольных специалистов, и когда я попросил Айморе Морейру объяснить мне, чем отличается его «трипе» от европейской формулы 4+3+3, тренер сказал, что различия не очень существенны. По его замыслу центральная тройка игроков, контролирующая среднюю зону, должна быть более мобильной, более активной, более подвижной, чем трио классической схемы 4+3+3. Участники «трипе» должны участвовать и в обороне, и в подготовке атаки, и в ее завершении. От них зависит успех команды, поэтому, как выразился Айморе, «они должны не только играть на пианино, но и таскать его на своих плечах».

В последние время бразильские тренеры много говорят об универсализации команды до такой степени, когда все игроки смогут выполнять несколько различных функций. Это демонстрирует, например, Тостао, который с одинаковым успехом играет роль агрессивного центрального нападающего, либо оттянутого в глубину поля полузащитника, либо левого крайнего нападающего. Подобные идеи все больше и больше овладевают умами бразильских тренеров.

Впрочем, пока что схема 4+3+3 остается господствующей в бразильском футболе, а основные творческие поиски путей ее усовершенствования

ведутся главным образом в зоне полузащиты. Именно здесь возможны, пожалуй, в ближайшее время открытия и неожиданности. Тем более что сегодня, в отличие от того, что было в эпоху «золотой сборной», самые яркие футбольные таланты страны, являющиеся «становым хребтом» лучших команд, сосредоточены (кроме Пеле, разумеется) в звеньях полузащитных линий этих коллективов: Жерсон («Сан-Паулу»), Ривелино («Коринтианс»), Дирсеу Лопес («Крузейро»), Клодоалдо («Сантос») и еще ряд других.

Таковым — в общих чертах — был «творческий багаж» бразильского футбола к тому моменту, когда сборную команду страны принял из рук Айморе Морейры Жоан Салданья. Эти идеи явились теоретической базой для создания новой команды, которая должна была взять у своих предшественниц все лучшее и... постараться избавиться от их недостатков и слабостей. Вот главные из них.

Во-первых, бразильцы продолжали играть очень медленно. Почти совершенно не пользовались быстрыми контратаками, почти никогда не стремились развивать атаку передачами «в одно касание». Эта «медлительность» была свойственна и сборной, и клубам, в первую очередь «Сантосу», «Палмейрасу», «Коринтиансу», «Ботафого».

Бесконечные поперечные пасы стали любимой пищей спортивных фельетонистов, требующих обратить внимание своих соотечественников на «реактивные» скорости европейских команд. В значительной степени этот недостаток был вызван постоянной усталостью игроков, вынужденных проводить около 100 встреч в год, имея всего лишь один двухнедельный отпуск.

Вторая беда сборной к моменту прихода Салданьи была следствием того, что состав команды постоянно менялся. Это, конечно, мешало наладить четкую взаимосвязь между линиями и отдельными игроками.

Защитники устремлялись иногда в атаку, оставляя сзади зияющие бреши. Случалось и наоборот: отбиваясь из последних сил, противник оттягивает в защиту даже несколько нападающих, а бразильские защитники продолжают благодушно «отдыхать» на своей половине поля, не пытаясь оказать помощь полузащитникам в контроле над средней зоной.

Симптоматично было и то, что накануне мексиканского чемпионата самые впечатляющие победы были одержаны сборной тогда, когда она формировалась на базе одной из ведущих команд. Сборная Аргентины была разгромлена, например, со счетом 4:1 составом, в котором было собрано восемь представителей «Ботафого». Заключительные минуты матча превратились в удивительную по красоте комбинацию (как говорят, самую длинную в истории бразильского футбола), когда команда сделала 53 (!) паса, не давая противнику дотронуться до мяча! Последние несколько передач были выполнены в одно касание внутри штрафной площадки аргентинцев и завершились четвертым голом в пустые ворота под ликующий карнавальный водоворот на трибунах. Сборную Англии — чемпиона мира — победила в 1969 году команда, в которой Салданья использовал восемь игроков из «Сантоса».

Третий недостаток бразильских футболистов традиционен. Речь идет об их увлечении индивидуальной игрой, об их стремлении поразить публику и противника головоломными финтами, которые сплошь и рядом не мотивируются игровой обстановкой и замедляют развитие атаки.

Десятки раз на протяжении любого матча бразильских команд вообще и сборной в частности можно видеть, как какой-нибудь Паганини кожаного мяча, прорвавшийся к штрафной площадке противника, исполняет каскад ослепительных трюков, обводит по

два раза каждого защитника, после чего с сознанием исполненного долга откидывает мяч куда-нибудь в зону центрального круга.

Эта чисто бразильская нелогичность, несоответствие титанических усилий мизерному результату проявляется и тогда, например, когда взмыленный игрок мчится с мячом, восторгаясь собственным усердием, через все поле. Обводит двух-трех противников, падает, встает, снова мчится, чтобы в конце концов откинуть мяч на два-три метра своему партнеру, истомившемуся от ожидания, недоумевающему, почему бы вместо всей этой бестолковой беготни не дать один длинный пас через все поле…

И еще один недостаток: все без исключения бразильские команды (и, конечно же, сборная) очень «либеральны» в оценке игроков противника. Бразильцы «держат» своих подопечных на дистанции, атакуя соперника лишь после того, какой беспрепятственно получит мяч и успеет его обработать. И, наоборот, сталкиваясь с жестокой опекой, применяемой европейскими командами, бразильцы зачастую теряются, начинают нервничать, совершать ошибки при исполнении элементарных технических приемов.

Не могла быть отнесена «в актив» бразильцев и их удивительная эмоциональная неуравновешенность. Поразительные результаты, свидетельствующие об обратном — о спаянности, выдержке, стойкости команды во время чемпионатов 1958 и 1962 годов, — были достигнуты тонкой и долгой работой тренеров, врачей и специального психолога, включенного в 1958 году в руководящую сборной «техническую комиссию».

Значительная часть отмеченных выше недостатков была вызвана организационной неразберихой в руководстве, вмешательством картол, и в первую очередь сеньора Пауло, в работу тренеров, отсутствием

единогласия среди самих тренеров. В 1969 году, как уже было сказано, под давлением уничтожающей критики со стороны спортивной общественности руководители Бразильской конфедерации спорта приняли меры по организационному укреплению руководства сборной. В команду пришел новый тренер, сумевший сплотить игроков, создать обстановку энтузиазма и возродить веру футболистов в свои силы. Салданья, казалось, располагал всем необходимым, и в первую очередь временем для реформ, для поисков новых вариантов, путей и даже тактических схем…

ОДИННАДЦАТЬ «ХИЩНИКОВ» ЖОАНА САЛДАНЬИ

Стремительно ворвавшись в штрафную площадку сборной Перу, полузащитник бразильцев Жерсон ударил бросившегося ему в ноги Де ла Торре по щиколотке правой ноги. Обливаясь кровью, защитник упал на землю, а его темпераментные соотечественники вцепились в Жерсона. Завидев это, бросились в атаку влекомые призывом: «Наших бьют!» остальные бразильцы. Вскочили со скамеек массажисты и тренеры, ринулись на поле фотографы, радиокомментаторы и операторы кинохроники. Еще через несколько мгновений «Маракана» превратилась в арену одной из самых ожесточенных рукопашных схваток, зафиксированных летописцами мирового футбола. Это случилось на 42-й минуте первого тайма «товарищеского» матча сборных Перу и Бразилии 9 апреля 1969 года.

45 минут продолжалось выяснение отношений, после чего, залепив пластырями ссадины, команды продолжили поединок. На другой день, отдышавшись и успокоившись, тренер бразильцев Жоан Салданья заявил: «А что? Иного я и не ожидал от моих ребят: ведь

я вывел на поле не одиннадцать барышень, а одиннадцать „хищников“!.. Вот они и показали себя!»

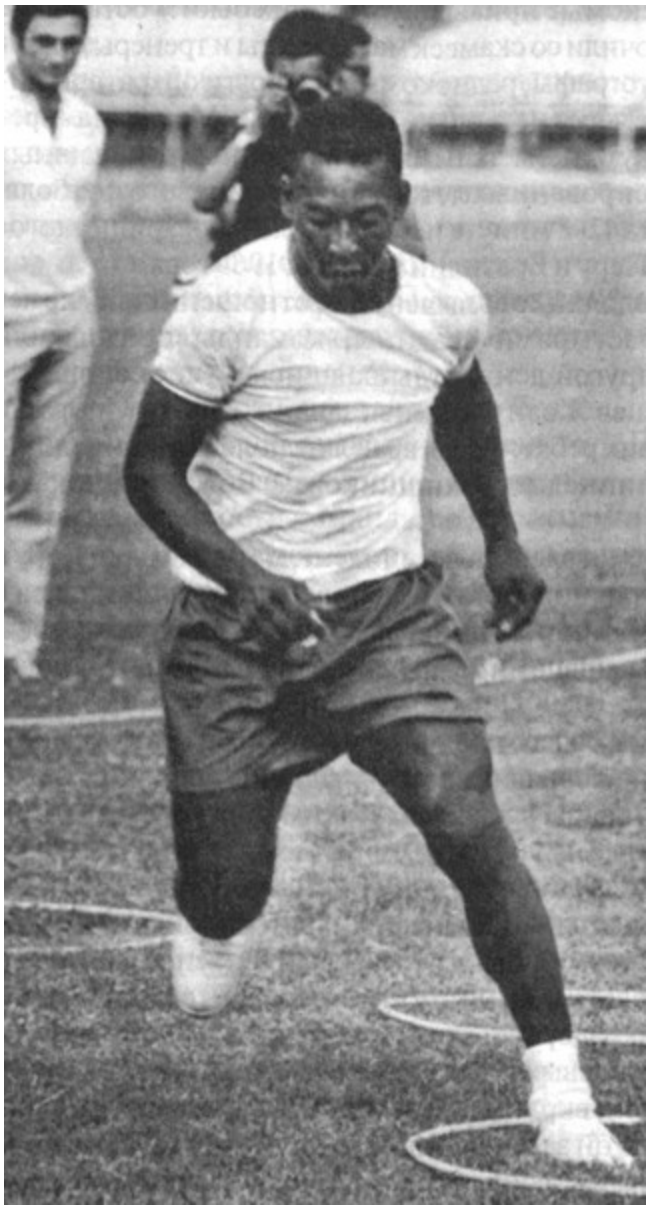
Впрочем, несмотря на этот инцидент, матчи команд Перу и Бразилии дали специалистам обильную почву для анализа и чисто футбольных аспектов встреч. Результаты этих встреч, выигранных бразильцами 2:1 и 3:2, укрепили авторитет нового тренера.

Учтя недочеты своего предшественника, он сразу же после своего назначения объявил во всеуслышание основной состав команды и одиннадцать запасных. Таким образом он устранил сомнения, ложные надежды, неуверенность. Отныне каждый из двадцати двух футболистов сборной знал свое место в команде, знал, является ли он запасным или основным игроком. При этом Салданья объявил, что каждый запасной, разумеется, может отвоевать позицию у «титулара». Это создало в команде обстановку здорового соревнования.

Что касается первых реформ и новшеств Салданьи в области тактики, то они вкратце сводились к следующему.

Прежде всего он задался целью покончить с линией четырех защитников, построив оборонные порядки иным образом: три защитника в линию (справа — Карлос Альберто, слева — Рилдо, в центре — Джалма Диас) и два — в роли «чистильщиков». Один из них — сзади тройки защитников (Брито или Жоэл), другой — впереди (Уилсон Пиазза или Клодоалдо). Впрочем, трудно привязывать фамилии к этим позициям. Салданья готовил своим будущим противникам довольно сложную творческую новинку: центральный защитник и два «чистильщика» будут периодически меняться местами и функциями в ходе матча. Таким путем Салданья хотел лишить противника возможности «ликвидировать чистильщика», выдвинув к нему одного из нападающих.

Итак, в защите у Салданьи играли фактически пять человек. Но тренер подчеркивал, что не считает эту схему мертвой. Основной его заботой было приучить своих питомцев играть мобильно, меняя тактику в зависимости от манеры игры нападения противника. «Главное, — подчеркивал Салданья, — мы должны всегда иметь в защите на одного больше. Когда соперник атакует двумя, мы защищаемся втроем; когда подключается к атаке третий, четвертый, пятый нападающие противника, мы оттягиваем в оборону четвертого, пятого, шестого игрока. Один у нас всегда должен быть свободным…»



Тренировка (1970 г.)

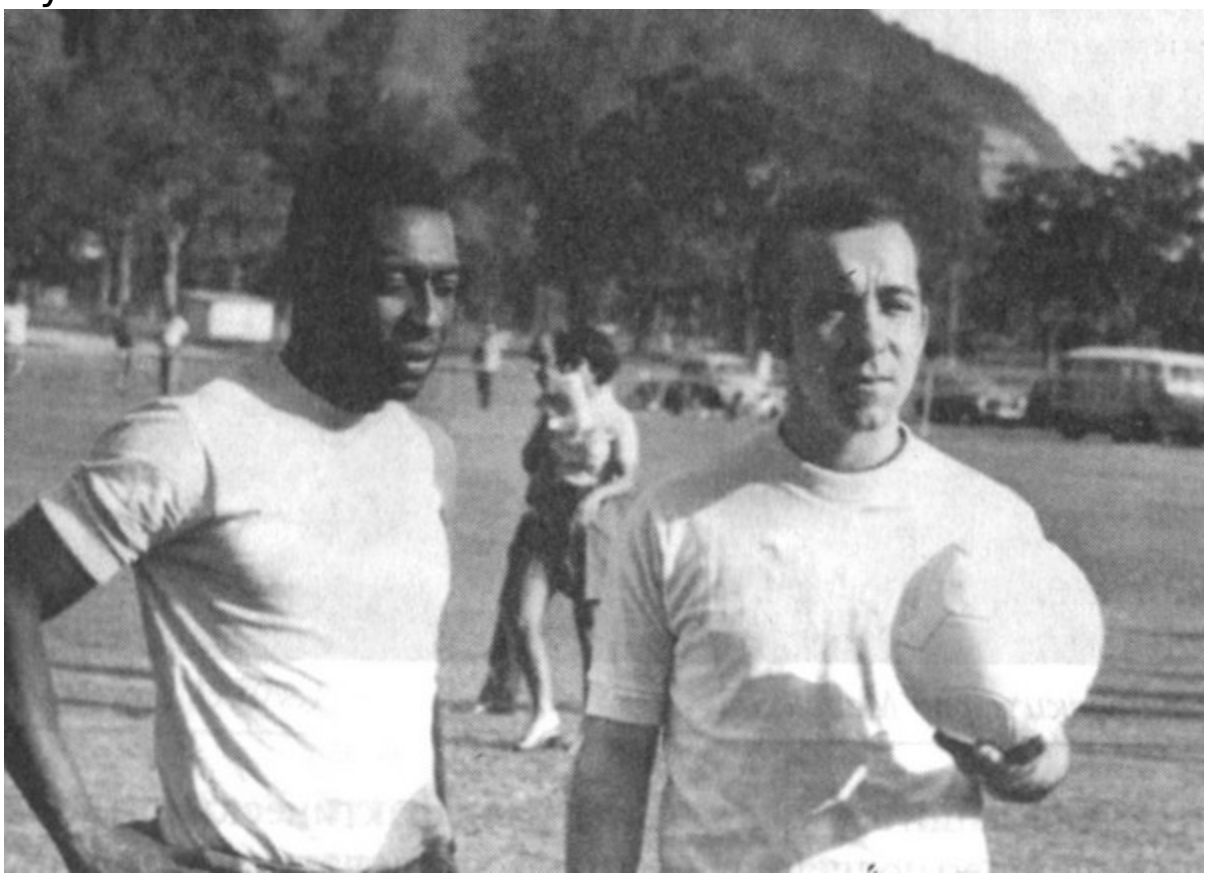
В полузащите Салданья фактически использовал двух игроков: один из них — универсал Жерсон, мозги душа команды, унаследовавший эту роль от Диди, — одинаково хорошо играет и в защите, и в атаке. Он контролирует центр поля, обладает ювелирным пасом, поразительным видением игры (в этом с ним может

соперничать только Пеле) и отличным ударом с дальней дистанции.

Тренировка перед Мексикой

Второй полузащитник — Дирсеу Лопес — «мотор» команды. Обладая реактивной скоростью, он, по замыслу Салданьи, должен был врываться в штрафную площадку противника после того, как Пеле уведет за

собой пару центральных защитников на край либо в глубь поля.



Пеле и Тостао в 1969 году

Далеко не сразу решил Салданья «проблему атаки»: Тостао, который в своем клубе («Крузейро») играл на месте центрального нападающего, в сборной был поставлен на левый край. Однако накануне отборочных матчей эта позиция была отдана Эду из «Сантоса», после чего из одиннадцати «титуларес» сборной шесть позиций заняли игроки этого сильнейшего бразильского клуба (Карлос Альберто, Жоэл, Джалма Диас, Рилдо, Пеле, Эду).

Потряс болельщиков и прессу своим блистательным дебютом в команде Салданьи Жаирзиньо, поставленный

на правый фланг. Он напомнил взволнованной торсиде Гарринчу в его лучшие годы: с легкостью Жаирзиньо обыгрывал прикрепленных к нему защитников, врывался в штрафную, создавая ежеминутно опаснейшие ситуации, демонстрируя отличное взаимопонимание с Пеле. Ну, а сам Пеле?

* * *

На 35-й минуте товарищеского матча ФРГ — Бразилия (1968 год) Эду забил второй гол в ворота немцев, добив мяч, отскочивший от вратаря Майера после пушечного удара Тостао. Однако «главным конструктором» гола был не Эду и не Тостао, а Пеле. В тот момент, когда Тостао устремился из глубины поля к штрафной площадке соперников, Пеле, дежуривший в ожидании паса метрах в восемнадцати от ворот, неожиданным рывком без мяча увлек за собой Шульца и Беккенбауэра, очистив «окно», куда и ворвался Тостао.

На 14-й минуте второго тайма Пеле вышел один на один с Майером и был грубо снесен Шульцем. Судья Жолт почему-то не дал пенальти. Спустя несколько минут Пеле изящным финтом обыграл Шульца, протолкнул мяч между ногами Бекенбауэра и пробил в нижний угол ворот. Майер каким-то чудом отбил мяч на угловой… Творя эти чудеса, «Король» как бы отвечал на вопрос, который, хотя это и кажется кощунством, всерьез обсуждался накануне мексиканского чемпионата мира на страницах бразильской прессы: имеется ли место в сборной для Пеле?

В чем дело?

Разве Пеле стал хуже играть?

Нет, наоборот. Накануне мексиканского чемпионата он достиг зенита своего мастерства. И в этом-то и заключалась его беда и гамлетовская проблема («быть

или не быть?») бразильской сборной: Пеле стал не только лучшим, но и самым опекаемым футболистом мира.

Давно уже прошли те времена, когда он (как это было в одном матче в Дании) мог обыграть по очереди всех игроков противника и забить мяч, доставляя зрителям поистине эстетическое наслаждение. В последние годы стоило Пеле пройти одного-двух соперников, как подоспевший третий бил его сзади по ногам, четвертый толкал в спину, пятый бросал через бедро. Никто не представляет себе, сколько шрамов и рубцов оставлено на ногах Пеле защитниками всех мастей и флагов, в поте лица своего выполняющих истерические призывы тренеров: «Остановить Пеле! Любой ценой!»

С другой стороны, все кандидаты в линию атаки бразильской сборной всегда стремились прежде всего «ужиться» с Пеле, приспособить себя к его игре, опасаясь, что в противном случае они останутся на скамейке запасных. Ну, а если по каким-либо причинам (травма, болезнь) Пеле не сможет играть? Если он будет наглухо закрыт двумя-тремя защитниками, как это было на играх в Ливерпуле во время минувшего чемпионата мира? Не растеряются ли игроки без своего лидера?

Салданья намеревался использовать Пеле двояко. Во-первых, в роли агрессивного, выдвинутого в штрафную площадку противника центрального нападающего, который будет связывать двух-трех защитников, облегчая прорывы крайних нападающих и использование агрессивных полузащитников, в частности, Ривелино.

В тех случаях, когда эта тактика не даст ожидаемых результатов, Салданья планировал оттягивать Пеле назад, надеясь, что таким образом он либо получит возможность обстреливать ворота противника издали

благодаря своему изумительному удару, либо, если защита противника потянется за ним из штрафной площадки, высвободит зону перед воротами для своих товарищей по команде. «Как бы то ни было, — подчеркивал Салданья, — Пеле всегда нервирует противника, всегда привязывает к себе двух, а то и трех защитников, что, естественно, развязывает руки, то бишь ноги, Жаирзиньо, Тостао и другим… Пеле — гений, и я не хочу ограничивать его двумя названными функциями. Он всегда будет иметь возможность импровизировать, находить новые решения и пути к победе…»

Тренировка перед Мексикой (1970 г.)

В общем-то бразильцы были довольны ходом подготовки к отборочным играм очередного первенства мира. Довольны игроками, довольны тренером и даже дракой. «Мы победили Перу трижды, — писала одна из газет. — Два раза на футбольном поле и один раз — на ринге... Этот эпизод подчеркивает наш боевой дух и

готовность встретить любые провокации на будущем чемпионате в Мехико».

* * *

«И грянул бой!» 6 августа 1969 года Салданья и его «хищники» начали борьбу за «Золотую богиню». Это был первый отборочный матч бразильской сборной после двенадцатилетних заслуженных «каникул», после того как в апреле 1957 года, обыграв сборную Перу со счетом 1:0, она вышла в финал VI чемпионата мира в Швеции. С тех пор на правах победительницы она дважды была избавлена от тягостной и не совсем приятной необходимости бороться за «место под солнцем» среди шестнадцати финалистов.

Первая встреча, прошедшая в Боготе, была выиграна «хищниками» со счетом 2:0 (оба гола забил Тостао) и влила в них поистине львиную долю оптимизма. Через четыре дня их жертвой стала сборная Венесуэлы, растерзанная в Каракасе с преимуществом, которое не оставляло никаких сомнений в решимости бразильцев завоевать путевку в Мексику. Пять «сухих» голов забили они в этом матче: три — Тостао и два — Пеле.

Еще через неделю — 17 августа — их принимали на своем поле парагвайцы. Эта игра оказалась трудной. И не только из-за яростного сопротивления хозяев поля, но и вследствие агрессивности местной торсиды, которая требовала победы над командой Пеле любой ценой. И пыталась помочь своим соотечественникам всеми дозволенными и недозволенными средствами, в том числе организацией атмосферы истерики и ажиотажа вокруг отеля бразильской команды. Дело чуть не дошло до рукопашной схватки еще до матча. Во время же игры ситуация еще больше накалилась, на

поле летело все, что попадалось под руку: от апельсинов до бутылок из-под кока-колы. Один из этих «снарядов» угодил в голову Пеле, другой — в лицо Феликса. Несмотря на этот психоз, на откровенную грубость хозяев поля, питомцы Салданьи вырвали победу со счетом 3:0. Голы забили: Жаирзиньо, Эду и парагваец Мендоса (в свои ворота).

Три ответных матча бразильцы проводили на своем поле. Имея шесть очков из шести возможных при соотношении мячей 10:0, они могли чувствовать себя вполне уверенно, что не замедлило сказаться на результатах. 21 августа на «Маракане» была разгромлена сборная Колумбии со счетом 6:2 (голы у бразильцев забили Тостао — 2, Эду, Пеле, Ривелино и Жаирзиньо). Затем настал черед венесуэльцев. О характере этой встречи, состоявшейся 24 августа, свидетельствовала «шапка», данная на следующий день газетой «Жорнал дос спортс» на первой полосе: «„Хищники“ развлекаются: 6:0…» (Голы: Тостао — 3, Пеле — 2, Жаирзиньо — 1.)

На 31 августа был назначен последний матч — с командой Парагвая. Несмотря на весьма внушительный баланс голов и на пять выигрышей в пяти матчах, бразильская торсида вдруг переполошилась, сообразив, что путевка в Мексику еще далеко не гарантирована. Оказалось, что к последнему матчу команда Парагвая пришла с весьма солидным балансом (четыре победы и одно поражение — от бразильцев) и с сохранившимися шансами на победу в группе. Для этого парагвайцы должны выиграть у бразильцев эту последнюю встречу, а затем — дополнительную игру… Поэтому на решающий матч, который должен был определить, кто же поедет в Мексику, «Маракана» собрала на своих трибунах свыше 200 тысяч зрителей!.. Поединок оказался неожиданно трудным для хозяев поля: парагвайцы отчаянно сопротивлялись и остро

контратаковали. Вратарь парагвайцев Агильера повергал в истерику бразильскую торсиду, беря немыслимые мячи после ударов Пеле, Тостао и Эду. Лишь к началу второго тайма преимущество бразильцев стало очевидным. На 23-й минуте второго тайма Рилдо устремился в атаку по левому флангу, выкинул мяч Эду, который, пройдя до лицевой линии, «прострелил» низом вдоль ворот, и подоспевший Пеле, вколотив мяч в сетку, влетел туда следом за ним, повергая «Маракану», Рио-де-Жанейро и всю Бразилию в водоворот карнавала, длившегося весь вечер и всю ночь…

Итак, путевка в Мексику была завоевана! И как завоевана! Шесть побед в шести матчах с общим соотношением мячей 23:2… Не было ничего удивительного в том, что уже на следующий день мировая пресса заговорила о команде Салданьи как о безусловном фаворите мексиканского чемпионата.

Впрочем, в самой Бразилии восклицательные знаки и аршинные приветственные заголовки на страницах газет вскоре уступили место сомнениям и размышлениям. Раздались скептические голоса, утверждавшие (и не без оснований), что разгром Венесуэлы или Колумбии, которые на футбольных картах планеты не помечены жирными кружками, отнюдь не свидетельствует о мощи и непобедимости «би-кампеонов». Потом разгорелись традиционные споры о необходимости «уточнить» состав сборной. Одни ругали центральных защитников (что было справедливо), другие были недовольны… нападением, забившим двадцать три гола в шести матчах! Потом страсти улеглись, ибо пресса и торсида увлеклись очередным розыгрышем национального «Серебряного кубка», а Салданья укатил в Европу просматривать своих будущих соперников. Он не знал еще, что эта командировка станет его последней поездкой в качестве тренера сборной…

* * *

Спустя несколько месяцев после окончания мексиканского чемпионата мира я брал интервью у Диди, который стал после выдающегося успеха перуанской сборной подлинным героем этого турнира. Отвечая на вопрос о том, что он думает по поводу печально знаменитой «эпопеи» со сменой тренеров бразильской сборной накануне чемпионата, Диди сказал:

— Они обошлись с Салданьей жестоко и несправедливо. Они выгнали его, не сказав ему спасибо, не объяснив причин отставки. И когда страна праздновала победу в Мехико, когда раздавались торжественные речи и благодарственные молебны, никто не вспомнил о Салданье. Они забыли, что именно он создал команду, которая победила, которая привезла в Бразилию навечно «Золотую богиню». Они всегда были такими. И в этом — наша беда, наша судьба. Каждый профессионал рано или поздно проходит через это: когда все идет хорошо, ему аплодируют. А чуть что, от него отворачиваются. Такова жизнь…

Горькие слова Диди были справедливы. Он и сам испытал на себе нечто подобное. Он помнил о Гарринче и десятках других коллег, изведавших крутые повороты судьбы, познавших и бурные овации, и оглушительный свист торсиды, и забвение.

Причины внезапной отставки Салданьи так и остались скрытыми от болельщиков и прессы. Когда я впоследствии спросил его об этом, он усмехнулся и ответил:

— А что тут, собственно говоря, странного? Я очень хорошо понимаю, почему меня выгнали. Но вот почему меня взяли — этого я до сих пор понять не могу…

Действительно, трудно понять, каким образом выбор картол мог пасть на этого поистине неистового и непримиримого борца с картолами. Может быть, руководители СБД надеялись «приручить» своего главного «противника», неоднократно разоблачавшего темные махинации и таинственно-непонятные решения, принимаемые в прохладных чиновничьих кабинетах? Может быть, они надеялись «канализовать» его энергию, его знания по выгодному им руслу?.. Впрочем, какое это имеет значение? Важно то, что из «эксперимента» СБД ничего не получилось. Салданья не ужился, да и не мог ужиться с этим миром дипломатических недомолвок, кривых улыбок, накрахмаленных воротничков и изящных визитных карточек.

После возвращения футболистов с летних каникул в начале 1970 года, когда до отъезда в Мексику оставалось уже несколько месяцев, отношения между Салданьей и СБД накалились до предела. Не будем перечислять всех острых и мелких конфликтов и споров, раздиравших техническую комиссию. Укажем лишь, что последней каплей, переполнившей чашу, явилось намерение Салданьи вывести на несколько тренировочных матчей из основного состава команды Пеле. С этим СБД не могла примириться: больше, чем какие-то там стратегические и теоретические соображения и концепции тренера, ее волновали сборы; ведь СБД с трудом наскребывала средства на поездку команды в Мексику. И отсутствие Пеле в контрольных матчах наверняка отразилось бы на кассовом балансе. Интересно отметить в связи с этим любопытную деталь, которую сообщил в интервью журналу «Плакар» один из футбольных импресарио — Раймондини. Он заявил, что СБД, стремясь извлечь максимальные прибыли из контрольных матчей сборной, заключила секретные контракты, по которым обязалась на все зарубежные

матчи сборной обязательно вводить в основной состав Пеле. В этом случае «гонорар» СБД должен был составить 42 тысячи долларов за матч. В случае же отсутствия Пеле квота СБД понижалась до 13 тысяч долларов. Удивительное сходство с печальной историей взаимоотношений Гарринчи и «Ботафого»! «Этот контракт, предусматривающий настоящую эксплуатацию Пеле, — преступление! — заявил корреспонденту журнала „Плакар“ Раймондини. — Я даже подумывал об открытии судебного процесса против чиновников СБД».

Разумеется, в таких условиях попытка Салданьи обойтись в нескольких матчах без Пеле была равносильна прошению об увольнении. Операция по изгнанию тренера была разыграна по традиционному обряду: сначала начальник команды и подручный Авеланжа Антонио до Пассо подал «заявление об отставке». Затем Жоан Авеланж объявил о «роспуске» всей «технической комиссии». Затем она была вновь «созвана», но уже без Салданьи. Основные действующие лица и руководство в лице все того же Антонио до Пассо остались на своих местах. Новым тренером команды был назначен Загало.

Справедливости ради следует признать, что в этом вопросе Антонио до Пассо не дал маху. Преемник Салданьи оказался, бесспорно, лучшим из многочисленных (уж чего-чего, а футбольных тренеров в Бразилии хватает!) претендентов на эту хлопотливую, почетную и столь заманчивую должность.

ПРЕДСТАРТОВАЯ ЛИХОРАДКА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ

Ни в коем случае не стремясь умалить достоинств Загало как тренера и его заслуг как руководителя,

приведшего команду к победе на полях сражений в Мексике, следует все же признать, что Диди был глубоко прав, когда в интервью для советского радио подчеркнул, что эта победа Загало была достигнута им с командой, созданной Салданьей… И в самом деле, после прихода Загало состав сборной практически не изменился: три новых игрока, приглашенных Загало, практически не участвовали в чемпионате мира.

Сказанное лишь подчеркивает трезвость и здравомыслие Загало: он был достаточно благоразумен, чтобы понять, что менять наигранный ансамбль за два с половиной месяца до начала первенства мира было бы по меньшей мере неразумно. Тем более что неожиданная смена тренера, произведенная столь бесцеремонно, не могла не отразиться на психологическом состоянии команды. (Недаром знаменитая лондонская футбольная «биржа», регистрировавшая пари на исход чемпионата, мгновенно отреагировала на сообщение об отставке Салданьи заметным снижением «акций» сборной Бразилии.) Вместе с тем Загало был достаточно прозорлив, чтобы заметить и некоторые слабые узлы в команде, отдельные неясности и не решенные Салданьей проблемы.

Первой из них была проблема защиты. Уже в отборочных играх, выступая против более чем скромных форвардов Венесуэлы и Колумбии (Парагвай, пожалуй, нельзя отнести в разряд слабых соперников), защита бразильцев выглядела не очень солидно. (Забегая вперед, можно сказать, что эта проблема до конца так и не была решена Загало: и в Мексике защитники выглядели наиболее слабым звеном команды.)

Стремясь обеспечить тылы, Загало, во-первых, вернул Феликса, которого Салданья после отборочных игр, как уже было сказано, вывел из сборной, предпочтя ему двух молодых вратарей: Адо и Леао. Феликс

вернулся и сыграл в основном составе все мексиканские матчи. Но вряд ли кто-либо осмелился бы назвать его лучшим вратарем чемпионата. Особенно если вспомнить, что несколько весьма ответственных встреч, в частности, полуфинальный и финальный матчи, были отмечены его весьма грубыми ошибками.

Впрочем, не будем очень требовательны к Феликсу. В конце концов, бразильский футбол никогда не был силен вратарями. Если не считать Жилмара, ни один из бразильских вратарей не оставил своего имени на скрижалях футбольных летописей нашей планеты.

Помимо вратаря, Загало был вынужден изрядно реформировать линию защиты. Из четверки защитников, участвовавших в отборочных матчах, им был сохранен в основном составе лишь один — капитан команды Карлос Альберто. Оба центральных защитника и левый край были сменены. При этом Загало осуществил любопытный эксперимент, на который на его месте отважился бы не каждый. Отчаявшись найти в пару к Брито из «Фламенго» второго центрального защитника (отличные игроки этого амплуа столь же редки в Бразилии, как и вратари), он оттянул в защиту Пиазу, который и в сборной Салданьи, и в своем клубе «Крузейро» всегда играл полузащитником. Эксперимент оправдался: Пиаза стал одним из лучших, если не лучшим в линии защиты. На левый фланг обороны был приглашен 19-летний Марко-Антонио из «Флуминенсе», который прославился своим умением… атаковать. Он обладал необычайной выносливостью, хорошим рывком, умело подключался в атаку. Однако за несколько дней до начала чемпионата Марко-Антонио был травмирован, и его место среди одиннадцати «титуларес» занял скромный и тихий негр Эвералдо из «Греммо» (Порту-Алегри), справившийся со своими обязанностями ничуть не хуже Марко-Антонио.

Так выглядела оборона, сконструированная Загало.

Что касается полузащиты и нападения, то здесь Загало сделал две замены: вместо оттянутого в защиту Пиазы ввел на его место Клодоалдо. А вместо левого крайнего нападающего Эду включил в основной состав полузащитника Ривелино. Таким образом, формально в числе одиннадцати «титуларес» оказались четыре полузащитника: Пиаза, Жерсон, Ривелино и Клодоалдо из четырех разных команд: «Крузейро», «Сан-Паулу», «Коринтианса» и «Сантоса».

Смысл этих перемен объяснялся следующим образом: во время отборочных игр бразильская пресса высказывала недовольство линией атаки. Введя двух ярко выраженных крайних нападающих — Жаира справа и Эду слева — и двух центральных форвардов — Пеле и Тостао. Салданья, по мнению критиков, обескровил среднюю зону поля, и в некоторых матчах команда «скатывалась» к схеме 4+2+4. Салданья отвергал эти сомнения, утверждая, что третьим элементом полузащиты (рядом и Пиазой и Жерсоном) у него является Пеле. Поскольку противники бразильцев в отборочных матчах были слабыми, спор остался нерешенным. Когда же Загало пришел в сборную, он решил несколько перестроить боевые порядки этих двух линий, используя в основном тех же игроков, которыми распоряжался Салданья. Вместо левого крайнего Эду, который не проявлял ни желания, ни особого умения играть в средней зоне, оттягиваясь на помощь полузащитникам, Загало, как уже было сказано, ввел молодого Ривелино — из «Коринтианса», всегда игравшего в полузащите, но обладающего исключительно сильным (многие утверждают — сильнейшим в Бразилии) ударом и ювелирной техникой обводки. Ривелино уже долгое время «морально» претендовал на место в основном составе, и Салданья несколько раз вводил его вместо Жерсона, публично «сожалея», что парню приходится сидеть в запасе,

потому что он давно уже заслуживает «места под солнцем».

Загало решил поручить Ривелино ту же роль, которую он сам некогда играл в Швеции и Чили и которую столь же блистательно исполнял впоследствии под руководством Загало неудержимый левый край «Ботафого» Пауло Сезар: роль оттянутого к средней линии левого крайнего. Таким образом, тактический рисунок сборной приобрел уже хорошо знакомые бразильцам по игре «золотой сборной» и «Ботафого» черты: 4+3+3 с оттянутым левым краем.

Следует признать, что эта схема, хотя она полностью и доказала свою правоту, отнюдь не рассматривается бразильскими тренерами как какой-то фетиш, как объект слепого подражания. Диди, например, впоследствии говорил, что схема Загало заметно сужает фронт атаки, оставляя ее левый фланг оголенным. Примерно так же рассуждал тренер «Флуминенсе» Пауло Амарал: он организовал линию атаки своей команды по схеме 4+3+3 с выдвинутыми вперед крайними нападающими и добился в том же 1970 году блестящего успеха. Его команда выиграла неофициальный чемпионат страны — турнир «Серебряный кубок», в котором участвовали лучшие бразильские команды.

Но вернемся к сборной. Начало пути Загало во главе команды не было усыпано розами. Значительная часть прессы продолжала поддерживать Салданью, общественное мнение страны разделилось, игроки были сбиты с толку, газеты кричали о неизбежности нового поражения и нового «национального позора». Более чем скромные успехи в первых контрольных играх еще больше накалили обстановку.

Правда, свой первый матч под руководством Загало сборная выиграла (у сборной Чили) со счетом 5:0, но этой победе нельзя было придавать серьезного

значения, ибо буквально на первых же минутах встречи судья (бразильский) выгнал с поля одного из чилийцев и вывел из состояния равновесия команду гостей.

Уже в следующем матче с чилийцами победа досталась бразильцам с большим трудом и с минимальным преимуществом (2:1). А затем последовали две меланхолические ничьи — против сборной Парагвая и второй (!) сборной Болгарии. Особое раздражение вызвал матч с болгарами: они вышли на «Маракану» буквально из самолета, не успели ни отдохнуть, ни позавтракать после долгого и утомительного перелета и… отнюдь не испугались грозных соперников. Игра была равной: яростные атаки Пеле и Тостао разбивались о невозмутимые оборонительные линии гостей, а на последних минутах «Маракана» дважды ахала, хватаясь в панике за голову после неожиданных и острых атак на ворота Феликса.

Скромная (1:0) победа над сборной Австрии накануне отъезда в Мексику не прибавила оптимизма расстроенной торсиде, и прощание с командой прошло в обстановке смятения и неуверенности. И хотя тысячи болельщиков, явившихся в международный аэропорт Рио «Галеао» в вечер вылета делегации, бурно аплодировали своим любимцам, вышедшие на следующее утро газеты публиковали комментарии, преисполненные тревоги и озабоченности.

Постепенно, однако, пессимизм начал исчезать и уступать место сначала робким, а затем все более бурным надеждам на победу. Этому способствовали, во-первых, хорошие результаты трех контрольных встреч против местных команд, проведенных Загало уже в Мексике накануне открытия чемпионата: 3:0,5:2 и 3:0. Вторым фактором, внесшим успокоение в сердца игроков, оказался сам факт отъезда команды: там, в Мексике, игроки оказались вдали от бушевавших в своей стране страстей, смогли спокойно тренироваться.

Затихли слухи, сплетни и домыслы. Там, в Мексике, футболисты были недосягаемы. Там их уже не мучили корреспонденты, не осаждали (во всяком случае, так, как в самой Бразилии) любители автографов. Смолкли инсинуации о возможных, вероятных, почти всегда вымышленных, но всегда преподносившихся как достоверные, спорах и недоразумениях между игроками и руководителями, между членами «технической комиссии». Команда там, в Мексике, была надежно защищена от всего этого, и результаты не замедлили сказаться. Накануне чемпионата голоса скептиков окончательно смолкли. Теперь вся страна жила единой надеждой и верой. Вся Бразилия ждала победы и только победы…

И больше всех жаждали победы, разумеется, сами футболисты. Тут пришло время сказать несколько слов об этой непонятной, загадочной, неопределенной и спорной проблеме — психологической подготовке спортсменов. О ней говорят все. Важность ее подчеркивается в любом теоретическом исследовании столь же горячо, как и роль технического совершенства и тактического искусства. И теоретики, и журналисты, и болельщики — все хорошо понимают важность этой самой психологической подготовки. Никто только до сих пор не открыл ее точного и стопроцентно верного рецепта. Ее таинственной формулы. Ее секрета…

В самом деле, кто знает, как следует вливать эликсир бодрости в сердце и душу спортсмена, терзаемого мыслями о завтрашнем матче, к которому приковано внимание всего мира?.. В 1958 году бразильцы ввели в состав руководства сборной врача-психолога — профессора Карвальяэса. И выиграли чемпионат мира. Спустя четыре года руководство СБД сочло услуги профессора излишними. И сборная страны… снова выиграла чемпионат мира.

Кто из тренеров не говорил своим питомцам накануне ответственных встреч о чести флага, о великих традициях предков, о миллионах соотечественников, надеющихся на победу?! Вероятно, ни одна из команд, участвующих не то что в первенстве мира, но и в любом мало-мальски ответственном матче, не обходится без «накачек» такого рода. Но хотя выслушивают эти речи и напутствия обе команды, участвующие во встрече, побеждает одна. А другая — проигрывает… Если, конечно, матч не заканчивается вничью.

Мне вспоминается в этой связи статья Александра Кикнадзе «Затворники», опубликованная вскоре после мексиканского чемпионата в «Советском спорте», в которой говорилось о серьезных просчетах руководства нашей сборной именно в этой области — психологической, морально-волевой подготовки и закалки футболистов. «Команда возвращается в отель. Снова запираются двери и ворота. И снова все мысли о футболе — за обедом, у двух телевизоров и потом до утра в тревожном сне. Так было и пять дней назад, и десять, и пятнадцать тоже…

…В команде были люди не просто разных клубов — были люди разных национальностей, а значит, разных темпераментов, наклонностей, привычек. Одинаковые интонации, одинаковые рекомендации и, главное, один и тот же режим, одинаково опостылевший всем, — не из старых-старых ли все это учебников?

Для них готовили блюда известные кулинары, в том числе мастер русской кухни, приехавший из Москвы. А ребята испытывали голод. Тот самый — сенсорный, которого так боятся психологи. На противоположном конце земли, где другая природа, где другой климат, где совсем по-другому давит ртутный столб и где вместе с ним давят на плечи, на грудь и на сердце

величайшие волнения и тревоги футбольного чемпионата, этот голод был опасен вдвойне».

Приведу еще один отрывок — из книги судьи Тофика Бахрамова «Судья показывает на центр», в котором он рассказывает об отеле «Л’Эскаргот», где жили наши футболисты: «Хлопнул за спиной металлический замок двери, и мы сразу окунулись в тишину. Двухэтажное здание отеля расположено в центре зеленой поляны, окруженной тенистым парком. Я подумал, что выбрана гостиница очень удачно. Именно в таком месте, как говорится, душа отдыхает. Несколько озадачило, правда, меня то, что ребята накинулись на нас, словно голодные волки:

— Каковы результаты последних туров?

— Нет ли газет?

— Книг не привезли?

К сожалению, этот „голод“ мы могли удовлетворить лишь частично. Мне показалось странным, что футболистов держат в такой строгой изоляции. Ведь в посольстве, насколько я знал, есть неплохая библиотека, получают и свежую прессу. Наладить бы связь…»

Я не берусь судить о том, сколь точно отразила действительное положение дел эта невеселая картина. Но, зная, что Александр Кикнадзе и Тофик Бахрамов наблюдали ее своими глазами, нет оснований не доверять им. Поэтому трудно не согласиться с Кикнадзе, когда он пишет в заключение: «Убежден, что наши футболисты проиграли матч команде Уругвая задолго до той злосчастной 117-й минуты, когда мчавшийся во весь дух к нашим воротам судья издали показал на центр. Проиграли в те томительные часы, когда добровольные затворники не знали, как убить время».

О том, как следует «убивать» бесконечное время, остающееся от тренировок, медосмотров и утренних

физзарядок, много думали и руководители бразильской сборной. После выезда в Мексику, куда команда явилась в самом начале мая, то есть более чем за месяц до своего первого матча, несколько дней были проведены в поселке Гуанахуато. Этот первый период команда провела в сравнительно плотной изоляции от местных болельщиков и прессы. Тренировочные нагрузки были невелики, главным в этот первый период была постепенная адаптация к высоте. Затем были сыграны три товарищеских матча, и накануне открытия чемпионата команда переехала в Гвадалахару, где и должны были проходить матчи третьей группы.

С приближением старта турнира режим постепенно «либерализировался». Руководители понимали, что чем дольше игроки находятся в условиях сбора, чем больше времени прошло с момента расставания с семьями, с родными и близкими, чем меньше времени остается до первых игр, тем беспокойней становятся футболисты, тем больше возрастает необходимость в отвлекающих факторах, в развлечениях, в организации отдыха. Разумеется, в отеле, где жили бразильские футболисты, не было недостатка в бильярде, шахматах, картах и прочих «тихих» играх. Однако проблема досуга была слишком сложна и важна, чтобы ее можно было решить бильярдом или домино. Выход был найден весьма оригинальный и действенный. Почти все участники делегации — от Пеле до повара, который тоже был привезен из Рио, от Тостао до массажиста — были, как и все «стопроцентные бразильцы», большими любителями повеселиться. Спеть, станцевать самбу, устроить «батукаду». Поэтому в команде (стихийно, без указаний сверху) возник самодеятельный оркестр самбы, так называемая «батарея». Та самая «батарея», что на любом бразильском стадионе гремит на трибунах с первой до последней минуты матча, подбадривая и футболистов, и торсиду. Каждый вечер на веранде

отеля начинался импровизированный концерт, собиравший внизу толпы мексиканцев. Пандейро и куики, тамбурины и гитары, гремевшие над тихими улицами Гвадалахары, повергали в восторг мексиканцев, приобщавшихся к бразильской самбе. Несколько раз в отель приезжал знаменитый бразильский певец и шоумэн Уилсон Симонал, прославившийся своим умением зажечь любую аудиторию, заставить петь вместе с собой даже богобоязненных монашек. Уилсон организовывал вечера песни и танца — веселые, бесшабашные «мальчишники», где будущие чемпионы мира пели, танцевали, резвились и дурачились.

Раз в неделю футболисты получали увольнение в город. Поскольку в команде царила атмосфера доверия и дисциплины, руководители разрешали им самостоятельные вылазки на весь день с единственным условием: быть в отеле к отбою. За все время не было зарегистрировано ни одного опоздания, ни одной пьянки, ни одного чрезвычайного происшествия. Более того, многие добровольно отказывались от вылазок в город в том случае, если они ощущали необходимость отдыха после тренировок.

По мнению многих журналистов, освещавших подготовку сборной, одним из основных факторов психологического равновесия и постепенного нарастания оптимизма, бодрости, уверенности в своих силах явилось также и улучшение физической подготовки команды. И тут нужно отдать должное замечательному мастеру своего дела — тренеру по физподготовке Адмилдо Широлу. Вскоре после того как команда была собрана для подготовки к мексиканским играм, он организовал проведение испытаний выносливости, скорости, силы игроков по так называемой «системе Купера», используемой при подготовке американских космонавтов к полетам. Все

показатели были зафиксированы и сообщены футболистам. Затем через один-два месяца эти испытания повторялись, и с каждым разом показатели росли. Последний тест был сделан накануне первого матча. Он продемонстрировал пик формы. И поскольку каждый из игроков хорошо помнил свои предыдущие показатели, последний результат — самый высокий, рекордный для каждого спортсмена — сыграл неоценимую роль в психологической закалке каждого из них.

ШЕСТЬ ШАГОВ К «ЗОЛОТОЙ БОГИНЕ»

1

Бразилия — Чехословакия, 4:1.

Гвадалахара, 3 июня 1970 года, 80 тысяч зрителей.

Судья Рамом Баррето (Уругвай).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Пиаза, Эвералдо, Клодоалдо, Жерсон (Пауло Сезар — 73), Ривелино, Жаирзиньо, Тостао, Пеле.

Чехословакия: Виктор, Добиаш, Мигас, Хорват, Хагара, Хрдличка (Квашняк — 46), Куна, Веселы Ф. (Веселы Б. — 75), Петраш, Адамец, Йокл.

Голы: Петраш (12), Ривелино (24), Пеле (59), Жаирзиньо (63 и 84).

«Никто из смертных не должен упустить возможность видеть этого игрока с мячом в ногах», — сказал после матча своим читателям один из корреспондентов Чехословацкого телеграфного агентства — ЧТК. Он говорил о Пеле, который, по единодушному мнению прессы, был главным героем триумфальной премьеры бразильцев в Мексике. «Сюрприз, который преподнес нам, европейцам, Пеле, — писал Герд Борст, корреспондент западногерманского агентства СИД, — объясняется тем, что мы предполагали увидеть какой-то символ, миф. Сколько лет он играет? Много, не правда ли?.. И мы полагали, что увидим футболиста, приглашенного в команду только потому, что ни у кого не нашлось мужества заменить его. Игрока, который поддерживает своим авторитетом моральный дух команды, хотя и

мешает уже игре. Но мы прибыли в Мексику и видим, что этот футболист творит такие вещи, которые нельзя было бы предполагать в земном существе… Сказочно! Я думал, что увижу живой символ. А увидел величайшего футболиста всех времен!»

Подобные излияния на страницах мировой прессы на другой день после матча Бразилия — Чехословакия можно было бы цитировать до бесконечности. Ограничусь еще одним: отрывком из отчета, посланного в миланскую «Корьерре де ла Сера» итальянцем Виторио Нотарникола: «Это было что-то из ряда вон выходящее. Я был профессиональным футболистом и могу сказать, что никогда в своей жизни не видел феномена, подобного Пеле. Он подтвердил свою славу ни с кем не сравнимого спортсмена, соединяющего в себе интеллект, спокойствие и высочайшую технику. Он показал также другую сторону своей натуры: человечность. Он жертвовал собой, организуя игру, и позволял охотиться за собой, заботясь об успехе команды… В этом чемпионате мира существуют два имени: Бразилия и Пеле…»

Я не случайно начал рассказ о первом из шести шагов бразильцев к победе с этих цитат. Убедительно выигранный матч со сборной Чехословакии можно было бы анализировать с разных точек зрения: сравнивать «производительность» и «коэффициент полезного действия» разных звеньев команды, подсчитывать удары по воротам, изучать расстановку игроков, раскладывать на составные элементы тактические схемы и стратегические замыслы обоих тренеров. Однако эта встреча была более всего знаменательна не блистательными голами, не волнующим фейерверком стремительных комбинаций, а тем фактом, что она ознаменовала «второе рождение» Пеле. Немец Герд Борст, чьи слова приводились выше, был прав: многие сомневались в Пеле. И не только в Европе, где к нему

кое-кто стал относиться как к живому монументу, как к выдающемуся, но уже — увы! — престарелому маэстро, который заслуживает уважения и… покоя. В самой Бразилии накануне отъезда команды в Мексику все чаще и чаще раздавались тревожные вопросы: «Имеется ли место в сборной для Пеле?»

Вспомним, что после чемпионата мира 1958 года богиня Нике повернулась спиной к «Королю»: в 1962 году он был травмирован уже во втором матче и выбыл из чемпионата, замененный Амарилдо, а в 1966 году… об этом было уже сказано достаточно много в этой книге. Выведенный из состояния равновесия бесславным проигрышем, морально травмированный (впрочем, не только морально, но и физически) болгарскими и португальскими защитниками, он по возвращении домой заявил, что ноги его больше не будет на чемпионатах мира… И долгое время отказывался ехать в Мексику. Потом сердце дрогнуло. Разве мог он бросить товарищей? Разве мог он позволить, чтобы кто-то когда-то упрекнул его в малодушии?

Он понимал, что, по всей вероятности, мексиканский чемпионат — четвертый в его жизни — станет для него последним. Ведь к 1974 году ему исполнится тридцать четыре года. Конечно, этот возраст не предел для футболиста, как это доказали Стэнли Мэтьюз или защитник «Васко да Гама» «би-кампеон» Орландо. Но он давно уже поклялся себе уйти вовремя. И поскольку мексиканский чемпионат становился для него последним, Пеле — может быть, больше, чем любой другой из его соотечественников, — жаждал победы. Реабилитации за поражение в 1966 году. Третья победа, третья медаль чемпиона мира стала бы более чем достойным венцом его карьеры…

Поэтому матч с чехами приобретал для него особое значение. Это был как бы повторный дебют,

возвращение на главную арену мирового футбола после долгой разлуки. Это была новая премьера. Вместо ослепительно талантливого, жизнерадостного и чуть озорного мальчишки-виртуоза, поразившего мир двенадцать лет назад в Швеции, на поле Гвадалахары выходил зрелый маэстро, помноживший блеск таланта на закаленный годами (почти тысячей матчей!) опыт.

Начало матча сложилось не очень удачно для бразильцев: на четвертой минуте Пеле умудрился не забить мяч, который он тысячи раз забивал в других матчах, послав мяч выше ворот после блестящего прохода Ривелино по левому краю и стремительного прострела в центр. Первые десять минут прошли в обоюдоострых атаках, однако сборная Чехословакии, пожалуй, атаковала более систематично и опасно, создавая на левом фланге бразильской защиты (Эвералдо) численное преимущество. Пиаза, впервые выступавший в столь ответственном матче в роли центрального защитника, не находил общего языка с партнерами. Тем более что линия защиты была подобрана так, что в ней оказались четыре футболиста из клубов четырех разных городов: Карлос Альберто — из «Сантоса» (город Сантос), Брито — из «Фламенго» (Рио-де-Жанейро), Пиаза — из «Крузейро» (Белу-Оризонти) и Эвералдо — из «Гремио» (Порту-Алегри).

На десятой минуте Пеле блестяще обыграл двух чехов, прошел до линии ворот и отдал мяч назад набегавшему Клодоалдо, который на несколько сантиметров не дотянулся до мяча. А еще минуту спустя сборная Чехословакии открыла счет: Петраш, получивший пас из глубины поля, устремился к воротам Феликса. Поначалу казалось, что особой угрозы эта атака не представляет, однако Петраш сделал рывок и как-то неожиданно обошел отступавшего перед ним Брито. Защитник еще пытался сделать подкат, Феликс выбегал, бросаясь в ноги, чтобы сузить Петрашу угол

попадания, но чех, сменив ногу, с левой послал мяч под верхнюю штангу.

Этот гол не вывел бразильцев из состояния равновесия. Правда, Жерсон должен был прикрикнуть на защитников, призывая их очнуться, встряхнуться, выйти из состояния «грогги». Жерсон, хотя он никогда не был капитаном сборной, всегда был ее безусловным и непререкаемым лидером. Никто не кричит и не ругается на поле столько, сколько он. Именно поэтому он когда-то давно получил прозвище Папагайо (Попугай)…

Уже через минуту Тостао едва не сквитал результат, пробив почти с лицевой линии: мяч ударил в сетку ворот снаружи, рядом со штангой, и вся Бразилия, наблюдавшая матч по телевизору, взволнованно возопила: «Гол!!» Затем были новые острые атаки у тех и других ворот. Нужно отдать должное чехам: они подняли перчатку, брошенную им соперниками, и согласились играть в свободный, «открытый», атакующий футбол. Они играли чисто, без подножек, без скрытых толчков и подсечек. Это был матч рыцарей футбола, поединок поэтов-романтиков мяча.

…На 24-й минуте устремляются в атаку Пеле и Тостао. С центра поля они рвутся к воротам противника, стремительно играя друг с другом «в стенку». Неудержимый натиск срывается после силового приема Мигаса, опрокинувшего Пеле чуть правее ворот вблизи линии штрафной площадки. Мяч долго и тщательно устанавливается, защитники выстраивают «стенку», судья считает девять метров, а взволнованный комментатор бразильской радиостанции «Глобо» Марио Вианна (тот самый бывший судья, которого когда-то руководители «Васко да Гама» подвергли освидетельствованию на предмет выяснения его психической полноценности) взволнованно кричит в

микрофон: «Хочу Ривелино! Хочу Ривелино! Хочу Ривелино!»

Ривелино хотят все бразильцы! Десятки раз наблюдали они на своих стадионах, как именно с этой «своей» точки Ривелино вколачивал пушечные неотразимые голы. Коллега Марио Вианны Валдир Амарал, ведущий вместе с ним репортаж о матче, предупреждает бразильцев:

«Сейчас мы увидим „бомбу“ Ривелино…» Этого предупреждения чехи не слышат. Они не знают, кто ударит по воротам, потому что перед мячом стоят двое: Пеле и этот загадочный Ривелино, чье имя ничего не говорит пока футбольному миру…

Пеле начинает разбег, сердце Виктора, вратаря чехов, тревожно сжимается… Но Пеле вдруг перепрыгивает через мяч, а в следующую секунду удар наносит выскочивший к мячу за спиной Пеле Ривелино… Это был, как сообщил захлебнувшийся в истерике восторга Валдир Амарал, «горячий кирпич»: мяч со свистом влетел под правую от Виктора штангу. Может быть, вратарь и успел бы среагировать на этот мяч, но бразильцы приготовили ему еще один неприятный сюрприз: когда за несколько секунд до удара Хорват, Хагара и Йокл тщательно конструировали «стенку», закрывая мячу путь к воротам, среди них затесался Жаирзиньо. Именно в него и целил Ривелино. В тот момент, когда мяч «взрывался» на кончике бутсы Ривелино, Жаирзиньо рванулся в сторону, освободив окно в «стенке», куда и влетела «бомба». Это был результат долгих тренировок и бесконечных упражнений, доведших взаимопонимание бразильцев почти до автоматизма.

Первый тайм закончился со счетом 1:1. Второй тайм был выигран бразильцами со счетом 3:0… Уже в этом матче, таким образом, проявилась особенность, отметившая участие бразильцев в чемпионате и

ускользнувшая от многих исследователем и теоретиков, анализировавших турнир: бразильцы проводили вторые таймы гораздо активнее первых. В этом проявилось их бесспорное преимущество над соперниками в области физической подготовки. Когда противник «угасал», истомленный мексиканской жарой, будущие чемпионы безжалостно добивали его. Об этом говорят такие цифры: как известно, чемпионы сыграли в Мексике шесть матчей, забив в ворота соперников 19 мячей, пропустив в свои ворота семь. Из этих 19 голов двенадцать, то есть две трети, были забиты во вторых таймах! (Общий счет первых таймов сборной Бразилии 7:5, а вторых — 15:2.) Из шести первых таймов бразильцы сыграли вничью четыре и добились победы в двух. А из шести вторых таймов бразильцы выиграли пять, и лишь один (в матче против сборной Румынии, который практически ничего не решал) был сыгран вничью…

Так было и с чехами. Нельзя сказать, что они сдались без боя. При счете 1:1 и при минимальном преимуществе бразильцев они имели немало возможностей склонить чашу весов в свою сторону.

Однако чем ближе становился финиш, тем виднее было преимущество будущих чемпионов, превосходивших своих соперников по всем статьям. Бразильцы бегали быстрее чехов, били по воротам точнее, играли увереннее и выглядели гораздо свежее сумев не сбавить темпа игры до ее последнего этапа, до четвертого гола, после которого оставалось всего лишь шесть минут. Шесть минут эндшпиля, который можно было бы и не доигрывать, но который приходилось доигрывать, потому что правила обязывают команды играть все девяносто минут сполна.

Все эти три гола, забитые во втором тайме, были воплощением безукоризненного мастерства, хладнокровия и изящества, которое возможно только в

таких матчах, когда соперники играют открыто, честно, чисто, с поднятым забралом. Когда каждый имеет возможность показать, на что он способен. На 14-й минуте второго тайма отличился Жерсон: с математической точностью он послал мяч, словно управляемый по радио снаряд, из центральной зоны поля на выход Пеле. Пас был сделан с такой ювелирной тонкостью, что мяч, скользнув в нескольких сантиметрах над головой Хагары, опустился на грудь Пеле который спокойно обработал его и послал под правую от Виктора штангу. Всего четыре минуты спустя Жерсон повторил свой «телеуправляемый», унаследованный от Диди пас, выведя один на один с Виктором Жаирзиньо. Жаир, повторяя трюк Пеле, спокойно принял мяч на грудь, затем хладнокровно перекинул его через выбежавшего навстречу вратаря и низом послал в пустые ворота. За восемь минут до конца снова отличился Жаир. Овладев мячом в центре поля, он прошел к воротам обходя одного за другим Хогара, Хорвата, Йокла и Добиаша. Бросок Виктора был хорош, но безнадежен... Коснувшись штанги, мяч влетел в сетку.

Затем — шесть минут, которые «доигрывались», свисток судьи и... грандиозный карнавал в Бразилии. С петардами, ракетами, пением автомобильных гудков, оркестрами и печально-традиционными автомобильными пробками. Первый шаг к победе был сделан. И взволнованная английская печать открывала свои первые полосы для сенсационных «шапок» и тревожных предостережений, обращенных к своим соотечественникам, которые должны были стать очередными противниками Пеле и его товарищей.

Бразилия — Англия, 1:0.

Гвадалахара, 7 июня 1970 года, 80 тысяч зрителей.

Судья Абрахам Клейн (Израиль).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Пиаза, Эвералдо, Клодоалдо, Ривелино, Пауло Сезар, Пеле, Тостао (Роберто — 68), Жаирзиньо.

Англия: Бэнкс, Райт, Лебон, Мур, Купер, Мюллери, Болл, Бобби Чарльтон (Астл — 63), Питере, Ли (Белл — 63), Херст.

Гол: Жаирзиньо (60).

Первый «гол» англичане пропустили от бразильцев еще за несколько часов до свистка судьи Клейна, возвещавшего о начале матча: узнав, что после победы над сборной Чехословакии восемьдесят бразильских болельщиков в одном из баров Гвадалахары опустошили за один день полторы тысячи бутылок пива, представители Ее Величества решили ответить на этот вызов. Восемьдесят гордых соотечественников Бобби Мура из отеля «Моралес» ринулись в яростную атаку на погреба отельного ресторана. Увы, впечатляющий рекорд бразильцев остался неколебим: англичане осилили лишь 640 бутылок…

Вслед за тем битва перекинулась на залитые зноем улицы Гвадалахары. Бразильская торсида организовала грандиозную «пассеату», к которой примкнули тысячи мексиканцев. Ее результатом явилась грандиозная автомобильная пробка на улицах города и трагическая гибель восемнадцатилетнего мальчишки, задавленного с флагами Бразилии и Мексики в руках. Начав безжалостную и не очень «чистую» войну нервов, бразильская торсида устроила такую шумную вакханалию под окнами отеля, где размещались рыцари Алфа Рамсея, что раздраженный тренер вынужден был потребовать от администрации новые комнаты: даже на

двенадцатом этаже никто из футболистов не мог спать от рева и треска «батукады».

Впрочем, эти заботы были, вероятно, самыми легкими для английского тренера. Куда сложнее было наметить гарантирующий успех план игры против своих грозных соперников, подбадриваемых воспоминаниями о том, что из семи предыдущих игр с англичанами они проиграли лишь одну, а выиграли четыре с общим соотношением мячей 16:8...

Психологическое преимущество накануне матча было, пожалуй, на стороне бразильцев; они только что одержали блестящую победу над Чехословакией, в то время как питомцы Рамсея в трудной борьбе весьма неуверенно победили с минимальным счетом сборную Румынии. Все же не только Рамсей, но и футболисты, и английская пресса — все надеялись на победу в матче с бразильцами. Эту надежду, может быть, лучше других выразил Джон Грэйг, тренер шотландской команды «Рэйнджерс», прибывший в Мексику в качестве наблюдателя: «Футбол Пеле соткан из поэзии, — сказал он, — но Алф Рамсей, несомненно, постарается свести эту поэзию к самым простым рифмам...»

Не будем спорить, можно ли сравнивать футбол с эмоционально-неопределенным искусством стихосложения. Бесспорно, однако, что поединок тренеров накануне и во время матча напоминает шахматную партию, в которой оба гроссмейстера оперируют не деревянными королями и пешками, а сотканными из нервов и мускулов бойцами. Задача Загало осложнялась отсутствием травмированного Жерсона — безусловного и неоспоримого лидера, на плечах которого всегда лежала наиболее трудная задача цементирования всех линий команды, организации ее действий в средней зоне поля, питания нападающих длинными и точными передачами. До последней минуты Рамсей не знал, что Жерсон не

выйдет на поле. Поэтому его установка предусматривала жесткую, безжалостную опеку над Жерсоном, которая была поручена Боллу. Пеле должен был быть «ликвидирован» усилиями Мюллери. Забегая вперед, можно сказать, что — по крайней мере, в первом тайме — он более или менее удовлетворительно справился с этой задачей. Пожалуй, только один раз Мюллери «зевнул», выпустив Пеле один на один с Бэнксом. Это случилось на 10-й минуте встречи, когда Жаирзиньо, блестяще обойдя Купера, с линии ворот подал мяч в центр, и Пеле в высоком прыжке пробил мяч в нижний, правый от Бэнкса угол ворот. Мяч был послан с коварством, достойным быть зафиксированным в учебниках футбольной техники: Пеле пробил его лбом в землю, надеясь, что он, отскочив, обманет вратаря. В непостижимом броске Бэнкс сумел среагировать и отправил мяч на угловой, в то время как весь стадион вскочил на ноги, отмечая неминуемый, казалось, гол бразильцев.

Отсутствие Жерсона должен был восполнить Ривелино, оттянутый Загало в полузащиту. Его место на левом фланге бразильского нападения занял Пауло Сезар, явившийся одной из центральных фигур встречи. Он не только терзал английскую защиту своими стремительными рывками по краю, но и активно работал в средней зоне поля, разрушая атаки англичан в зародыше. В защите обе команды придерживались схемы 4+4+2. При этом у бразильцев впереди оставались только Жаирзиньо и Тостао, выполнявшие особый замысел Загало: они должны были «привязывать» английских защитников к их половине поля, не давая им выходить на помощь своим нападающим. Пеле, как и в матче с чехами, демонстрировал удивительную выносливость, успевая всюду. Он играл и на острие атаки, и в полузащите, а

иногда даже отходил к своим воротам на помощь Брито и Пиазе.

Было хорошо заметно, что Рамсей не верил в Феликса и в пару центральных защитников бразильской команды. Он был, конечно, прав: Феликс, как уже было сказано, явно не мог оспаривать звание лучшего вратаря чемпионата, Пиаза неуверенно играл головой: сказывалась привычка играть в центре поля, в роли полузащитника, который обычно обрабатывает верхние мячи, принимая их на грудь. Да, Рамсей был прав, организовав дождь навесных передач в центр бразильской штрафной площадки; несколько таких передач едва не окончились голами… Рамсей учел и предвидел все. Все сильные и слабые стороны бразильцев. Возможно, он забыл предусмотреть только одно: их удивительную волевую подготовку, их горячее желание победить. Холодный стратег, строгий математик футбола Алф Рамсей увидел в этом матче, что железная алгебра футбола далеко не всегда может противостоять вдохновению и таланту, которые не положишь на весы, но которые оказывают на команду такое же воздействие, как крошечная примесь вольфрама, превращающая обычное железо в сверхпрочную сталь.

Впрочем, не будем укорять Рамсея. В конечном счете его команда сыграла блестяще, и если бы победитель определялся не по голам, а по очкам, как в матче боксеров, который не заканчивается нокаутом, наиболее справедливым решением была бы, пожалуй, ничья. Оба противника в этом матче века показали все свое удивительное искусство. И если англичане доказали, что они по заслугам носили последние четыре года звание чемпионов, то бразильцы сумели в этом матче доказать, что они имеют право отобрать этот титул у питомцев Рамсея.

Единственный гол, определивший исход «поединка титанов», стал одним из самых красивых голов чемпионата. На 15-й минуте второго тайма, подхватив мяч в средней зоне, Тостао обыграл Лебона и продвинулся к левому углу штрафной площадки, обыгрывая по пути Бобби Мура. Но опытный защитник успел вновь преградить ему путь к воротам. Когда казалось, что атака Тостао «задохнулась», увязнув в плотной обороне англичан, он неожиданно отдал пас на отметку одиннадцатиметрового удара, где его принял и молниеносно обработал Пеле. Еще через мгновение он откинул мяч вправо на выбегавшего Жаирзиньо, который на какую-то долю секунды опередил Купера. В футболе доля секунды решает многое! Бэнкс неожиданно увидел грозного Жаира прямо перед собой и в отчаянном прыжке выбросился ему навстречу, словно кидаясь из окна горящего небоскреба. Поздно! Стремительный и неотразимый удар всколыхнул сетку ворот и поверг в неистовый восторг переполненные трибуны стадиона и миллионы бразильцев, страдавших у экранов телевизоров.

Кстати, по данным печати, количество телезрителей, прикованных к экранам телевизоров, в этот день намного превышало показатель, зафиксированный в день трансляции высадки американских космонавтов на Луне!

Гол в ворота англичан отмечают Тостао, Пеле и Жаирзиньо

Стремясь внести перелом, Рамсей произвел сразу две замены, выпустив на поле Колина Белла и Астла вместо уставшего Бобби Чарльтона и Ли, и дал команду перейти в массированную атаку. И здесь Загало и его подопечные показали себя настоящими гроссмейстерами. Закрыв подступы к штрафной, они перешли к спокойному розыгрышу мяча и к неожиданным контратакам Жаира и Роберто, который заменил Тостао.

Грозовой дождь верховых передач потребовал от Брито сверхчеловеческих усилий. Несколько мячей

отразил Феликс; этот матч, пожалуй, был лучшим из сыгранных им в Мексике. Неожиданная ошибка Эвералдо едва не позволила англичанам сравнять счет: получив «в подарок» мяч от левого защитника соперников, Астл умудрился с одиннадцати метров не попасть в ворота. Немного погодя Болл врезал мяч в штангу. Полчаса напряженной схватки закончились безрезультатно. Свисток судьи возвестил победу «бикампеонов» над чемпионами…

И до, и после этого матча английская пресса упрекала Рамсея в излишней осторожности, в преувеличенной заботе об укреплении обороны и в «беззубости» нападения. На пресс-конференции Рамсей раздраженно сказал: «Разве вы не видели, что мы нападали не меньше бразильцев!..» Он был прав: его команда действительно нападала много и остро, но все же… «Кто не забивает гол, получает его» — гласит старая бразильская футбольная пословица. Рамсей уверял, что нападающая мощь его команды не уступает линиям атаки других ведущих команд, участвовавших в чемпионате. Но безжалостная статистика не подкрепляет утверждения английского тренера. По наблюдениям заслуженного мастера спорта Сергея Шудра, опубликованным в еженедельнике «Футбол» (№ 3,1971 год), сборная Англии в четырех матчах чемпионата нанесла по воротам противника 54 удара, из них 27, то есть ровно половина, попали в цель. В этих встречах англичане забили 4 гола. Иными словами, были забиты 7,4 % мячей от общего количества ударов по воротам. У бразильцев в пяти матчах чемпионата (без учета встречи со сборной Румынии) аналогичные показатели заметно выше: они забили 15 голов, сделав 97 ударов по воротам. Иными словами, 15,6 % ударов по воротам (вдвое больше, чем у англичан!) заканчивались голами!.. И последняя, самая убедительная характеристика: в матчах чемпионата бразильцы в

среднем забивали 3,33 гола за игру. У англичан этот показатель сведен к скромной единице…

После матча у отеля сборной Бразилии собрались толпы болельщиков. «Бразил кампеон! Бразил кампеон!» — гремели крики. «Теперь „Золотая богиня“ у нас в кармане!» — кричал какой-то мулат.

— Нет, — сказал Загало. — Борьба только начинается. Мы хорошо начали, это правда. Но для того чтобы не оступиться, нужно до конца сохранить спокойствие. Рано бить в барабаны!

В этот день команда не изменила свой обычный распорядок дня. Ровно в назначенный доктором Лидио Толедо час все двадцать два будущих чемпиона лежали в постелях, стараясь не слушать победные песни, несущиеся с шумных улиц Гвадалахары.

3

Бразилия — Румыния, 3:2.

Гвадалахара, 10 июня 1970 года, 55 тысяч зрителей.

Судья Фердинанд Маршалл (Австрия).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Фонтане, Эвералдо (Марко Антонио — 57), Пиаза, Клодоалдо (Эду — 73), Жаирзиньо, Тостао, Пеле, Пауло Сезар.

Румыния: Адамаке (Рэдукану — 29), Сэтмэряну, Лупеску, Дину, Мокану, Думитру, Нунвайлер, Дембровски, Нягу, Думетраке, Луческу.

Голы: Пеле (19, 65), Жаирзиньо (21), Думетраке (33), Дембровски (82).

Накануне этого матча бразильские газеты, изнемогая от благодушия, смаковали всевозможные варианты прогнозов. Поскольку из четырех команд в каждой группе выходили в четвертьфиналы занявшие первые два места, избыток оптимизма, царивший в

Бразилии, был более чем понятен. Громадными буквами «Жорнал до Бразил» печатала: «ГИПОТЕЗА НОМЕР ОДИН: Бразилия классифицируется и выходит на первое место в группе, если в матче со сборной Румынии она победит с любым счетом или сыграет вничью». Далее шли другие гипотезы: на случай проигрыша, на случай неожиданных разгромных результатов в матчах остальных соперников. Бразильцам можно было даже проиграть с разницей не более двух мячей. Лишь крупный проигрыш ставил их под угрозу, да и то в случае убедительной «голеады» в матче англичан с чехами. Поэтому накануне матча не было недостатка во всевозможных слухах о том, что Загало постарается «помочь» румынам и чехам вышибить сборную Англии, о том, что бразильцы выступят вторым составом, дав отдых «титуларес». Загало категорически опроверг эти предположения, заявив задень до матча, что никакие «очковые комбинации» не устраивают его команду, ибо они противоречат духу спортивной борьбы и весьма опасны... «Мы будем бороться с румынами с той же энергией, с которой встречали чехов и англичан».

Первые же минуты матча явились убедительным подтверждением этих заверений: достаточно сказать, что, если Феликс за первые полчаса лишь один раз вступил в игру, взяв дальний удар Луческу, бедняге Адамаке пришлось работать в это время с полной нагрузкой и дважды отправляться за мячом, лежащим в сетке ворот. Мне кажется, что дебют этой партии явился самой наглядной демонстрацией бразильского футбола, которую можно было видеть в мексиканских матчах. Это был действительно гроссмейстерский дебют, разыгранный Загало и его подопечными во главе с «Королем» Пеле с таким спокойным и уверенным мастерством, что при переходе к миттельшпилю и материальное (два гола), и позиционное преимущество будущих «три-кампеонов» не оставляло никаких

сомнений в исходе матча. Еще до первого гола, забитого на 19-й минуте, штанги румынских ворот дважды стонали, потрясенные попаданиями Эвералдо и вновь отличившегося Пауло Сезара, который неожиданно для румынских защитников вдруг превратился в этом матче из полузащитника в атакующего форварда, беспрестанно рвущегося к воротам. Гол назревал, и ликующая бразильская торсида уже заключала пари на итоговый размах голеады: одни утверждали, что будет забито не менее пяти голов, другие жаждали крови, требуя как минимум дюжины…

Когда минутная стрелка секундомера отсчитала восемнадцать делений, австриец Маршалл строгим свистком прервал игру: Пеле был снесен метрах в десяти от линии штрафной площадки. После долгих приготовлений, суеты и традиционного отодвигания «стенки» охваченных трепетом румын пробил час: энергично разбежавшись, Тостао прошел сверху над неподвижным мячом, из-за его спины вынырнул Пеле и вонзил мяч в сетку ворот, в правый от Адамаке угол. Это был близнец гола, забитого Ривелино в ворота чехов. Не успела торсида успокоиться, не успели ерзавшие у телевизоров бразильцы осушить по стакану пива в ознаменование первого гола, как мяч вторично влетел в сетку румынских ворот: это был Жаирзиньо, получивший пас слева, от Пауло Сезара, который обыграл Сэтмэряну и, пройдя к лицевой линии, выкинул мяч в центр. 2:0.

После этого румыны решают, что терять уже нечего, и, стиснув зубы, бросаются в атаку. Спустя всего минуту после гола Жаира Думетраке едва не размачивает счет после ошибки Брито. Девять минут спустя он же снова умудряется не забить из выгоднейшей позиции, а еще через две минуты в ворота бразильцев влетает первый мяч. Думетраке, красиво обыграв Брито и

воспользовавшись замешательством Фонтаны, посылает мяч в падении в сетку ворот Феликса. 2:1. Игра обостряется. Силовые приемы следуют один за другим. Начинается та фаза встречи, о которой впоследствии с возмущением и негодованием писала вся бразильская пресса, пришедшая к единодушному убеждению, что никогда бразильская команда не играла так слабо в защите, как в этом матче.

Причиной этого был центральный защитник Фонтана, которого Загало должен был выпустить из-за отсутствия двух ведущих полузащитников — Жерсона и Ривелино, которые оправлялись от травм. Вместо Ривелино вновь играл Пауло Сезар, а Жерсона должен был заменить Пиаза, на место которого в центре обороны и был выпущен Фонтана.

Это была единственная ошибка Загало в матчах мексиканского чемпионата. Фонтана — грубый, резкий игрок, заносчивый по характеру, привыкший кричать и командовать на поле, — по мнению большинства спортивных обозревателей, вообще не должен был бы приглашаться в сборную. Его стиль игры, силовой, «отбойный», отнюдь не гармонирует с гибкой и техничной игрой остальных защитников. Фонтана был включен в сборную потому, что предполагалось, что «грубые», напористые европейские нападающие встретят в его лице этакого волнореза, который задаст им перцу.

Игра Фонтаны в матче с румынами показала, сколь ошибочны были эти предположения. Фонтана действительно разрушал и разметал… Но не румынских нападающих, а своих товарищей по команде: его резкие выкрики, его брань, попытки диктовать Брито и остальным защитникам линию поведения на поле дезорганизовали защиту. Впоследствии «Жорнал до Бразил» писала: «После вчерашней игры друзья Загало

должны молиться, чтобы он никогда больше не был бы вынужден снова посылать на поле этого парня».

Мяч в воротах Рэдукану!

Впрочем, атакующая линия бразильцев не переставала делать свое дело. В начале второго тайма Пеле заставляет вратаря Рэдукану продемонстрировать все свое мастерство, «вытащив» из угла безнадежный мяч. Затем Пеле снова забивает гол, но... коснувшись мяча рукой. Судья справедливо аннулирует его. Наконец, на 20-й минуте второго тайма потрясенный стадион взрывается бурей оваций после стремительной и изящной комбинации: устроив карнавал финтов на правом фланге, Жанр сквозь лес ног выкидывает мяч верхом на ближнюю штангу. В высоком прыжке Тостао, буквально распластавшись в воздухе, откидывает его пяткой назад, за себя, прямо перед воротами. И Пеле, словно догадавшись, что мяч будет передан именно сюда, бросается ногами вперед и в длинном полете проталкивает мяч в правый от Рэдукану угол ворот.

После этого румыны снова бросаются в атаку, и на 82-й минуте Дембровски забивает гол-красавец, послав мяч головой мимо замешкавшегося Феликса.

Финальный свисток судьи Бразилия встречает со вздохом облегчения. На улицах Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу бурлят становящиеся уже традиционными победные карнавалы, а любители статистики сосредоточенно заполняют последние графы таблицы матчей одной восьмой финала. Итог ободряющ: в трех встречах одержано три победы, в том числе одна — над чемпионами мира. Общее соотношение мячей — 8:3.

4

Бразилия — Перу, 4:2.

Гвадалахара. 14 июня 1970 года, 75 тысяч зрителей. Судья Витал Лору (Бельгия).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Пиаза, Марко Антонио, Клодоалдо, Жерсон (Пауло Сезар — 67), Ривелино, Жаирзиньо (Роберто — 78), Пеле, Тостао.

Перу: Рубиньос, Злой Кампос, Фернандес, Чумпитас, Фуэнтес, Чалье, Мифлин, Байлон (Сотил — 52), Перико Леон (Рейес — 57), Кубильпс, Гальярдо.

Голы: Ривелино (11), Тостао (15 и 51), Жаирзиньо (75), Гальярдо (28), Кубильпс (69).

Главу об этом матче можно было бы патетически озаглавить: «ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОСТАО». И поставить жирный восклицательный знак! Никакой ошибки в этом нет, и внимательный читатель, отметивший, что Тостао играл во всех предыдущих матчах, не должен обвинять автора в невежестве. Речь идет о том, что именно в этом матче торсида наконец увидела того, прежнего Тостао, который год назад забил десять (из 23) мячей в шести отборочных матчах. Нельзя сказать, что в играх одной восьмой финала Тостао выступал слабо. Точнее говоря, он искал себя…

Вспомним, что вскоре после отборочных матчей, прославивших его на весь мир, Тостао получил тяжелую

травму. Удар в глаз в одном из календарных матчей «Крузейро» вызвал отслоение сетчатой оболочки. Начались бесконечные поездки к виднейшим окулистам США, операции и месяцы вынужденного покоя. Накануне чемпионата Загало был убежден, что Тостао не оправится от травмы, и даже не планировал его включение в основной состав, конструируя линию нападения из Пеле, Жаирзиньо и своего любимца (действительно высококлассного игрока!) Пауло Сезара. В спортивной, да и не только спортивной, прессе страны разгорелась яростная полемика. Подавляющее большинство обозревателей резко критиковало Загало. Некоторые если не поддерживали тренера, то пытались объяснить его осторожность: «Тостао не выдержит тяжелых перегрузок турнира», «Никто не знает, как поведет себя больной глаз после хорошего удара головой», «Тостао будет играть с инстинктивным страхом».

За несколько недель до начала чемпионата хирург, оперировавший футболиста, в последний раз обследовал глаз и заявил, что не видит препятствий для включения своего пациента в команду. Загало продолжал сомневаться, газеты продолжали кричать, торсида требовала возрождения знаменитой «дуплы» Пеле — Тостао. Все это не могло не отразиться на психологии молодого парня. Не то чтобы он боялся или не верил в свои силы… Просто-напросто ему пришлось помимо обычных волнений, выпадающих на долю каждого футболиста, выходящего на поле в матчах мирового чемпионата, нести дополнительный груз эмоций. И, вероятно, именно поэтому в первых трех матчах его мастерство хотя и блеснуло, но не ослепило своей обычной мощью. И именно матч с перуанцами вернул бразильской торсиде их прежнего Тостао: стремительного, неукротимого, вездесущего.

Здесь, правда, следует сделать небольшое пояснение. Уступив давлению общественного мнения и введя Тостао в команду, Загало возложил на него несколько иные задачи по сравнению с теми, которые поручались форварду прежним тренером — Салданьей. Если раньше Тостао отводилась роль бомбардира (Салданья логично предполагал, что основное внимание защитников противника будет отвлечено Пеле и Тостао сможет воспользоваться этим), то теперь он должен был все время маячить перед воротами противника, отвлекая внимание центральных защитников, «вытаскивая» их на себя, освобождая поле действия для Пеле, Жаира и идущих из глубины Ривелино, Жерсона. Загало, таким образом, приносил его в жертву, заставляя делать черновую работу, таскать для своих товарищей по команде каштаны из огня.

С этой ролью Тостао справился не хуже, чем с той, что ему поручалась Салданьей, доказав, что настоящий мастер должен уметь играть по-разному.

Матч с перуанцами во многом напоминал встречу с румынской командой. Особенно в первом тайме. Как и четыре дня назад, бразильцы снова бросились в атаку, подвергнув ворота Рубиньоса затяжному методичному штурму. Как и в матче с румынами, уже на первых минутах застонала штанга перуанских ворот: это был удар Пеле, получившего очередной математический пас вернувшегося в команду Жерсона. И, дополняя сходство с последней партией одной восьмой финала, бразильцы повели 2:0, только это было сделано в еще более короткий срок: сначала на 11-й минуте Ривелино, получив пас от Тостао, отправил его низом в левый от вратаря нижний угол ворот. Ударившись о штангу, мяч ввинтился в сетку…

Спустя четыре минуты после розыгрыша углового Тостао, сыграв «в стенку» с Ривелино, запутал защитника Элоя Кампоса и вратаря Рубиньоса и послал

мяч под острейшим углом почти с лицевой линии. После этого, как и в матче с румынами, бразильцы стали играть заметно медленнее, полагая, что с преимуществом в два гола можно позволить себе поберечь силы для полуфинала. И перуанцы сумели воспользоваться этой передышкой: Гальярдо на 28-й минуте забил гол-близнец, почти копировавший гол Тостао. После этого будущие чемпионы вновь бросились в атаку, решив сохранить преимущество в два гола.

Неукротимые волны накатываются на ворота Рубиньоса, который, хотя и не демонстрирует потрясающего мастерства, вынужден призвать на помощь не только свои скромные технические возможности, но и слепую судьбу, которая в первом тайме улыбается ему: еще один удар Пеле приходится в штангу, отскочив от которой мяч попадает прямо в руки вратаря. Может быть, именно везение спасло Рубиньоса от третьего гола до перерыва. Однако во втором тайме чудеса окончились: очередной шквал атак завершился голом — Тостао добил мяч, отскочивший от вратаря, бросившегося в ноги Пеле. 3:1…

И снова бразильцы успокоились, полагая, что они гарантированы от всяких случайностей. Неторопливый розыгрыш мяча, слегка даже меланхоличное развитие уже решенного матча вызвали недовольство на трибунах, которые жаждали крови. На 24-й минуте Кубильяс сильнейшим и точным ударом забивает второй гол в ворота Феликса. И опять бразильцы идут в атаку. Жаир и Тостао проходят среднюю зону, обмениваясь быстрыми пасами в одно касание, затем мяч попадает Ривелино, который по-жерсоновски точным пасом выводит Жаира по левому флангу. Обойдя Элоя Кампоса, а затем вратаря, он аккуратным щелчком укладывает мяч в сетку почти с лицевой линии. Это был пятый гол Жаира из семи, забитых им в Мексике.

…Матч шел к концу, бразильцы выигрывали 4:2. А напротив главной трибуны стадиона «Халиско» на длинной скамье сидел негр, одетый в красную куртку. Захваченные игрой, зрители не обращали на него особого внимания. А ведь этот человек был одним из главных участников этой битвы. Это был Диди, тренер перуанской команды, бывший «би-кампеон», сражавшийся несколько лет назад рядом с Загало и Пеле. Теперь хитрая футбольная судьба развела их в разные стороны и столкнула друг с другом. Что же, даже уйдя с поля побежденным в тот вечер, он имел право считать свою задачу выполненной: его команда, о которой еще год назад футбольный мир знал только понаслышке, стала, без сомнения, самым ярким откровением и сюрпризом чемпионата. Уже сам факт ее участия в турнире, куда она попала после победы над грозной аргентинской командой, был неожиданностью. А ее выход в четвертьфинал после успешных матчей в группе, где были сосредоточены сборные ФРГ, Болгарии и Марокко, впервые в истории перуанского футбола поставил ее в «первую десятку» (или, точнее говоря, восьмерку) лучших команд мира! Да, Диди мог уезжать домой со спокойной совестью: горечь проигрыша, который (Диди это знал заранее!) был неизбежен и неотвратим, смягчалась мыслью о том, что его команда проиграла будущим чемпионам. В этом у Диди уже не было никакого сомнения…

Диди — тренер сборной Перу (1970)

Пока бразильцы расправлялись с питомцами Диди, на трех других стадионах Мексики разыгрывались куда более драматические события. В Толуке хозяева чемпионата — мексиканцы, опьяненные первым голом в ворота сборной Италии, уже видели себя полуфиналистами. Еще бы! Эти итальянцы с грехом пополам выбрались в четвертьфинал, забив в трех матчах всего лишь один гол и умудрившись сыграть вничью даже с более чем скромной командой Израиля. Счастливая иллюзия длилась всего лишь одиннадцать минут, после чего итальянцы, словно сбродив маску, прятавшую их грозное лицо все эти две недели,

обрушили на противника ураган атак и выиграли матч со счетом 4:1.

В Леоне, ведя со счетом 2:0, грозная команда Алфа Рамсея, обладавшая, по мнению многих специалистов, лучшей линией защиты среди всех участников чемпионата, умудряется упустить верную победу: после окончания основного времени при счете 2:2 назначается дополнительная получасовка, и бомбардир чемпионата Мюллер забивает третий, решающий, гол!

И, наконец, в Мехико выбывает из чемпионата советская команда: сыграв вничью (0:0) в основное время, уругвайцы добиваются минимального перевеса за четыре минуты до конца дополнительного времени. Этот единственный гол вынуждает сборную СССР покинуть Мексику вместе с прошлыми чемпионами мира — англичанами. А ее соперник — уругвайская «Селесте» — становится очередным противником сборной Бразилии.

5

Бразилия — Уругвай, 3:1.

Гвадалахара, 17 июня 1970 года, 55 тысяч зрителей.

Судья Хосе Мария Ортис де Мендевил (Испания).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Пиаза, Эвералдо, Клодоалдо, Жерсон, Ривелино, Пеле, Тостао, Жаирзиньо.

Уругвай: Мазуркевич, Убимас, Анчета, Матосас, Мухика, Дагоберто Фонтес, Монтеро Кастильо, Хулио Кортес, Кубилла, Манейро (Эспарранго), Моралес.

Голы: Кубилла (18), Клодоалдо (45), Жаирзиньо (75), Ривелино (90).

Рано утром 17 июня маленький пограничный городок Сантана до Ливраменто, расположенный на

границе Бразилии и Уругвая, проснулся от рокота военных грузовиков: командование 3-й армии завершало подготовку к предстоящему полуфинальному матчу. В то время как в далекой Гвадалахаре Загало и Хохберг обдумывали план своего поединка, бразильские офицеры разрабатывали свои собственные стратегические схемы, располагая войска вдоль бразильско-уругвайской границы. Если Загало готовился к атаке на своего уругвайского «противника», то его соотечественники — офицеры гарнизона в Сантана до Ливраменто конструировали глубоко эшелонированные рубежи обороны, которые должны были предотвратить повторение кровавых схваток, произошедших в городке ровно двадцать лет назад, в день, когда в финальном матче IV чемпионата мира уругвайская сборная обыграла на «Маракане» хозяев поля и стала чемпионом.

Не будем утверждать, что в этот солнечный июньский день семидесятого года обе страны оказались на грани войны, подобной той, которая произошла в 1969 году между Сальвадором и Гондурасом в ходе отборочных игр. Нельзя не признать, однако, что полуфинальный матч в Гвадалахаре оказался щепоткой соли, брошенной на давние незажившие раны бразильской торсиды, которая лишь сейчас, двадцать лет спустя, получила реальный и долгожданный шанс отвести душу, смыть «кровавое пятно позора».

Более полувека Уругвай и Бразилия являлись друг для друга самыми «неудобными», традиционно трудными футбольными соперниками. Как бы ни складывались их судьбы в международных турнирах, куда бы ни заводили эти команды извилистые пути прихотливой футбольной фортуны, в матчах друг с другом старое соперничество всегда оживало с новой силой, обогащая встречи этих команд яркими эпизодами спортивной борьбы и тяжелыми сценами

«виолансии» — насилия... Вероятно, именно поэтому предстоящий матч с уругвайцами вселял в сердца и души Пеле и его товарищей если не страх, то, во всяком случае, заметное беспокойство. Впрочем, возможен ли вообще ответственный матч без волнения?

Мне вспоминается, как когда-то в интересной в целом статье, опубликованной в одной из советских газет и анализирующей причины неудачи нашей сборной в Мексике, автор обращался к читателю с вопросом: «Когда же перестанут нервничать наши футболисты и начнут вести спортивную борьбу всерьез?». Думается, что этого никогда не случится ни в нашем, ни в каком-либо ином футболе. Потому что большой спорт без волнения, без предстартовой лихорадки, без горячего нетерпения, без беспокойства просто невозможен. Другое дело — умение контролировать такие переживания, зажать их в кулак, подчинить своей воле. Накануне чемпионата бразильские футболисты не скрывали своего волнения, и даже Пеле признал: «Мы все чувствуем себя подготовленными, тренированными и... нервничаем. И эта нервозность хороша, потому что она показывает, что мы чувствуем ответственность, лежащую на наших плечах».

Готовясь к встрече, Хохберг и Загало должны были решить разные, но вполне определенные задачи. Уругвайский тренер, хотя публично не признавал этого, хорошо понимал, что его команда не может идти ни в какое сравнение с бразильской. Играть на равных, попытаться встретить бразильцев в честном, открытом бою было равносильно самоубийству. Помимо кричащего неравенства в технике, помимо явного отсутствия у Хохберга классных нападающих, в его пассив вписывался тяжелый матч с командой СССР, выигранный в дополнительное время. Эти лишние тридцать минут лежали сейчас тяжелой гирей на

плечах его игроков. Вместе с тем Хохберг знал, что кое в чем его команда может соперничать с бразильцами. В свой актив он относил, во-первых, всю линию защиты, которая была явно лучше бразильской, и вратаря Мазуркевича, который оспаривал у Бэнкса звание лучшего вратаря чемпионата. Во-вторых, Хохберг надеялся на тот самый традиционный «комплекс неполноценности», появляющийся у любой бразильской команды во встречах с уругвайцами. Исходя из этого, уругвайский тренер и набросал свой простой, но — отдадим ему должное — весьма эффективный план на игру. Главная идея плана была выражена короткой формулой: не дать бразильцам играть! Почти весь матч подопечные Хохберга именно этим и занимались. Они не столько заботились о том, как сыграть самим, сколько стремились помешать сыграть бразильцам. А поскольку техническое превосходство будущих чемпионов было слишком разительно, в ход должны были пойти — и пошли — все допустимые и недопустимые средства. От нудного, бессмысленного держания мяча на своей половине поля до подножек, толчков, грязных приемов, которые должны были вывести соперников из равновесия.

Хохберг правильно оценил расстановку сил в бразильской команде. Он знал, что ее сердцем, ее мотором и командным штабом является линия полузащиты во главе с Жерсоном. Именно сюда Хохберг отрядил свои основные силы: четыре человека (а зачастую к ним подключались еще один-два игрока) должны были жестко контролировать среднюю зону поля, связывая бразильцев, не давая им возможности готовить и начинать атаки здесь, в зоне центрального круга. Над Жерсоном был установлен жесточайший персональный контроль. От него нельзя было отходить ни на шаг. Если бы Жерсон вдруг посреди матча

отправился бы в душевую, опекун должен был следовать за ним…

Спокойно разыгрывая мяч, контролируя его как можно больше времени, Хохберг надеялся «утопить» грозное бразильское нападение в болоте своей вязкой и цепкой защиты. Ну, а что касается атаки, то тут свои скромные надежды Хохберг возлагал не столько на запланированные неожиданные рывки Кубиллы или Манейро, сколько на вероятные промахи бразильских защитников или вратаря Феликса, что, скажу, забегая вперед, действительной случилось…

Перед Загало стояли совсем иные задачи. Во-первых, он должен был думать о том, как взломать уругвайскую оборону. Он, разумеется, знал, что Хохберг и его питомцы будут воздвигать на подступах к своей штрафной площадке глубоко эшелонированные рубежи, что будут тянуть игру, сбивать темп, заниматься «катимбой»: всеми правдами и неправдами мешать играть. Вторая забота Загало заключалась в психологической подготовке команды. О том, сколь трудно было решить эту проблему, весьма убедительно свидетельствовала первая половина встречи. Загало не мог узнать на поле своих питомцев. Неточные передачи, ошибочные пасы, неоправданные потери мяча следовали друг за другом в каком-то кошмарном фейерверке. К 18-й минуте матча уругвайцы, имея на острие атаки лишь одного Кубиллу, уже четыре раза бьют по воротам Феликса, а грозные «би-кампеоны», ведомые неудержимыми Пеле, Жаиром и Тостао, за это время наносят лишь один удар по воротам Мазуркевича, да и то мимо цели.

Складывается впечатление, что бразильская команда, забившая за четыре предыдущих матча двенадцать голов, один красивее другого, всерьез побаивается своих «беззубых» соперников. Они-то забили в предыдущих встречах всего лишь три мяча,

один из которых, забитый команде СССР, был, мягко выражаясь, спорным. Впереди у бразильцев один Тостао, Пеле почти не переходит среднюю линию поля. Жерсон словно веревкой привязан к своей штрафной площадке. Даже Жаир оттягивается назад.

И на 18-й минуте вся эта нервозность, неорганизованность бразильцев приводит к голу в их ворота, явившемуся результатом целой серии ошибок, последовавших одна за другой; началось это с неточного паса Брито, который неожиданно вручает мяч Моралесу, потом он мешкает, не успевая перехватить пас Моралеса к Кубилле, третья ошибка — Феликса. Он ожидает сильный удар, но мяч у Кубиллы срезается и медленно входит в ворота, в то время как Феликс, потеряв равновесие, провожает его испуганным, полным отчаяния взглядом.

1:0… Крик радости потрясает Уругвай, голубые знамена приветственно реют над стадионом «Халиско». «Ма-ра-ка-на! Ма-ра-ка-на!» — скандируют уругвайцы, напоминая о «великой победе». В этот самый момент Пеле спокойной трусцой бежит к своим воротам, достает забитый мяч и кричит защитникам: «Спокойно, парни! Игра еще только начинается!»

Да, игра еще только начиналась. И радоваться уругвайцам было рано. Гол отрезвил бразильцев. Постепенно инициатива переходит к ним. И хотя «селесте» пытается создать непроходимый заслон около линии штрафной, бразильская сборная начинает планомерную, размеренную осаду. Чувствуя, что давление соперников нарастает, уругвайцы начинают прибегать к недозволенным методам защиты: Мухика раз за разом сносит Жаирзиньо, который подымается и снова устремляется вперед. На 24-й минуте защитники «селесте» грубо сносят Пеле в штрафной площадке, но судья не назначает очевидный пенальти. И на последней минуте усилия будущих чемпионов

увенчиваются успехом. Клодоалдо забивает гол, который я бы назвал хрестоматийным; он словно показывал советской сборной, которая 120 минут штурмовала уругвайские ворота и не добилась успеха, как нужно взламывать «уругвайский замок». Ведь обо всем позаботились, казалось, питомцы Хохберга: прибегали к подножкам, хватали за руки, толкали в спину, связали мелочной и нудной опекой Пеле и Тостао, учинили хулиганскую охоту за Жаирзиньо, которого Мухика сбивал каждый раз, когда он получал мяч, четырьмя игроками обеспечили себе почти полный контроль над средней зоной поля... И когда, казалось, первый тайм закончится с желанным счетом 1:0 и можно будет в раздевалке спокойно выслушать установку Хохберга на вторую половину встречи, отдохнуть и собраться с силами, в этот момент вперед рванулся Клодоалдо. Игрок, атаки которого никто не ожидал. Ни Хохберг, ни Мазуркевич, ни защитники «селесте». Игрок, который почти весь тайм провел в своей штрафной площадке. Тостао, заметив этот рывок, выложил ему точный пас, и Клодоалдо хлестким и точным ударом послал мяч в ворота Мазуркевича. Это была ничья, означающая, что второй тайм должен был начать все сначала.

Впрочем, это равновесие было теперь только кажущимся. На самом деле психологический перевес был отныне на стороне бразильцев. Они не только пришли в себя после стартовой нервозности, не только разрушили миф о неприступности ворот «селесте», не только вновь ощутили свои силы и свою мощь, но получали теперь, во втором тайме, дополнительную «фору»: те самые лишние полчаса игры против сборной СССР должны были с каждой новой минутой все тяжелее и тяжелее давить на спины и плечи уругвайцев. Именно во втором тайме проявляются всегда с особой силой достоинства и недостатки в

физической подготовке футболиста. И именно во втором тайме бразильцы, как уже было сказано, особенно убедительно переигрывали всех своих соперников.

Но, не следует думать, что победа досталась им очень уж легко. Борьба была яростной и упорной. Но бразильцы атаковали чаще и осмысленнее. На 15-й минуте Пеле совершает неудержимый рывок по центру.

Подхватив мяч на своей половине поля, он мчится вперед, обходит каскадом остроумных финтов Кастильо и Кортеса, движением корпуса обыгрывает Матосаса, который в следующее мгновение в бессильной ярости опрокидывает «Короля» на землю.

Чем дальше, тем очевиднее становится преимущество будущих чемпионов. Чем ближе к концу матча, тем яснее становится справедливость оценки, которую дали накануне матча уругвайской команде большинство бразильских газет: «Посредственная команда, обладающая отличным вратарем, цепкой защитой и удивительно немощным нападением. Команда, которая пытается восполнить свои дефекты и слабости грубой силовой игрой. Команда, которая не имеет ни права, ни возможностей претендовать на место среди лидеров мирового футбола…»

На 30-й минуте второго тайма наступает развязка; в атаке участвует вся тройка бразильских нападающих. Тостао откидывает мяч Пеле, тот посылает его Жаиру, который устремляется к воротам, обходя Моралеса и Мухику. Мухика, как это уже бывало неоднократно, пытается бить Жаира по ногам, тот убегает от него, тогда защитник, беспомощный и жалкий, пытается удержать Жаирзиньо за руки и за футболку. Но недаром Жаира прозвали в эти дни в Бразилии «Ураган». Он вырывается из цепких лап Мухики, влетает в штрафную и посылает мяч мимо

выбежавшего Мазуркевича в левый нижний угол ворот. Счет становится 2:1…

После этого все сомнения в победе бразильцев исчезают. Уругвайцы еще пытаются что-то предпринять. Они бросаются в атаку, точнее говоря, пытаются броситься. Сил у них уже нет, да и умения атаковать — тоже. Беспорядочные передачи типа «вперед, а там разберемся» не вызывают паники в рядах бразильской защиты. За две минуты до конца уругвайцам, правда, удается создать подряд два острых момента у ворот Феликса, однако он в обоих случаях с честью выдерживает экзамен. Чувствуя, что терять нечего, вся «селесте» скопом устремляется на половину поля соперников. Это самый настоящий «навал». Нечто, напоминающее ситуацию в хоккее с шайбой, когда проигрывающая команда за несколько секунд до свистка меняет вратаря на полевого игрока в отчаянном, но безнадежном стремлении отыграться.

Увы, для организации финального штурма у уругвайцев не хватает ни сил, ни, что еще важнее, умения: оголив тылы, они позволяют бразильцам провести стремительную и неотвратимую контратаку. Это было словно флеш-атака шпажиста: Ривелино перехватывает мяч и отдает его Тостао, который пасует Пеле. «Король» неожиданно устремляется вперед и, дойдя до линии штрафной площадки, останавливается на мгновение. Затем спокойно и хладнокровно выкидывает мяч поперек поля на выбегающего Ривелино. Тот без обработки посылает его в ворота Мазуркевича. Это была 45-я минута второго тайма.

6

Бразилия — Италия, 4:1.

Мехико, 21 июня 1970 года, 110 тысяч зрителей.

Судья Р. Глехнер (ГДР).

Бразилия: Феликс, Карлос Альберто, Брито, Пиаза, Эвералдо, Клодоалдо, Жерсон, Ривелино, Пеле, Тостао, Жаирзиньо.

Италия: Альбертози, Бургнич, Сера, Росато, Факкетти, Бертини (Жулиано — 75), Доменгини, Мацола, Де Систи, Бонисенья (Ривера — 83), Рива.

Голы: Пеле (19), Бонисенья (38), Жерсон (66), Жаирзиньо (70), Карлос Альберто (87).

Альпинисты говорят, что последний десяток метров перед вершиной самый трудный. Марафонцу последний километр кажется самым длинным. Вопреки этой традиции, последний шаг, последний матч за право вечной собственности на богиню Нике не стал для бразильцев самым тяжелым: их противник оказался на сей раз заметно слабее. К тому же и в этом матче на плечах соперников будущих чемпионов вновь лежали дополнительным грузом «лишние» тридцать минут игры полуфинального матча с командой ФРГ, который был выигран в дополнительной получасовке со счетом 4:3.

Конечно, это не означает, что матч Бразилии и Италии был недостоин финала чемпионата. Нет, он был достаточно остр, интересен и доставил немало радостей и волнений 700 миллионам телезрителей в полусотне стран, наблюдавших за этой игрой по телевизорам одновременно с сотней тысяч счастливчиков, оказавшихся на «Ацтеке». И все же в нем, пожалуй, чувствовалось меньше того волнующего подспудного драматизма, которым была отмечена скуповатая на голы, но щедрая на эмоции встреча англичан с бразильцами. В нем, быть может, ощущалось чуть меньше страстной одержимости, пожиравшей сердца и души игроков и зрителей в незабываемых поединках англичан с командой ФРГ или немцев с итальянцами.

На сей раз силы оказались не столь равны. И это уже с первых минут матча лишило его загадочности и неясности: пожалуй, лишь самые истеричные из итальянских «тиффози», заполнивших трибуны «Ацтеки», могли питать какие-то иллюзии относительно исхода поединка и шансов «скуадры адзурры». Для подавляющего большинства зрителей уже вскоре после начала матча вопрос о его победителе не вызывал никаких сомнений.

Единственный просчет, совершенный бразильцами в этот день, был сделан до матча: они непростительно ошиблись в выборе шипов для бутсов. Именно поэтому Ривелино умудрился в этом матче «промазать» несколько таких штрафных, которые он обычно забивает без всяких усилий. Именно поэтому «Король» умудрился несколько раз не попасть в ворота из положений, в которых он может забивать голы даже с закрытыми глазами. В перерыве, когда шипы были заменены, все встало на свои места. И «голеада» второго тайма явилась закономерным выражением полного и бесспорного преимущества новых «три-кампеонов».

И на сей раз Загало показал себя опытным стратегом: Жаирзиньо был выдвинут вперед для поединка с Факкетти, Тостао должен был связать «чистильщика» Серу, Клодоалдо — опекать Маццолу, Карлос Альберто — усилить правый фланг атаки. Спустя десять минут после начала матча Жаир начинает все чаще и чаще смещаться в центр и на левый фланг поля, уводя за собой капитана итальянцев. «Персоналка» «скуадры адзурры» трещит по швам: в гигантский коридор, образовавшийся на левом фланге итальянской защиты, все чаще и чаще врывается Карлос Альберто, опасно простреливая мяч вдоль ворот.

На 18-й минуте Тостао обыгрывает нескольких итальянцев на левом краю. Один из них успевает

отбить мяч на аут. Тостао быстро выкидывает его, направляя к Ривелино, который переводит мяч в центр. Секундомеры отсчитывают 19-ю минуту, когда Пеле, выскочив к линии вратарской площадки, в высоком прыжке посылает мяч головой в левый от Альбертози нижний угол ворот. 1:0…

Но итальянцы не хотят признать себя побежденными. Имея впереди только двух быстрых форвардов — Бонисенью и Риву, они используют любой шанс, любую оплошность бразильских защитников для быстрых контратак. Таких оплошностей было три: одну совершил Брито, две — Клодоалдо. Одна из них завершилась голом. Это случилось на 38-й минуте матча, когда Клодоалдо попытался откинуть мяч пяткой, не глядя на Брито. Рядом оказались Маццола и Бонисенья, рванувшиеся к воротам. Вложил свой вклад в этот единственный итальянский гол и вратарь Феликс, выскочивший из ворот и столкнувшийся на линии штрафной площадки с Брито. Бонисенья низом пробил мяч, сравнивая счет и повергая «тиффози» в состояние коллективного психоза.

До конца тайма матч идет с переменным успехом, хотя заметно превосходство бразильцев. В самом конце тайма Пеле забивает еще один гол, однако судья Глехнер не засчитывает его, утверждая, что время матча истекло. Этот инцидент вызывает бурные крики протеста у всех бразильских радиокомментаторов, которые, потрясая секундомерами, доказывают своим соотечественникам, что судья закончил тайм на семь секунд раньше времени. Но поскольку судья в этом вопросе является конечной инстанцией, приходится утешать себя мыслью, что впереди еще 45 минут игры.

Второй тайм начинается обоюдоострыми атаками. Уже на второй минуте Пеле на какую-то ничтожную долю секунды опаздывает выброситься на точный прострел, сделанный с правого фланга Карлосом

Альберто, спустя четыре минуты Доменгини опасно бьет по воротам бразильцев, но под мяч бросается Эвералдо. Проходит пять, десять, пятнадцать минут второго тайма, итальянцы начинают все больше и больше нервничать и грубить. Они чувствуют, что инициатива безвозвратно ускользает от них, они ощущают свое бессилие перед более техничными и более выносливыми соперниками и пускают в ход подножки, толчки, хватают бразильцев за руки и футболки. Дело доходит до того, что Бертини бьет по ногам и опрокидывает на землю Пеле без мяча! Хулиганская выходка итальянца, за которую следовало бы удалять с поля, не наказывается даже штрафным.

На 21-й минуте Жаирзиньо пытается ворваться в штрафную площадку по центру. Не получается. Мяч подхватывает — Жерсон, смещается влево, обыгрывает Росато и неожиданно для защитников и Альбертози вколачивает сильнейший мяч в нижний угол ворот. Вратарь летит, но… поздно. Взметнувшаяся за его спиной сетка порождает взрыв криков и слез на трибунах «Ацтеки». Рыдают итальянцы, ликуют бразильцы и мексиканцы, объединившие свои эмоции.

После этого атмосфера на поле накаляется еще больше. Итальянцы, оставшиеся «без ног», продолжают грубить. Вновь отличается Бертини: после свистка судьи, когда игра была остановлена, он с силой бьет мяч, стремясь попасть в Ривелино. И тут же следует закономерное и справедливое «наказание»: невозмутимый Эвералдо тщательно устанавливает мяч, потом откидывает его Жерсону, который своим телескопическим взглядом замечает далеко в штрафной площадке Пеле. Следует длинный пас. Такой, какой может дать только Жерсон: рассчитанный до миллиметра.

Пеле взвивается вверх, успевая заметить выбегающего по центру Жаира. Легким толчком головы

он скидывает мяч ему на ногу, Жаир слегка поправляет мяч. Изнемогающий в неравной борьбе и преследующий его по пятам Факкетти еще пытается что-то сделать, но запутывается в сетке ворот, куда уже благополучно прибыл третий бразильский гол... 3:1.

Удар капитана бразильцев безжалостен и неотразим

После этого начинается заключительный этап поединка. Собственно говоря, никакого поединка уже нет. Матч превращается в великолепное футбольное шоу, которое устраивают зрителям новые чемпионы мира. Каскады изящных финтов, неторопливый розыгрыш мяча и стремительные рывки окончательно деморализуют итальянцев. Валькареджи делает замены, выпуская на поле Жулиано, а затем — знаменитого Риверу. Но, вероятно, даже он сам потерял надежду переломить ход игры. Да и поздно уже. Поздно…

Пеле и Карлос Альберто после победы над командой Италии

Остаются три минуты... Вдоль боковых линий выстраиваются нетерпеливые репортеры. По всей Бразилии начинают победный грохот оркестры и петарды. Бушуют трибуны «Ацтеки». И тут под занавес зрители видят еще один, последний номер этого неповторимого футбольного спектакля. Ривелино, словно утоляя жажду мести, устраивает свой персональный «карнавал», обыгрывая одного за другим четырех итальянцев. Кто-то из них, рассвирепев, пытается ударить его по ногам. Предательски. Сзади. Но Ривелино, словно чувствуя это, подпрыгивает, и удар, который, возможно, сломал бы ему ногу, приходится в воздух. Вслед за этим он откидывает мяч в центр Жаирзиньо, тот переводит его Пеле. Защитники бросаются к «Королю», остановившемуся около линии

штрафной площадки. Спокойно, словно выполняя элемент учебного упражнения, он откидывает мяч вправо, почувствовав каким-то только ему свойственным чутьем, что по этому флангу снова рвется к воротам Карлос Альберто. Удар капитана бразильцев безжалостен и неотразим. Мяч влетает в сетку ворот, закрывая официальный счет мексиканского чемпионата. Это был 95-й гол турнира и 19-й гол «три-кампеонов».

* * *

...Три дня и три ночи продолжался всебразильский карнавал победы, ставший, вероятно, одним из самых бурных и шумных карнавалов в истории страны. Уже через несколько минут после финального свистка судьи Р. Глехнера на улицах Рио, Сан-Паулу и других городов страны появляются экстренные выпуски газет, которые вместе с фотографиями победных голов доносят до обезумевших от счастья соотечественников взволнованное обращение президента страны, объявляющего ближайшие два дня выходными. Никто не спит и не отдыхает двое суток, отделяющих финальный матч от торжественного возвращения победителей.

К утру вторника на каждом доме, на каждом заборе, на каждом автомобиле в Рио-де-Жанейро полощутся национальные флаги, портреты «три-кампеонов» и приветственные лозунги. С раннего утра 23 июня миллионы жителей Рио выстраиваются вдоль улиц, по которым Пеле и его дружина будут следовать от международного аэропорта к зарезервированному для них отелю на Копакабане. Прибытие героев, однако, задерживается: президент страны устроил торжественную встречу в столице, где в строгом

президентском дворце министры и генералы охотятся за автографами героев Мексики. Обед во дворце заканчивается уже к вечеру, и самолет вылетает в Рио-де-Жанейро с большим опозданием, которое, однако, не охладило восторгов «кариок». Многие отдыхают, спят на тротуарах, опасаясь потерять место в первых рядах. Свирепый ливень никого не пугает. Когда вдали показываются огни идущего на посадку самолета, аэропорт охватывает безумие. Гремят оркестры. Солдаты, оцепившие летное поле в тщетной надежде сдержать натиск тысячных толп, первыми бросаются к трапу в надежде получить заветный автограф или хотя бы прикоснуться к падающим от усталости футболистам.

На всем пути их следования бушует водоворот восторга, заглушающий надрывные завывания сирен полицейских мотоциклов. С крыш небоскребов летят тонны «папел пикадо» — бумажных листовок, заготовленных за последние двое суток. Гремят «батареи» школ самбы, наводнивших центр Рио. Салютуют постовые, плачут от счастья старики, и радостно кричат дети.

Рио-де-Жанейро: триумф «три-кампеонов»

Ослепленные сиянием прожекторов, вспышками ракет и молниями репортерских блицев, медленно двигаются по улицам Рио на двух красных пожарных машинах два с половиной десятка национальных героев. И, глядя на них, миллионы бразильцев забывают о вчерашних невзгодах и завтрашних заботах, о больших разочарованиях и маленьких радостях, о семейных трагедиях и служебных неурядицах. В эту минуту каждый чувствует себя соавтором этой «великой», «неповторимой», «выдающейся», «незабываемой», «потрясающей» победы.

Завтра придет новый день со своими вечными проблемами, складывающимися в безвыходный заколдованный круг. С неоплаченными счетами, болезнями детей, повестками в суд и траурными объявлениями в газетах. Завтра снова начнутся будни:

вечное ожидание получки, ссоры с соседками, повестки налогового департамента, объявления о повышении цен на мясо и кофе, поломки телевизоров, супружеские измены, неожиданные банкротства, автомобильные пробки, ливневые дожди и безжалостные засухи. Все это было, и все это будет. Но сейчас ничего этого нет… Сейчас никто об этом не помнит, не думает, не хочет и не может думать. Сегодня каждый из девяноста миллионов бразильцев горд и счастлив. И сколь бы коротким и быстротечным ни оказалось это сладостное опьянение счастьем, оно является самой дорогой наградой для двух десятков парней, возвращающихся из Мексики с маленькой статуэткой богини Нике.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

…Я оставил почти без правки весь старый текст последних глав, рассказывающих о подготовке к чемпионату мира 1970 года и завоевании «Золотой богини» в Мехико. Конечно, рассказы о «диагонали» и «трипе» давно уже утратили актуальность и с точки зрения сегодняшних футбольных идей и концепций кажутся чем-то совершенно архаичным. Но в то же время эти воспоминания помогают нам погрузиться в ту уже далекую эпоху, ощутить аромат тех лет, подышать воздухом, каким дышали отцы и деды сегодняшних идолов Ромарио, Роберто Карлоса, Ривалдо, Роналдиньо, Таффарела.

Я внимательно, даже придирчиво перечитал пожелтевшие страницы. Подумал, что сегодня, возможно, написал бы все как-то по-иному. А потом решил ничего не переделывать, не править, ограничиться одними лишь дополнениями и уточнениями. Кажущиеся сегодня, спустя три десятка лет, неумеренно восторженными оценки все-таки

выдержали испытание временем. Победа бразильцев на чемпионате 1970 года была, видимо, самой яркой в XX веке футбольной победой. Все шесть матчей того чемпионата были выиграны убедительно и безапелляционно.

Напомню, что в победных чемпионатах 1958 и 1962 годов бразильцы не обошлись все-таки без ничьих, а их «тетра-кампеонат» в 1994 году, если посмотреть правде в глаза, был выигран с надрывом, с натугой. С ничьей (1:1) в первом матче против сборной Швеции. С неубедительной победой над США (1:0). С мучительным взаимным истязанием против тех же итальянцев в финале, когда после безрезультативных, нулевых 120 минут основного и дополнительного времени были пробиты серии пенальти…

Попросите сегодня любого бразильского болельщика назвать поименно состав команды, игравшей в финальном матче 1994 года, принесшем «тетра»: далеко не каждый без запинки перечислит его. Но спросите о звездном составе «три-кампеонов» 1970 года: о команде Пеле, Карлоса Альберто и Жерсона, и все торседорес приведут тот суперзвездный состав на память без запинки.

Да, победа в 1970 году в Мексике стала и остается до сих пор самой яркой победой в истории бразильского футбола. Об этой команде писали так:

«Она была настолько сплочена, что это вызывало у ее соперников чувство страха» *(Чезаре Барретти из итальянской газеты «Туттоспорт»).*

«Трудно найти слова, чтобы описать ее. Это все равно, что попытаться расцветить такое понятие, как „ветер“. Этот футбол был футболом другого измерения, магией» *(«Таймс» Лондон).*

«Нужно было бы построить стадион на 5 миллиардов человек, чтобы весь мир смог бы увидеть играющего Пеле. Никто из смертных не может быть

лишен права видеть этого человека с мячом в ногах» *(Чехословацкое информационное агентство, Прага).*

А вот как совсем недавно вспоминал о сборной 1970 года Тостао в статье, посвященной тридцатилетию этой победы:

«Недавно я сел перед экраном телевизора, чтобы вновь просмотреть видеозаписи всех наших поединков на том чемпионате. С нетерпением, с гордостью и грустью я попытался просмотреть наши матчи критическим взором, который и должен быть присущ комментатору.

Я попытался понять магию той команды, которая была идеализирована сразу же после победы. При этом я учел, что то был первый чемпионат, показанный по телевидению, в котором Бразилия выиграла все свои матчи, а в финале нанесла поражение Италии со счетом 4:1… И я почувствовал, что существует какое-то восхищение, какое-то поклонение той командой, которое мне просто не дано понять.

А ведь в те времена персональная опека и игровые скорости были куда более низкими, чем сегодня. Паррейра в интервью журналу „Плакар“ сказал, что наблюдать сегодня игру команды 1970 года было бы испытанием терпения по причине слишком уж медленной ее игры. Паррейра, ныне тренер (а в то время он был наблюдателем и тренером сборной по физподготовке), остается безусловным приверженцем скорости и плотной опеки, которыми отмечен сегодняшний футбол.

С другой стороны, признаем, что высокие скорости и более плотная игра с соперниками (которые очень способствовали прогрессу футбола) сами по себе, если они не отмечены талантом и изобретательностью игроков, ужасны. Такой футбол трудно смотреть. Посредственности я предпочел бы медлительность.

Кроме того, Паррейра не любит (и я тоже не стал бы этого делать), когда хвалят сборные 1970 и 1982 годов, сопоставляя их и несправедливо критикуя его команду, выигравшую под очень хорошим его руководством чемпионат мира в 1994 году.

Просмотрев матчи 1970 года, я убедился, что та наша сборная уделяла больше внимания обороне, чем нынешняя команда и чем та, что выиграла чемпионат-94. Все мы дружно возвращались на свою половину поля, когда противник завладевал мячом. Намерение было уменьшить „белые“ пятна в линии защиты. Сегодня многие команды предпочитают именно эту манеру игры борьбе за мяч в средней зоне или на половине поля соперника.

Я был восхищен талантом моих товарищей, прекрасными игровыми эпизодами. Но и увидел довольно много ошибок. Например, я не знаю, почему не цитируется сегодня имя Жаирзиньо, когда речь заходит о самых выдающихся форвардах бразильского футбола. Вообще-то все наши звезды того времени, как и сегодняшние идолы, имели и достоинства, и недостатки. Я даже у „Короля“ могу найти какой-нибудь минус. Тостао, например, дал много точных, идеальных пасов, поддерживал атакующий ритм команды, но был медлителен и мало бил по воротам.

Поскольку в наши времена игрок обладал большей свободой действий на поле (его не держали соперники так плотно, как это делают сегодня), было легче блистать. Если у игрока было много возможностей, то появлялись и неизбежные ошибки. У кого не было таланта, тот быстро обнаруживал свою ограниченность. Сегодня легче обмануть наблюдателя.

Я понимаю, когда иногда говорят, что сборная 1970 года не была столь прекрасной, как принято считать. Да, она не была командой идеальной, но была чудесной и непобедимой для того времени. Потому что

абсолютное совершенство существует только в нашем воображении.

У сборной 1970 года был по большому счету только один главный недостаток: ее матчи постоянно повторяют по телевидению. Изображение в конце концов убивает фантазию, которая всегда превосходит реальность.

Я предлагаю, чтобы все видеозаписи того чемпионата были бы уничтожены, и тогда для будущего осталась бы легенда: „Существовала все-таки в футболе одна идеальная команда — сборная Бразилии, чемпион мира 1970 года“».

В этом шутливом выводе заключена и безусловная мораль: немного горькая, немного иллюзорная. И всегда актуальная: все, что было когда-то, мы склонны перехваливать. Сегодняшние реалии нас обычно разочаровывают. И не только в футболе.

И, кстати, замечу, что Армандо Ногейра — не менее авторитетный, чем Тостао, футбольный обозреватель, отреагировал на его «самокритику» довольно резко. Армандо в своей колонке, в той же газете «Жорнал до Бразил», заявил, что считает команду 1970 года идеальной! И все тут!

Итак, тридцать лет исполнилось в 2000 году великой победе «три-кампеонов». Кстати, этот, рубежный между XX и XXI веками, год оказался весьма богатым на годовщины и юбилеи в истории бразильского футбола. Одни — радостные, другие — грустные.

70-летие первого чемпионата мира, в котором бразильцы выступили весьма неудачно.

50-летие «Мараканы».

И полувековой юбилей «трагического» провала в финальном матче чемпионата мира-1950, проигранного сборной Уругвая со счетом 1:2 на этом стадионе.

Между прочим, к очередному поединку между сборными этих стран в отборочном матче чемпионата мира-2002, состоявшемся 28 июня 2000 года на все той же «Маракане» (он закончился вничью 1:1, причем бразильцам пришлось отыгрываться, и лишь за пять минут до конца Ривалдо с пенальти спас свою команду от поражения), в Рио приехала делегация из четырех уругвайцев, участников того матча. Впервые встретились автор памятного гола, лишившего Бразилию победы, — правый край уругвайцев Хиггия и левый защитник бразильцев Бигоде. Тот самый Бигоде, что упустил Хиггию и позволил ему забить роковой мяч.

Хотя уругвайцев приняли тепло, но встреча Бигоде со своим «мучителем» прошла в атмосфере некоторой неловкости и стеснения.

Вот ведь до чего доводит футбол людей: полвека не могут они избавиться от мук и страданий!

Но, продолжая разговор о годовщинах и юбилеях 2000 года…

75 лет исполнилось Нильтону Сантосу.

70 лет — Жилмару и Беллини.

60 — Пеле.

55 — Сократесу.

30 — Кафу.

25 лет со дня кончины Феолы.

10 лет со дня смерти Салданьи.

И все-таки самая «памятная» сегодня, самая «главная» из этих годовщин — тридцатилетие победы в Мексике. Тридцатилетие завоевания «Золотой богини».

И посему вполне уместно будет вспомнить о том, как сложились судьбы одержавших эту победу героев, футбольных идолов XX века.

По-разному. Жаирзиньо — бразильский бомбардир того чемпионата, отметившийся голами в каждом из шести его матчей, оставил через несколько лет сборную с весьма солидным итогом: 34 гола в 93 матчах. Он до

сих пор остается в пятерках самых великих «артиллейро» сборной и игроков, имеющих наибольшее количество матчей в ее составе. Он пытался работать тренером, но особого успеха не имел.

Последний раз я видел его на чемпионате 1998 года в Париже. Он был весьма доволен каскадом комплиментов, который я низверг на него, и в ответ на вопрос о его сегодняшних занятиях пояснил, что работает с одним из мексиканских клубов, но собирается вернуться в Бразилию.

Тостао стал впоследствии дипломированным врачом, однако в конце восьмидесятых бросил практику и занялся футбольной журналистикой. С большим удовольствием я пообщался с ним в Париже в 1998 году, а сейчас благодаря Интернету постоянно читаю его еженедельную колонку в газете «Жорнал до Бразил».

Справа — Загало (Москва, 1997 г.)

А вот с Жерсоном мне там, в Париже, пообщаться не довелось: он тоже занимается журналистикой, на чемпионате мира-98 работал комментатором бразильской телестанции ТВ-Глобо, но встречаться с российскими журналистами почему-то отказался.

Ривелино тоже успешно вписался в футбольную журналистику. Работает в Сан-Паулу в газетах и на телевидении.

Карлос Альберто — капитан команды 1970 года — стал тренером, сменил ряд клубов. Но, похоже, на этой

ниве не добился столь впечатляющих успехов, какими была отмечена его игровая карьера.

Тренер Загало потом еще долгие годы, хотя и с перерывом, работал со сборной страны. В 1995 году я встречался с ним в Рио, мы беседовали часа полтора, он рассказывал о своих планах по завоеванию «пента», буквально дышал оптимизмом. Затем я пообщался с ним во время визита бразильской сборной на товарищеский матч в Москву летом 1997 года. И снова он говорил о «пента» как о деле практически решенном. Но этим его планам, как известно, осуществиться было не дано. И «Золотой муравей» ушел из сборной после драматического поражения в финале чемпионата мира-98 на «Стад де Франс».

О его неудачном опыте работы с командой «Португеза» я уже сказал выше.

Ну, а теперь, мне кажется, будет уместно все-таки бросить беглый взгляд на дальнейшую — после 1970 года — историю бразильской сборной.

Как известно, на волне эйфории, охватившей страну после завоевания богини Нике, была сделана под руководством Загало попытка победить и в следующем чемпионате мира 1974 года, проводившегося в Германии.

Командой по-прежнему руководил Загало. Состав ее претерпел, конечно же, определенную трансформацию: ушел «Король» Пеле, центральный защитник и столп обороны Брито, лидер команды Карлос Альберто, замечательный мастер игры в средней зоне Жерсон. Но остались Ривелино, Пиаза, Пауло Сезар, Жаирзиньо.

Попытка оказалась провальной. Сначала в групповом турнире были две нулевых ничьи с Югославией и Шотландией, затем победа 3:0 над Заиром. Потом были еще три матча: победа над Восточной Германией 1:0 и два поражения: от Голландии 0:2 и от Польши 0:1. Этим фактически

закончился для бразильской сборной тот первый «цикл Загало».

После него к руководству главной командой страны пришли другие тренеры. Бразилия продолжала по-прежнему участвовать во всех мировых чемпионатах, но долго не могла добиться заметных успехов.

После сборной 1970 года, выигравшей «ТРИКАМПЕОНАТ», наиболее запоминающийся след в истории национального футбола оставила команда, которой руководил тренер Теле Сантана. Она весьма ярко выступила на чемпионатах 1982–86 годов. Многие специалисты и сегодня считают ее самой лучшей и неповторимой сборной после «команды Пеле».

Я склонен разделить это убеждение. Тем более что ту бразильскую сборную я имел возможность наблюдать в деле на чемпионате мира в Мексике в 1986 году, где работал в составе советской журналистской делегации, освещавшей тот турнир.

Карлос Альберто Паррейра в своем доме в Рио-де-Жанейро (1995 г.)

А завоевала «заветное „тетра“» в 1994 году команда, руководимая Карлосом Альберто Паррейрой, техническим советником при котором был Загало. О том, что эта победа оказалась более тяжкой, «вымученной», менее впечатляющей, добытой в серии

пенальти, я уже упоминал. Как и о драматической погоне за «пента» на чемпионате мира-1998, увенчавшейся провалом (0:3) в финальном матче с французами.

В какой-то мере мне повезло: я был тогда в Париже и участвовал в репортаже о том памятном финале, который провел Виктор Гусев. Вспоминаю, сколь отчетливо были видны тогда чувства полной растерянности, обиды и даже отчаяния, которые были заметны на лицах бразильцев после финального свистка. Ведь перед матчем почти никто из их соотечественников не сомневался в победе.

Помнится, накануне финала Бразилия — Франция я беседовал с добрым десятком комментаторов, наблюдателей и просто болельщиков разных стран. Все сходились на том, что победа бразильцев почти неизбежна. Один из бразильских коллег был категоричен: «Завтра мы увидим игру команды, у которой нет защиты (имелась в виду, естественно, Бразилия, которой во все времена предъявлялась именно эта претензия) против сборной, играющей без нападения (французы). Посмотрим, кто же победит?»

И когда я выключил магнитофон, он сказал, подмигнув: «Думаю, что это все-таки будем мы».

Да, безудержный оптимизм и слепая эйфория, видимо, в Бразилии неизлечимы…

Ну, а как выглядит статистика выступлений бразильской сборной?

Тут существует несколько версий и таблиц. Я процитирую здесь данные самого, на мой взгляд, авторитетного статистика бразильской сборной — Ивана Сотера. Он включает в свои регистры только матчи, в которых бразильская сборная встречается с *национальными* командами других стран и со сборной ФИФА.

Конечно, эта статистика не может считаться стопроцентно полной: ведь сборная играет иногда и с клубными командами. Своими и зарубежными. Но по логичному суждению Сотера эти матчи не могут дать достаточно полного представления о силе национальной команды. Что толку, что она загонит десяток безответных мячей в ворота провинциального клуба, служащего для нее «мальчиком для битья»? Согласитесь, что гораздо весомее будет выглядеть один гол, забитый в ворота сборной Аргентины или Англии.

Поэтому статистика, которая приведена ниже, учитывает, повторю еще раз, только матчи сборной Бразилии с национальными командами других стран и сборными ФИФА.

В этом ряду свой первый матч бразильская сборная провела в 1914 году в Буэнос-Айресе против команды Аргентины 20 сентября, проиграв его 0:3. (Хотя самый первый поединок, в котором она вообще приняла участие, прошел тремя месяцами раньше: 21 июля в Рио-де-Жанейро она выиграла у британского клуба «Эксетер-сити». Эта победа потешила самолюбие местной торсиды, но в реестр игр сборной она, естественно, не включается.)

В этом долгом перечне, протянувшемся уже на 86 лет, победа «золотой сборной» в финале чемпионата мира-70 над сборной Италии отмечена 326-м номером. А завоевание «тетра» 17 июля 1994 года зафиксировано под номером 605.

На сегодняшний день (точнее — на 1 июля 2000 года) бразильская сборная провела уже 699 официальных и товарищеских матчей с национальными (подчеркну это еще раз) командами 66 стран мира и сборными ФИФА. Одержано 439 побед, проиграно 115 встреч, сведено вничью 145 поединков. Общий счет забитых и пропущенных голов: 1548:698.

Заканчивая разговор о сборной Бразилии, нельзя не упомянуть и о том, что периодически в этой стране составляются символические «Сборные всех времен». Один из самых последних и, видимо, наиболее авторитетных таких опросов был проведен в 1996 году. В нем участвовали 64 человека: тренеры национальных и ведущих клубных команд, ветераны бразильского и зарубежного футбола, самые компетентные, самые опытные футбольные обозреватели. Среди экспертов были такие фигуры, как Альфредо ди Стефано, Жюст Фонтэн, Мишель Платини, Айморе и Зезе Морейра, Флавио Коста, Теле Сантана, Йозеф Масопуст, Карлос Альберто Паррейра.

Каждому из них было предложено составить свой собственный, так сказать, «персональный», основанный на личных наблюдениях и ощущениях список бразильской национальной «Сборной всех времен». Всего было названо 75 имен. И только одно имя вошло во все 64 списка. Это был, как нетрудно догадаться, Пеле. На втором — третьем местах с 58 голосами оказались Гарринча и Нильтон Сантос.

А выглядел этот список так:

Вратарь: *Жилмар (46 голосов)*

Защита: *Джалма Сантос (34), Карлос Альберто (30), Домингос да Гия(33) и Нильтон Сантос (58).*

Полузащита: *Зизиньо (30), Диди (43) и Жерсон (33).*

Нападающие: *Гарринча (58), Леонидас (24) и Пеле (64).*

Проанализируем.

В почетный список вошли три великих футболиста, которые *никогда не становились чемпионами мира*: Домингос да Гия, Зизиньо и Леонидас.

Из знаменитой «золотой сборной», выигравшей «биакам-пеонат» 1958–62 годов включены шесть игроков: Жилмар, Джалма Сантос, Нильтон Сантос, Пеле, Гарринча и Диди.

Из «три-кампеонов» 1970 года вошли трое: Пеле, Жерсон и Карлос Альберто.

В то же время в этот самый почетный список не вошел *ни один из героев «ТЕТРА».* Ни Ромарио, ни Бебето, никто из их товарищей, в четвертый раз поднявшихся на футбольный Олимп, не были удостоены этой чести.

Зато кое-кто из них не был забыт при составлении другого, весьма интересного и авторитетного перечня звезд мирового футбола: в 1997 году в «Венерди» — приложении к итальянской газете «Республика» был опубликован список *«Magnifici 100»,* то есть «Сто великолепных».

В него вошли сто лучших игроков мирового футбола, оставивших о себе самый яркий след в XX веке. Что примечательно: именно Бразилия стала страной, давшей в этот список наиболее весомое представительство: 21 имя из сотни!

Интересно, что даже для себя любимых итальянцы выделили только 16 мест.

Для других стран и того меньше: Германии — 11, Англии — 9, Аргентине — 8, Голландии — 5, Уругваю, Испании и Швеции — по 4, Франции — 3, Венгрии и Шотландии — по 2.

Ряд стран был отмечен одним именем. Среди них — Советский Союз с нашим великим вратарем Львом Яшиным.

И теперь, в заключение приведу полностью бразильскую часть этого списка.

Вот они, футбольные гении, увековеченные в Пантеоне всемирной и непреходящей футбольной славы:

Пеле,

Жаирзиньо,

Диди,

Гарринча,

Амарилдо,
Зико,
Адемир,
Фалкао,
Ривелино,
Жулиньо Ботельо,
Загало,
Карлос Альберто,
Джалма Сантос,
Нильтон Сантос,
Ромарио,
Алтафини (Мазола),
Фриденрайх,
Роналдиньо,
Зито,
Сократес,
Дунга.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Итак, поставлена точка в конце последней главы. Книга закончена. И теперь в соответствии с незыблемыми канонами и традициями публицистики автор должен подвести какие-то итоги.

Прощаясь с рукописью, хочется немного пофилософствовать. Хочется спросить себя: не сгустил ли краски, не слишком ли переборщил, говоря о закулисных махинациях, о «подземельях» бразильского футбола? О самоуправстве картол, о безжалостной эксплуатации игроков, о примитивизме тренерской работы, встречающемся иногда даже в больших клубах футбольных столиц, — Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, Белу-Оризонти? Я догадываюсь, что некоторые из читателей недовольно морщились, читая, например, главу «Грустная бухгалтерия футбола» или рассказы о тренерах, о «Сантосе» и «Сан-Кристоване». И пожимали плечами, обращаясь к автору книги: «Ну и расписал же ты, брат, страсти-мордасти! А ведь бразильцы-то — единственные в истории футбола трехкратные чемпионы мира! Как же могли они добиться этого, если дела у них обстоят столь плохо?..»

Если у кого-либо из читателей действительно возникли подобные мысли, я могу ответить следующим образом. Бразильский футбол одержал свои выдающиеся победы и заслужил всеобщее уважение и восхищение не благодаря, а вопреки своей примитивной организационной структуре, своему хаотичному внутреннему устройству. Замечательное мастерство футболистов, взращенное на ниве всенародной любви к этому виду спорта, позволило и позволяет им добиваться успехов, несмотря на неимоверные трудности, на коррупцию, на грязные

махинации околофутбольных дельцов. И если бы бразильский футбол был свободен от этих цепей, он наверняка удивил бы мир еще более блистательными победами. В этом я глубоко убежден. И я не опасаюсь упреков в преувеличении, когда говорю, что бразильский футбол — это великий футбол. Он велик и прекрасен, но не блеском завоеванных клубов и не пышностью титулов. Титулы и кубки — это лишь внешнее отражение сути, это яркие наклейки, не более того… Бразильский футбол велик потому, что в ярком творчестве Пеле, Гарринчи, Тостао, Жаирзиньо, Жерсона, Ривелино, Ромарио, Бебето, Роналдиньо и сотен, тысяч других волшебников мяча находит свое выражение душа бразильского народа, его удивительные творческие способности, его таланты.

Рио-де-Жанейро — Сан-Паулу — Москва
1966–2000

---

notes

Примечания

1

В 1972 году Нилтон Сантос был приглашен в тренерский совет «Ботафого».

2

Пеле обратился с этим призывом по радио и телевидению во время интервью после матча «Сантоса» с командой «Васко да Гама» 19 ноября 1969 года, в котором он забил свой тысячный гол. Призыв остался без ответа: все попытки Пеле организовать фонд помощи детям бедняков натолкнулись на равнодушие правительственных органов и толстосумов Бразилии.

3

Бразильская конфедерация спорта.

4

Сеу — уменьшительное от слова «сеньор».